

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 19 · № 3

• 2022 •

Vol. 19 · No. 3

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2022

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2022

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich’s Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
 - the database “Russian science citation index”;
- Ulrich’s Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
 - legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

Издается с 2004 года
Выходит четыре раза в год

Прежние наименования журнала:

«Вестник Омского юридического института» ISSN 2222-856X (2004 г. – первая половина 2012 г.);

«Вестник Омской юридической академии» ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online)

(вторая половина 2012 г. – первая половина 2019 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Председатель редакционной коллегии –
главный редактор**

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабурин Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лусилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасой, Неаполь, Итальянская Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гундул Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Дерিশев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Козн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэгс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Манчестерский университет, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Фор Майкл Дж. – профессор сравнительного частного права и экономики (Маастрихтский университет, Маастрихт, Королевство Нидерландов);

Хамедов Иса Ахлиманович – доктор юридических наук, профессор, имеет дипломатический ранг (Университет мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан);

Хоссейн Мд Саззэд – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4.0 License

Настоящий журнал в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не маркируется знаком информационной продукции

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 19, no. 3

2022

Published since 2004
Published four times a year

Previous titles of the journal:

“Vestnik of the Omsk Law Institute” ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);

“Vestnik of the Omsk Law Academy” ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online)

(second half of 2012 – first half of 2019)

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board – Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Maxim V. Bavsun – Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Michael G. Faure – Professor of Comparative Private Law and Economics, Maastricht University, Maastricht, Kingdom of the Netherlands;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Isa A. Khamedov – Doctor of Legal Sciences, Professor, has a diplomatic rank, University of World Economy and Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Manchester, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

А. А. Афанасьев

Сельский мир как вид правовой жизни общества 222

К. Е. Довгань

Развитие рамочного правового регулирования в области разграничения
предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти
Российской Федерации и ее субъектов. 233

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

А. В. Афанасьевская

К вопросу о гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних 245

И. А. Корючина

Наследственная трансмиссия: проблемы правового регулирования 253

К. Ю. Сасыкин

Принудительное лицензирование на фармацевтическом рынке: история и практика . . . 267

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, НАЛОГОВОЕ ПРАВО, БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

В. Б. Башуров

Правовое регулирование предоставления межбюджетных субсидий 281

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Д. Ю. Краев

Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации):
вопросы правоприменения 294

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

А. В. Равнюшкин

Насильственные действия как признак объективной стороны составов правонарушений,
предусмотренных статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных
правонарушениях и статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации 310

Информация для авторов 322

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, HISTORY OF LAW AND STATE STUDIES

A. A. Afanasyev
Rural World as a Type of Legal Life of Society 222

K. E. Dovgan
**The Development of Framework Legal Regulation in the Field of Delimitation
of Subjects of Jurisdiction and Powers of Federal Government Bodies
of the Russian Federation and Its Subjects** 233

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

A. V. Afanasiievskaya
On the Issue of Civil Liability of Minors 245

I. A. Koryuchina
Heritage Transmission: Issues of Legal Regulation 253

K. Yu. Sasykin
Compulsory Licensing in the Pharmaceutical Market: History and Practice 267

FINANCIAL LAW, TAX LAW, BUDGET LAW

V. B. Bashurov
Legal Regulation of the Provision of Inter-Budgetary Subsidies 281

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

D. Yu. Kraev
**Insignificance of an Act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation):
Issues of Law Enforcement** 294

ADMINISTRATIVE LAW, ADMINISTRATIVE PROCESS

A. V. Ravnyushkin
**Violent Acts as a Factor, Influencing the Qualification of Certain Offenses
(Article 6.1.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences
and Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation)** 310

Information for Authors 324

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Theory and History of Law and State, History of Law and State Studies

УДК 340.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-3-222-232

EDN: HSYPUH

Оригинальная научная статья

Сельский мир как вид правовой жизни общества

А. А. Афанасьев

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

✉ afanasiev-3a@yandex.ru

Аннотация. Правовая жизнь общества как объект юридического знания может иметь различные инварианты (виды, формы), которые представляют собой сложные саморазвивающиеся системы с постоянно изменяющимися по мере эволюции количественными и качественными характеристиками (во времени, пространстве и др.). При их взаимодействии происходит перманентное изменение самого целостного объекта, который переходит во все новые и новые фазы. Таким видом целостного объекта является правовая жизнь сельского мира, охватывающая весь комплекс материальных и духовных правовых явлений, возникающих при решении задач государственной политики по развитию сельских территорий в целях улучшения качества жизни населения, обеспечения национальной безопасности и суверенитета России. В настоящем исследовании предметом юридического познания правовой жизни села являются сформулированные идеи, принципы, правоотношения (властные, экономические, экологические и других сфер деятельности субъектов), правовые нормы и иные элементы, которые в своей совокупности представляют основы права сельского мира. Правовые основы сельской жизни как саморазвивающийся политико-правовой феномен является эффективным инструментом совершенствования национального позитивного права. Их исследование через более детальное изучение существенных признаков структурных элементов с помощью синтеза методов, способов и процессов научного познания позволяет объективно дополнить понятийный ряд юридической науки.

Ключевые слова: правовая жизнь; сельский мир; сельская жизнь; право; правовые основы; сельская территория; сельское население.

Для цитирования: Афанасьев А. А. Сельский мир как вид правовой жизни общества // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 222–232. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-222-232>. EDN: <https://elibrary.ru/hsypuh>

Original scientific article

Rural World as a Type of Legal Life of Society

A. A. Afanasyev

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

✉ afanasyev-3a@yandex.ru

Abstract. The legal life of society as an object of legal knowledge can have various invariants (species, forms), which are complex self-developing systems with constantly changing quantitative and qualitative characteristics as they evolve (in time, space, and more). When they interact, there is a permanent change in the most integral object, which goes into more and more new phases. This type of integral object is the legal life of the rural world (rural life), covering the entire range of material and spiritual legal phenomena that arise when solving the tasks of state policy for the development of rural areas in order to improve the quality of life of the population, ensure national security and sovereignty of Russia. In this study, the subject of legal knowledge of the legal life of the village is formulated ideas, principles, legal relations (power, economic, environmental and other spheres of activity of the subjects), legal norms and other elements that collectively represent the foundations of the law of the rural world. The legal basis of rural life as a self-developing political and legal phenomenon is an effective tool for improving national positive law. The study of the foundations of the law of the rural world through a more detailed study of significant signs of its structural elements through the synthesis of methods, methods and processes of scientific knowledge allows you to objectively supplement the conceptual range of legal science.

Keywords: legal life; rural world; rural life; law; legal framework; rural territory; rural population.

For citation: Afanasyev A. A. Rural World as a Type of Legal Life of Society. *Siberian Law Review*. 2022;19(3):222-232. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-222-232>. EDN: <https://elibrary.ru/hsypuh> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В науке сложилось однозначное понимание села, деревни, сельского образа жизни как сложнейшей подсистемы общества, в которой воедино слиты крестьянский труд и народная культура, экономика сельской территории, качество жизни, формирующие особый генотип нации во всех ее проявлениях [1]. Сельская жизнь, помимо выполнения общенациональной продовольственной функции, генерирует важнейшие общественные блага, связанные с пополнением трудового, демографического и историко-культурного потенциала страны, сохранением экологического равновесия и живой природы, обеспечением занятости населения в сферах сельского хозяйства и туризма. Властные отношения на сельских территориях

представлены государственно-правовыми отношениями (как части государственной территории) и муниципально-правовыми отношениями (как территории муниципального образования). Они направлены на обеспечение интересов и качества жизни сельского населения, в том числе в сферах образования, медицины, социальной защиты и иных, и одновременно на развитие самой сельской территории (инфраструктуры, экономики, экологии, ландшафта, фауны, бережного использования земли и недр и др.).

Вместе с тем научное сообщество постоянно обращает внимание на острые проблемы сельских территорий, которые обязаны решать государственная и местная власть, каждая в пределах своей компетенции с опорой на сельское население,

сельхозтоваропроизводителей, всех заинтересованных субъектов гражданского общества, закрепляя положительные тенденции, которые, безусловно, имеются практически в каждом регионе Российской Федерации. Особенно это касается проблем правового регулирования социального развития села, которые в настоящее время достаточно глубоко исследованы [2].

Следует согласиться с выводами отдельных ученых, что властные структуры обязаны использовать право как важнейший инструмент решения поставленных задач государственной политики по развитию сельских территорий, сохранению цивилизационных основ сельской жизни России. И здесь на первый план выходит знание о происходящих процессах в этой специфической сфере общественной жизни, в том числе правовой. Правотворческая деятельность органов власти должна сопровождаться как серьезным и реалистичным анализом существующей правовой действительности, так и качественным прогнозированием состояния общественно-экономической ситуации на конечном этапе реализации принимаемых государственных и муниципальных программ и проектов. При этом их экономическую составляющую необходимо направлять на достижение максимального совокупного дохода сельских территорий, социальную – на сохранение стабильности политико-культурных систем сельских поселений, экологическую – на обеспечение целостности и защиту биологических и природных систем. В этом случае ориентиром (целевым показателем), определяющим выполнение любой поставленной задачи, будет служить не эффективность в рублях, а интересы человека, повышение качества его жизни [3, с. 349].

Критическая оценка Конституции Российской Федерации 1993 г. с учетом современного состояния мировой экономики и политики обусловила внесение в нее в 2020 г. существенных поправок, которые

в обществе воспринимаются как начало процесса реагирования на новые вызовы в целях обеспечения дальнейшего развития российской цивилизации. Особое значение, на наш взгляд, здесь приобретают положения новых ст.ст. 67.1 и 75.1, а также новеллы ст.ст. 68, 69, 72 и 75, обязывающие публичную власть в построении основ жизни российского общества опираться на тысячелетнюю историю страны, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, исторически сложившиеся государственное единство и культурные традиции народа. Для юридической науки в этом плане особенно значимым становится анализ различных сторон правовой жизни общества, в том числе правовых основ сельской жизни и правовых традиций ее самоорганизации (общинности) как политико-правового (социального) феномена, являвшегося опорой русской государственности в периоды трансформации, кризиса и даже слома государственных форм.

С сельской территорией, сельским образом жизни непосредственно связана судьба четверти населения России. Жизнь российского села всегда выступала важнейшим фактором, определяющим выбор направлений стратегического развития нашей страны. Сегодня предметом дискурса не только среди ученых-юристов, но и среди обществоведов является стремительная урбанизация России при ее огромной территории и безусловно цивилизационном значении сельского образа жизни, оказавшем влияние на формирование ментальных особенностей, сохранение традиций и ценностей народа [4, с. 131–137, 158–175, 211–213]. При этом автор признает, что меньшую значимость в цивилизационном развитии России уже с момента образования ее государственности имели города. Поэтому изучение различных сторон жизни городского населения с научной точки зрения также немаловажно и оправданно.

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Правовая жизнь (государственно-правовая жизнь) общества в качестве научной категории и целостного познаваемого объекта прочно вошла в современный этап развития юридического (гуманитарного) знания. В качестве общего объекта юридической науки правовая жизнь охватывает всю сферу права с ее позитивными проявлениями (позитивное право, юридические средства) и духовными (правосознание, правовые установки, правовая ментальность), закономерными факторами и случайными. Она характеризует общество с точки зрения правовой действительности в процессе формирования правовых явлений, в динамике (в противоположность понятию правовой системы, характеризующей общество с точки зрения одной из его структур как продукта кристаллизации общественных процессов) [5, с. 238–315]. Глубина познания данного объекта представляет собой творческий процесс и зависит от конкретно поставленных научных целей [6, с. 48–67].

Как объект научного юридического знания правовая жизнь общества представляет собой существующую реальность, предметом которой является формируемая самой наукой теоретическая модель этой реальности с помощью исследовательских средств на основе знаний об объекте [7, с. 22–28].

Правовая жизнь – это часть социальной жизни. В силу этого для исследователя права во всех его жизненных проявлениях важно глубинное понимание природы общества, законов его развития. Без философии, экономики и других гуманитарных наук трудно раскрыть полноту современного развития и турбулентности общественно-правовой жизни. В настоящем исследовании общие философско-социологические

и историко-политические знания лежали в основе процесса исследования правовой жизни села, составляя в конечном итоге ее общую платформу. Так, при анализе научных концепций социальной жизни общества с философско-социологических позиций применительно к определению понятия жизненного мира российского села удалось его представить в виде двойственной конструкции (модели) части российского общества, проживающего в поселениях на сельской территории Российской Федерации (сельское население), которая увязывает научные теории (парадигму) жизненного мира и системы. Жизненный мир села (первичный, исходный) структурно складывается из общественного (группового) сознания в виде смыслов общественной (публичной) и личной (приватной) жизни на основе коммуникативного действия (поведения) отдельных индивидов и групп российского общества, направленных на взаимопонимание (этическое, социальное, правовое, политическое и прагматическое), универсализацию личностей как уникальных индивидуальностей, устойчивость в отношениях, согласования жизненных планов, упорядочивание нормативной среды. Складывающийся таким образом жизненный мир села представляет собой своеобразный фон (самостоятельную среду, субстанцию), смысловое пространство наших действий или коммуникативное пространство, где обеспечивается коммуникация. Он проявляется в виде целей-принципов, которыми руководствуется человек (осознанно или стихийно) в своей повседневной жизни для сохранения ценностей и развития общества. Система жизненного мира российского села представляет собой совокупность институционных подсистем системы (общественно-политических структур), в том числе правовой подсистемы (правовой жизни, правовых основ)¹.

¹ См. подробнее: *Афанасьев А. А.* Жизненный мир российского села в правовом отношении: социологический аспект // Социология и право. 2022. Т. 14, № 1. С. 27–35. DOI: <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-27-35>

**СЕЛЬСКИЙ МИР КАК ВИД
ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА
И ОБЪЕКТ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ**

Правовая жизнь общества как объект юридического познания может иметь различные инварианты (виды, формы), которые представляют собой сложные саморазвивающиеся системы с постоянно изменяющимися количественными и качественными характеристиками по мере эволюции (во времени, пространстве и другое). При их взаимодействии происходит перманентное изменение самого целостного объекта, который переходит во все новые и новые фазы [8, с. 42–43, 48–49].

Критериями для разграничения видов правовой жизни общества является характер и юридическая природа правоотношений, возникающих в результате правового регулирования социальных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. Разработка теоретического понятия деятельности человека в специфических видах правовой жизни общества всегда актуальна, поскольку приближает нас к пониманию своеобразия человеческого мира [9, с. 3–21].

Таким видом целостного объекта (правовая жизнь общества), на наш взгляд, является правовая жизнь сельского мира, который в настоящем исследовании является также объектом юридического познания. В гуманитарных науках сельский мир как объект исследования прочно занял свое место. Результаты его познания отражены в многочисленных работах ученых прошлого и настоящего. Так, один из основателей цивилизационного подхода в науке Н. Я. Данилевский, рассматривая разнообразные институты русского общества, особым образом выделяет сельскую общину, называя ее «неприкосновенной формой собственности», «институтом, органически связанным с присущими России формами управления» [10, с. 91, 492–493]. Глубокое исследование сельской жизни периода революционных изменений россий-

ского общества начала XX в. провел известный ученый А. М. Большаков [11]. Следует особо отметить современные исследования жизненного мира российского села философско-социологической направленности члена-корреспондента Российской академии наук Ж. Т. Тощенко и его коллег [12]. Исследования отдельных сторон правовой жизни села XIX в. было проведено ученым-юристом М. Х. Петруланом в работе «Сельская жизнь в прошлом и настоящем, в юридическом и общественно-культурном отношении» [13].

Однако комплексного исследования современного состояния правовой жизни села до настоящего момента еще не осуществлялось. В связи с этим именно данная сторона сельской жизни в качестве частного юридического знания окружающего нас мира стала объектом научного исследования автора. Целью данного исследования в большей степени является не открытие новых закономерностей, а выдвижение практически значимых предложений по совершенствованию юридических форм организации деятельности субъектов права на сельской территории в соответствии с указанными закономерностями.

Сельский мир в правовом отношении представляет собой совокупность правовой деятельности множества субъектов по поводу различных аспектов сельской жизни, отражающих специфику и достигнутый уровень правового развития общества, в том числе принимаемых юридических актов. Познание правовой жизни села (сельской жизни) как объекта юридического знания позволяет на основе синтеза методов, способов и процессов научного познания объективно дополнить понятийный ряд юридической науки.

**ОСНОВЫ ПРАВА СЕЛЬСКОГО МИРА
КАК ПРЕДМЕТ
ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ**

В настоящем исследовании предметом юридического познания правовой жизни

села выступают сформулированные идеи, принципы, правоотношения (властные, экономические, экологические и иных сфер деятельности субъектов), правовые нормы и иные элементы, которые в совокупности по своей сути представляют основы права (правовые основы) сельского мира².

Возникновение любого политико-правового явления связано с фундаментальными потребности общества, без удовлетворения которых невозможно его устойчивое нормальное функционирование и развитие. Правовые основы современного мира российского села характеризует четко определенная цель – устойчивое развитие сельских территорий Российской Федерации. Для ее достижения государством определяется круг задач с соответствующим набором функций для властной системы общества, финансовым и материальным обеспечением для регулирования специфических правоотношений. Именно правоотношения являются одним из важнейших элементов правовых основ жизненного мира российского села, характеризующих их внутреннюю (содержательную) сторону через установление желаемого для общества поведения граждан в Конституции Российской Федерации, законодательных и иных нормативно-правовых актах (нормативный аспект). При этом гражданское общество путем создания неформализованных правил, генерирования идей, культивирования ценностей осуществляет влияние на государство в повторении и воспроизведении отношений данного вида в интересах его развития.

Развитие общества невозможно без формализации общественных отношений в виде правоотношений. Правовые основы жизненного мира российского села сложились в процессе исторического раз-

вития России как результат регулярных и долговременных общественных отношений, санкционируемых и поддерживаемых с помощью норм права. В рамках настоящего исследования понятие правовых основ системы жизненного мира российского села во многом раскрывается через правоотношения, которые является предметом правового регулирования, обеспечивающим достижение поставленных обществом целей своего развития, в том числе по обеспечению конституционных основ правового социального государства, определению задач и функций деятельности того или иного органа власти. В дальнейшем государственная власть и органы местного самоуправления, используя механизм правового регулирования, воздействуют на данные общественные отношения (предмет правового регулирования) в целях решения задач социально-экономического развития сельских поселений, улучшения качества жизни сельского населения, в том числе разрабатывая и финансируя многочисленные программы. На этом основании правовые основы сельской жизни в системе жизнеобеспечения государства являются действенным фактором обеспечения суверенитета и национальной безопасности нации. Определение круга общественных отношений, которые требуют правового регулирования сельской жизни, анализ их содержания служит основой эффективного действия права. Данные правоотношения, безусловно, имеют специфику и отличия от общественных отношений, определяющих городскую жизнь. Представляется, что и это направление заслуживает отдельного исследования юридической наукой.

Правовые основы раскрываются в работе через исторический аспект, понятия правовой действительности и правовой

² См. подробнее: *Афанасьев А. А.* Сельские территории и сельские поселения: правовая доктрина устойчивого комплексного развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 65–68. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-1-65-68>

культуры и др. При этом в силу различия данных понятий по объему, методологической направленности и другим характерным свойствам всегда возникала проблема оставаться внутри изучаемых жизненных процессов, а не быть сторонним наблюдателем. Этого удавалось достигать, используя не только теоретические наработки, но и практический опыт исследователя. Оптимальность научных выводов и предлагаемых вариантов правовых решений оценивалась не только через рациональные схемы, но и через жизненные интересы сельских жителей в качестве безусловной ценности и высшего смысла правового бытия.

Особое значение в исследовании придавалось базисным ценностям правовой культуры российского села как отражению исторического развития народов России. К таковым, например, относится принцип общинности (соборности) как формы реализации социальной справедливости, влияние которого на правовые основы сельской жизни имело и имеет цивилизационное значение для нашего народа, на ментальном уровне выражающим высокие нравственные качества [14, с. 381]. Это дало возможность уточнить набор признаков, характеризующих один из субъектов познания – сельских жителей (сельского социума). В ряду этих признаков трудолюбие, любовь к родной земле и Отечеству, традиционные семейные ценности и т. д. При изучении практики преобразований и реформ на сельской территории в ходе исторического развития России такой подход обеспечил постоянное сопоставление их с жизненным ценностно-культурным контекстом нашего народа, что в свою очередь позволяло генерировать идеи, выводы и предложения для решения задач развития сельских территорий в целях улучшения качества жизни населения, обеспечения национальной безопасности и суверенитета России. Логика построения схемы самого исследова-

ния (культурно-исторические (цивилизационные) особенности российского села (сельской жизни) в правовом отношении; институционно-правовые характеристики жизненного мира российского села (сельской жизни); правовые основы сельской жизни в современной системе публичной власти; совершенствование правовых основ сельской жизни Российской Федерации) также продиктована обязательным учетом цивилизационных ценностей, традиций и менталитета народа России.

В исследовании мира села как вида правовой жизни общества нашла отражение позиция многих авторитетных ученых-правоведов, которые считают неоправданным обособление юридической науки в плане использования правовых явлений от иных областей гуманитарного знания [15, с. 44]. Как уже было отмечено, именно использование научной терминологии философии и социологии логически дополнило и раскрыло понятие правовых основ жизненного мира села. Закладывая в фундамент познания правовых явлений сельской жизни категорию жизненного мира как идеи или своеобразного фона, неосфера (феноменологическая теория), выражающего дух права (искусственно моделируемого права), автор осуществил попытку построения целостного видения этого мира (системы), в основе которого находится правовая жизнь как подсистема, характеризующаяся положительным (позитивным) правом и духом права. Тем самым выявляются не только устойчивые знания об объекте – правовой жизни общества, но и происходит обновление фундаментальных основ правовой науки (общей теории права) и расширение границ познания мира правовых явлений во всем их многообразии.

Само название дефиниции «правовая жизнь», объединяющей понятие «жизнь» как сущее (раскрывается через дух права) и «правовая» как должное (раскрывается через положительное право), определило

комплексный подход к исследованию, соединяющий теорию (область идеальной правовой жизни) и практику (область фактической правовой жизни) [16]. В результате в рамках исследования предложена правовая доктрина устойчивого комплексного развития сельских территорий Российской Федерации как своеобразная нормативная матрица (ориентир) для законодателя и правоприменителя, содержащая совокупность принципов, идей, предложений и алгоритма действий по совершенствованию правовой системы РФ в целях повышения благосостояния населения и сохранения духовно-нравственных цивилизационных основ России. В концентрированном виде правовая доктрина раскрывается в предложенном проекте закона «Об основах устойчивого комплексного развития сельских территорий Российской Федерации». Здесь правовая жизнь села представляется как то всеобщее, что обуславливает и объединяет все прочие правовые феномены в единый комплекс.

1. Главной целью предложенного проекта закона является вывод многих сельских территорий из состояния депрессивных на основе закрепления с помощью норм права следующих положений: 1.1) максимальное использование муниципально-частного и муниципально-государственного партнерства; 1.2) учет и реализация на практике потребности в социально-бытовых услугах у местного населения, развитие агротуризма, сбережение культурно-исторической самобытности сельского населения; 1.3) принятие под гарантию исполнения государством минимального уровня предоставления социально-бытовых условий жизни сельского населения (социального стандарта); 1.4) принятие под гарантию исполнения государством минимального уровня предоставления финансово-экономической и материально-технической помощи сельскому

поселению на развитие хозяйственной деятельности на территории муниципального образования (финансово-экономического стандарта); 1.5) создание условий для тесного взаимодействия муниципальных органов с организациями, являющимися основными налогоплательщиками или работодателями на территории сельского поселения, в том числе возможностей влияния органов власти на принятие управленческих решений, затрагивающих интересы местного населения; 1.6) учет отечественного и зарубежного опыта развития сельских территорий; 1.7) широкое вовлечение населения в решении местных дел.

2. Дополнение в целях устойчивого комплексного социально-экономического развития сельских поселений основных принципов государственно-правового регулирования сельской жизни, обозначенных в ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»³, следующими законодательными положениями: 2.1) социальная защищенность сельских жителей в случаях отдаленности сельского поселения от органов власти, государственных, муниципальных учреждений и иных организаций, предоставляющих основные социальные услуги, а также вынужденного переезда с сельских территорий ввиду невозможности проживания; 2.2) учет особенностей села при регулировании отдельных общественных отношений, входящих в сферу сельской жизни; 2.3) программно-целевое выделение материальных ресурсов и бюджетных средств на мероприятия, направленные на реализацию государственной социально-экономической политики в отношении села; 2.4) формирование правосознания личности на основе цивилизационных духовно-нравственных ценностей российского народа.

3. Дополнение основных направлений государственно-правового регулирования

³ *Рос. газ.* 2007. 11 янв.

сельской жизни, обозначенных в ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», законодательными положениями, устанавливающими необходимость: 3.1) принятия правового акта в форме закона субъекта Российской Федерации, учитывающего специфику субъекта Российской Федерации и дополняющего федеральные меры поддержки важнейших направлений сельскохозяйственной отрасли; 3.2) развития личных подсобных хозяйств, малого и среднего бизнеса в селе, установления региональных стандартов обеспечения земель сельских поселений в целях ее выделения сельским жителям для строительства жилья и социальных объектов, ведения личных подсобных хозяйств, а также порядка выкупа земель для нужд сельских поселений при несоблюдении стандартов за счет бюджета субъекта Российской Федерации; 3.3) установления федеральных стандартов социальной инфраструктуры по предоставлению социальных услуг населению сельских поселений; 3.4) установления федеральных стандартов инженерной инфраструктуры и транспортного обеспечения жизнедеятельности села; 3.5) строительства в сельской местности только современного, полностью благоустроенного жилья и предоставление качественных жилищно-коммунальных услуг; 3.6) установления в отдельных территориях для закрепления жителей и/или привлечения трудовых ресурсов ежемесячной надбавки к заработной плате в твердой сумме, обеспечивающей значительное превышение уровня средней заработной платы в столице России (с помощью районного коэффициента, процента от минимальной оплаты труда и другое); 3.7) поддержки сельской молодежи; 3.8) обеспечения местного населения первоочередным правом пользования природными богатствами территории, на которой они проживают (заготовка

древесины, сбор дикоросов, рыбная ловля, охота и другое); 3.9) усиления мер правового контроля с участием местного населения за использованием почв, экологического и природоохранного законодательства; 3.10) оказания мер государственной помощи местному населению при катастрофических для сельской территории обстоятельствах; 3.11) развития музейного дела на территории сельского поселения; 3.12) обеспечения финансовой самостоятельности сельских поселений в решении вопросов местного значения; 3.13) передачи в целях приближения государственной власти к сельскому населению на уровень муниципального района и сельских поселений максимально возможного объема властных полномочий и отдельных государственных полномочий; 3.14) государственной поддержки кадрового состава и общественных объединений местного самоуправления.

4. Принятие федерального закона, определяющего методы оценки субъектами Российской Федерации не реже одного раза в пять лет социально-экономического состояния сельской территории, уровня собственных ресурсов и материально-финансового обеспечения сельских поселений в решении вопросов местного значения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, правовая жизнь сельского мира представляет собой объект юридического знания и вид правовой жизни общества, охватывающий весь комплекс материальных и духовных правовых явлений, возникающих при решении задач государственной политики по развитию сельских территорий в целях улучшения качества жизни населения, обеспечения национальной безопасности и суверенитета России. Познание правовой жизни села позволило выделить правовые основы сельской жизни в качестве предмета юридического знания и как саморазвивающийся политико-правовой феномен (политико-

правовое явление), являющийся эффективным инструментом совершенствования национального позитивного права. Исследование основ права сельской жизни через более детальное изучение существенных признаков его структурных элементов с помощью синтеза методов, способов и процессов научного познания объективно дополняют понятийный ряд юридической науки.

Современное российское общество при решении задач устойчивого комплексного развития сельских территорий, улучшения качества жизни сельского населения должно опираться прежде всего на правовые и духовно-нравственные основы нашего народа, его богатые и уникальные традиции с учетом опыта (положительного и отрицательного) иных цивилизаций.

Список литературы

1. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: зарубежный опыт и проблемы России / отв. ред.: Н. Ф. Глазовский, А. В. Гордеев, Г. В. Сдасюк. М. : Т-во науч. изд. КМК, 2005. 615 с.
2. Чичкин А. В. Правовое регулирование социального развития села : моногр. / отв. ред. А. И. Бобылев. М. : Право и государство, 2005. 216 с.
3. Иконникова О. В. Основные подходы к определению понятия «устойчивое развитие сельских территорий» // Проблемы современной экономики. 2012. № 1 (41). С. 349–352.
4. Мальцев Г. В. Крестьянская община в истории и судьбе России. М. : Изд-во РГТЭУ, 2010. 216 с.
5. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. 748 с.
6. Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты : моногр. / А. С. Анисимова [и др.] ; под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2016. 354 с.
7. Боруленков Ю. П. Объект и предмет юридического познания // Закон и право. 2015. № 7. С. 22–28.
8. Малько А. В., Трофимов В. В. Правовая жизнь общества как объект теории права: к постановке проблемы // Государство и право. 2017. № 5. С. 39–50.
9. Беляев М. А. Юридическое познание как деятельность // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. № 1 (7). С. 3–21.
10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 574 с.
11. Большаков А. М. Деревня: 1917–1927 / с предисл. М. Калинина и акад. С. Ф. Ольденбурга. М. : Работник просвещения, 1927. 472 с.
12. Тощенко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизни жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 1. С. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33>
13. Петрулан М. Х. Сельская жизнь в прошлом и настоящем, в юридическом и общественно-культурном отношении. Вильна : Тип. И. Бломовича, 1894. 108 с.
14. Еремян В. В. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству): очерки муниципальной историографии : моногр. : в 3 т. М. : РУДН, 2019. Т. 1. 541 с.
15. Шундииков К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения : моногр. М. : Юрлитинформ, 2013. 256 с.
16. Трофимов В. В. Правовая жизнь: социально-сущностная конфликтно-солидарная синтетическая основа (постановка проблемы) // Государственно-правовые исследования. 2019. Вып. 2. С. 247–253.

References

1. Glazovskii N. F., Gordeev A. V., Sdasyuk G. V. (Eds.). *The Sustainable Development of Agriculture and Village Areas: Foreign Experience and Problems in Russia*. Moscow: Association of Scientific Publications KMK Publ.; 2005. 615 p. (In Russ.).
2. Chichkin A. V. *Legal Regulation of the Social Development of the Village*. Moscow: Pravo i gosudarstvo Publ.; 2005. 216 s. (In Russ.).
3. Ikonnikova O. V. Basic Approaches to the Notion of “Sustainable Development of Rural Territories”. *Problems of Modern Economics*, 2012;1:349-352. (In Russ.).
4. Mal'tsev G. V. *Peasant Community in the History and Fate of Russia*. Moscow: Russian State University of Trade and Economics Publ.; 2010. 216 p. (In Russ.).
5. Alekseev S. S. *Rise to Law. Searches and solutions*. Moscow: Norma Publ.; 2001. 748 p. (In Russ.).
6. Anisimova A. S. *Legal Life of Modern Russian Society: Levels, Cuts, Segments*. Moscow: YurLitinform Publ.; 2016. 354 p. (In Russ.).

7. Borulenkov Yu. P. The Object and Subject Legal Knowledge. *Law and Legislation*. 2015;7:22-28. (In Russ.).
8. Malko A. V., Trofimov V. V. Legal Life of Society as an Object of Theory of Law: Problem Statement. *State and Law*. 2017;5:39-50. (In Russ.).
9. Belyaev M. A. Legal Knowledge as an Activity. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2012;1:3-21. (In Russ.).
10. Danilevskii N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Kniga Publ.; 1991. 574 p. (In Russ.).
11. Bol'shakov A. M. *Countryside: 1917–1927*. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya Publ.; 1927. 472 p. (In Russ.).
12. Toshchenko Zh. T., Velikiy P. P. The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Universe of Russia*. 2018;27(1):7-33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33> (In Russ.).
13. Petrusan M. Kh. *Village Life in the Past and Present, in Legal and Socio-Cultural Terms*. Vilna: Printing House of I. Blyumovich; 1894. 108 p. (In Russ.).
14. Eremyan V. V. *Ancient Rus (from the Community-Clan to the Community-State): Essays on Municipal Historiography. Vol. 1*. Moscow: RUDN University Publ.; 2019. 541 p. (In Russ.).
15. Shundikov K. V. *The Synergetic Approach in Jurisprudence. Problems of Methodology and Experience of Theoretical Application*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2013. 256 p. (In Russ.).
16. Trofimov V. V. Legal Life: Social-Substantive Conflict-Solidar Synthetic Basis (Formulation of the Problem). *State Legal Research*. 2019;2:247-253. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Александрович Афанасьев, доцент кафедры театрального искусства и социокультурных процессов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55А, Омск, 644077, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2706-697X>; e-mail: afanasiev-3a@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Afanasyev, Associate Professor of the Department of Theatrical Art and Socio-Cultural Processes at the Dostoevsky Omsk State University (55A Mira pr., Omsk, 644077, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2706-697X>; e-mail: afanasiev-3a@yandex.ru

Поступила | Received
28.05.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
19.07.2022

Принята к публикации | Accepted
26.07.2022

УДК 342.5

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-3-233-244

EDN: IKECFY

Оригинальная научная статья

Развитие рамочного правового регулирования в области разграничения предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов

К. Е. Довгань *Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация*✉ dok.2122@bk.ru

Аннотация. Проведен анализ отдельных нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, с точки зрения юридической техники, в частности наличия элементов рамочного правового регулирования. Отдельные аспекты последнего рассмотрены с позиции конституционного права. Целью настоящего исследования является изучение юридической техники, инструментария рамочного правового регулирования. Механизм рамочного правового регулирования существует в области разграничения предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти и ее субъектов. С точки зрения юридической техники, его признаки прослеживаются в законодательстве СССР, однако концептуальные изменения в развитии федеративных отношений начали происходить в конце XX в. Анализ нормативно-правовых актов, которые были подписаны до всенародного голосования по принятию Конституции РФ, имеет существенное значение в процессе определения юридического инструментария, который использовал законодатель при регулировании федеративных отношений в Российской Федерации. Нормативные правовые акты, в том числе Федеративный договор, имели важное значение в процессе централизации государственной власти нашей страны, способствовали недопущению выхода автономных союзных республик РСФСР из ее состава. Федеративный договор обладает определенными особенностями: с технико-юридической стороны в тексте встречается полисемия, относительно-определенные нормы, создающие неопределенность в правовом регулировании, однако в некоторых договорах присутствует условие о дальнейшей конкретизации правоотношений, что позволяет учесть местные особенности регионов в дальнейшем правовом регулировании. В государствах взаимоотношение между федеральными органами власти и субъектами федерации является важным, прежде всего в целях осуществления функций государства. С точки зрения методологической концепции историзма представляется возможность исследовать развитие юридических средств рамочного правового регулирования, которые были заложены при формировании и становлении федеративных отношений в России. По результатам исследования выявлены отдельные проблемы, а также сделаны обобщающие выводы.

Ключевые слова: рамочное правовое регулирование; рамочное законодательство; основы законодательства; неопределенность; полисемия; юридическая техника.

Для цитирования: Довгань К. Е. Развитие рамочного правового регулирования в области разграничения предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 233–244. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-233-244>. EDN: <https://elibrary.ru/ikecfy>

Original scientific article

The Development of Framework Legal Regulation in the Field of Delimitation of Subjects of Jurisdiction and Powers of Federal Government Bodies of the Russian Federation and Its Subjects

K. E. Dovgan

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

✉ dok.2122@bk.ru

Abstract. The article analyzes individual legal acts regulating the issues of delimitation of the jurisdiction and powers of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation in terms of legal technique, in particular, the presence of elements of a framework legal regulation. Separate aspects of framework legal regulation from the point of view of constitutional law, the purpose of this study is to study the legal technique, tools of framework legal regulation. The mechanism of framework legal regulation exists in the field of delimitation of the subjects of jurisdiction and powers of federal government bodies and its subjects. From the point of view of legal technique, signs of framework legal regulation can be traced in the legislation of the USSR, however, conceptual changes in the development of federal relations began to occur at the end of the 20th century. An analysis of the legal acts that were signed before the popular vote on the adoption of the Constitution of the Russian Federation is essential in the process of determining the legal tools that the legislator used in regulating federal relations in the Russian Federation. Regulatory legal acts, including the Federal Treaty, were of great importance in the process of centralization of state power in our country, contributed to preventing the withdrawal of the autonomous union republics of the RSFSR from its composition. The Federal Treaty has certain features, on the technical and legal side, the text contains polysemy, relatively certain norms that create uncertainty in legal regulation, on the one hand, and on the other hand, in some Treaties there is a condition for further specification of legal relations, which allows taking into account the local features of the regions in further legal regulation. In complex states, the relationship between federal authorities and subjects of the federation is important, first of all, in order to carry out the functions of the state. From the point of view of the methodological concept of historicism, it is possible to explore the development of legal means of framework legal regulation, which were laid down during the formation and development of federal relations in Russia. Based on the results of the study, certain problems were identified, as well as generalizing conclusions were made.

Keywords: framework legal regulation; framework legislation; fundamentals of legislation; uncertainty; polysemy; legal technique.

For citation: Dovgan K. E. The Development of Framework Legal Regulation in the Field of Delimitation of Subjects of Jurisdiction and Powers of Federal Government Bodies of the Russian Federation and Its Subjects. *Siberian Law Review*. 2022;19(3):233-244. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-233-244>. EDN: <https://elibrary.ru/ikeyfy> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Концепция нормативного правового регулирования является одной из базовых в теории государства и права. Рамочное правовое регулирование выступает элементом нормативного правового регулирования, за-

дачей которого является создание условий для установления (в том числе изменения или прекращения) прав и обязанностей субъектов права в целях дальнейшей конкретизации правоотношений на последующих уровнях правового регулирования.

**РАМОЧНОЕ
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ:
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ**

Отдельные аспекты рамочного правового регулирования, но с точки зрения конституционного права, затрагивались в работах Б. С. Крылова, А. Н. Кокотова, В. В. Невинского, В. А. Черепанова, Т. Я. Хабриевой, И. М. Умновой и многих других. Целью же настоящего исследования является изучение его юридической техники, инструментария.

Немецкое правоведение рамочный закон считает базовым, переводя как “Basic Law for the Federal Republic of Germany”. В других европейских странах вопрос о качестве законодательства решается рамочным способом, например, путем утверждения рамочной концепции качества законодательства [1].

В Большом юридическом словаре сказано, что рамочные законы (скелетные законы, или законы-рамки) регламентируют лишь общие принципы регулирования какой-либо области¹.

Неопределенность как средство правового регулирования используется законодателем, когда он не считает возможным детально урегулировать правовые отношения, формулируя лишь общее, ключевое положение в норме, считает Н. А. Власенко [2, с. 43]. По мнению Т. Н. Назаренко правовая неопределенность может использоваться и как средство правового регулирования и как дефект права, в том числе присутствует и в рамочном законодательстве². А. В. Демин предлагает рассматривать неопределенность как «прием юридической техники» [3, с. 7]. Н. А. Власенко отмечает, что правовая неопределенность выражается в относительно-определенных нормах [2, с. 45]. В связи с этим

представляется, что полисемия как многозначность слов и словосочетаний в нормативных правовых актах создает правовую неопределенность и содержится в относительно-определенных нормах.

Причины появления правовой неопределенности разные [4, с. 18]. В государствах взаимоотношение между федеральными органами власти и субъектами федерации важно прежде всего для осуществления функций государства. С точки зрения методологической концепции историзма представляется возможность исследовать развитие юридических средств рамочного правового регулирования, которые были заложены при формировании и становлении федеративных отношений в России.

С точки зрения юридической техники признаки рамочного правового регулирования прослеживаются в законодательстве СССР. Однако концептуальные изменения в развитии федеративных отношений начали происходить в конце XX в. Процесс становления рамочного правового регулирования (далее – РПР) условно можно разделить на три периода: во-первых, до подписания Федеративного договора; во-вторых, в период реализации Федеративного договора; в-третьих, после принятия Конституции Российской Федерации.

Отвечая на вопрос, почему периодизация зависит от срока принятия Федеративного договора, стоит отметить, что он является одним из основных источников, закрепляющих процесс развития федеративных отношений в России. Изучение состояния законодательства, анализ технико-юридических средств до и после принятия Федеративного договора позволяют оценить признаки и элементы РПР.

¹ Большой юридический словарь // Словари, энциклопедии и справочники – Slovar.cc. URL: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2465244.html>

² Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 227 с.

**СТАНОВЛЕНИЕ РАМОЧНОГО
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В ДЕКЛАРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ
СУВЕРЕНИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ
СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Распад СССР создавал угрозу децентрализации территориального устройства РСФСР, что обусловило необходимость принятия особого нормативного правового акта, который бы создал прочный централизованный союз органов власти разных уровней. До принятия Конституции РФ таких попыток было несколько, однако существенную роль сыграл Федеративный договор³.

В пункте 9 Декларации о государственном суверенитете РСФСР, где рамочно определялись границы компетенции субъектов, входящих в ее состав, указывается на расширение объема их полномочий⁴. С точки зрения пределов нормативного правового регулирования Декларация о государственном суверенитете РСФСР расширяет границы правового регулирования полномочий субъектов РСФСР, делегируя конкретизацию отдельным нормативным правовым актом РСФСР. Получается, что законодатель, используя неопределенность как средство, определяет пределы сферы правового регулирования, а также говорит о необходимости дальнейшей конкретизации правоотношений, однако, пока соответствующие конкретизирующие акты не приняты, будет существовать пробел в законодательстве.

В проекте Федеративного договора Комиссии по национально-государственному устройству от 16 сентября 1990 г. также существовала неопределенность в определении компетенции субъектов

Федерации, отмечают Д. Н. Шевелев, А. Г. Мельник [5, с. 98].

Процесс правового регулирования зависит от становления и развития федерализма в государстве [6, с. 117]. Форма государства влияет на процесс взаимодействия центральных и региональных органов, степень централизации решения «вопросов жизнедеятельности населения» и т. д. [7, с. 412] В. В. Невинский отмечает факторы, влияющие на становление и укрепление «механизма федеративных отношений»: 1) обновление «советской модели общественной и государственной жизни»; 2) противоречия политических и экономических сил; 3) изменение государственного устройства России и решение вопроса о ее суверенитете; 4) усиление децентрализации [7, с. 415].

Б. С. Крылов считает, что подписание Федеративного договора сыграло особую роль в процессе недопущения распада России и «ввело отношения между Федерацией и ее составными частями в правовые границы единого государства» [8, с. 57]. Однако, Д. Н. Шевелев, А. Г. Мельник отмечают, что обсуждение Федеративного договора в атмосфере социально-политической напряженности носило характер «политического торга» [5, с. 98].

**РАМОЧНЫЕ СРЕДСТВА
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В ФЕДЕРАТИВНОМ ДОГОВОРЕ**

Развитие рамочного правового регулирования стоит рассмотреть на примере Федеративного договора. Он действовал до принятия Конституции РФ и определял вопросы ведения органов государственной власти РФ и ее республик.

³ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации : федератив. договор от 31 марта 1992 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : декларация Съезда нар. депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов РСФСР и Верхов. Совета РСФСР. 1990. № 2, ст. 22.

Б. С. Крылов пишет: «Федеративный договор – общее условное название трех договоров о разграничении предметов ведения и полномочий» [8, с. 57] между федеральными органами и республиками (за исключением республики Татарстан, Чечено-Ингушской Республики). В дальнейшем Федеративный договор был включен в Конституцию РСФСР в качестве приложения. И, как утверждает В. В. Невинский, на 1996 г. был подписан 21 договор с субъектами РФ [7, с. 415], в последующем их количество менялось по различным причинам.

Логико-языковые составляющие имеют важное значение в процессе осуществления юридической регламентации общественных отношений. Представляется важной точка зрения О. В. Шестак, согласно которой динамика правоотношений изменяет границы терминологического аппарата, наполняется новым содержанием⁵. Так, в п. 1 ст. 2 Федеративного договора встречается полисемия, например, «обеспечение соответствия конституций и законов республик», «разграничение государственной собственности», «общие вопросы воспитания», «установление общих принципов налогообложения», «установление общих принципов организации местного самоуправления» и другие. Многозначность данных словосочетаний расширяет объект и предмет правового регулирования, лишь очерчивая их возможные границы.

Далее в п. 2. ст. 2 сказано: «федеральные органы государственной власти Российской Федерации издают Основы

законодательства, в соответствии с которыми органы власти республик в составе Российской Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных правовых актов». Конкретизация должна осуществляться в Основах законодательства, законах и иных нормативных актах. В связи с этим Основы законодательства признавались источником права, принимались в целях урегулирования общих вопросов правоотношений, в соответствии с которыми осуществлялось правовое регулирование в республиках России.

Основы законодательства известны с советского периода, когда они представляли собой кодифицированный нормативный правовой акт, включающий основные положения и принципы правового регулирования соответствующей группы правоотношений.

Т. Я. Хабриева считает целесообразным регламентацию в современных условиях отдельных вопросов совместного ведения РФ и ее субъектов в форме основ законодательства, предполагающих дальнейшую конкретизацию [9, с. 36].

В целом, договоры Российской Федерации⁶ носят рамочный характер, содержат достаточно общие, относительно определенные нормы, в тексте встречается полисемия. Б. С. Крылов отмечал границы правового регулирования, а именно Федеративным договором «впервые в стране были намечены границы разграничения полномочий» РФ и ее субъектов [8, с. 59].

⁵ Шестак О. В. Полисемия терминов медицинских наук : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. С. 44.

⁶ О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан : договор Рос. Федерации и Респ. Башкортостан от 3 авг. 1994 г. ; О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан : договор Рос. Федерации и Респ. Татарстан от 15 февр. 1994 г. ; О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики : договор между Рос. Федерацией и Кабардино-Балкарской Респ. от 1 июля 1994 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Лишь в некоторых договорах⁷ содержатся положения о дальнейшей конкретизации, принятии федеральных законов, определяющих общие основы, в соответствии с которыми субъект РФ будет осуществлять правовое регулирование с учетом местных особенностей либо заключать дополнительные соглашения. Учет местных особенностей для развития правового регулирования закреплялся в преамбулах.

Таким образом, Федеративный договор обладает особенностями, с технико-юридической стороны в тексте встречается полисемия, относительно-определенные нормы создают неопределенность в правовом регулировании, но в некоторых актах присутствует условие о дальнейшей конкретизации правоотношений, что позволяет учесть местные особенности регионов в последующем правовом регулировании.

ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ РАМОЧНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Договорное перераспределение компетенции способствует гибкости правового регулирования [10, с. 40], в том числе согласованию федерального и регионального законодательства, является средством преодоления коллизий в правовом регулировании. Однако, содержание Конституции РФ по вопросам разграничения предметов ведения и полномочий отличалось от Федеративного договора, закрепляя ос-

новные вопросы рассматриваемой проблематики в ст.ст. 71–73.

До 2003 г. в России действовал Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»⁸ (далее – ФЗ № 119), ст. 12 регулировала полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения, где содержатся признаки элементов рамочного правового регулирования. Так, по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издавались федеральные законы, при этом подчеркивалось, что такие законы должны определять «основы (общие принципы) правового регулирования», «принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также федеральные законы, направленные на реализацию полномочий федеральных органов государственной власти». Развивая дискуссию относительно вышеупомянутого понятия «основы (общие принципы) правового регулирования», А. Н. Чертков отмечал: «Федеральный законодатель устанавливает основные, принципиальные положения в сфере совместного ведения, которые обязаны соблюдать и законодательные органы субъектов Федерации. Последние имеют

⁷ *О разграничении* предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики ... ; *О разграничении* предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Саха (Якутия) : договор между Рос. Федерацией и Респ. Саха (Якутия) от 29 июня 1995 г. ; *О разграничении* предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Удмуртской Республики : договор от 17 окт. 1995 г. ; *О разграничении* предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Чувашской Республики : договор между Рос. Федерацией и Чуваш. Респ. от 27 мая 1996 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ *О принципах и порядке разграничения* предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3176.

возможность конкретизации этих положений в своем законодательстве исходя из региональной специфики» [11, с. 103].

А. В. Безруков, А. Н. Кокотов в качестве поводов для принятия данного закона отметили следующее: противоречия внутри федеративных отношений, пробелы законодательства, «отсутствие механизма учета интересов субъектов федерации» [12, с. 32]. И. Н. Барциц утверждал, что ФЗ № 119 закрепил цели Федеративных договоров, а именно конкретизацию положений ст.ст. 72–73 Конституции РФ [10, с. 41].

Представляется, что понятие «основы (общие принципы) правового регулирования» в ФЗ № 119 предполагало принятие на уровне РФ рамочных нормативных правовых актов, дополнительная конкретизация которых осуществлялась со стороны законодателя соответствующего субъекта РФ с учетом местных особенностей. Федеральный законодатель определяет пределы сферы правового регулирования (рамки). Однако, как отмечает С. В. Нарутто, излишняя детализация в федеральных актах способствует уменьшению правосубъектности органов государственной власти субъектов РФ [13, с. 12].

После принятия Конституции РФ вопрос о разграничении предметов ведения РФ и ее субъектов стал одним из центральных и остро обсуждаемым. С. В. Нарутто видит неоднородность в развитии федеративных отношений в России [13, с. 12]. А. Н. Кокотов, С. В. Нарутто, В. В. Невинский отмечали усиление централизации в осуществлении правового регулирования по вопросам совместного ведения [7; 13; 14]. Результатом этого стали реформы, в том числе компетенционная реформа.

Реформа 2003–2005 гг. изменила модель федеративных отношений, «раз-

граничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами», создав «дифференцированную модель» «разграничения компетенции путем распределения законодательных и исполнительных полномочий по предметам совместного ведения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации» [15, с. 34]. В рамках совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (по ст. 72 Конституции РФ) были разграничены две сферы регулирования: совместная и рамочная, пишет С. В. Полеина, цитируя Т. В. Бережную. Рамочная сфера регулирования определялась тем, что законодательными функциями обладали и федеральные органы РФ, и органы государственной власти субъектов РФ в рамках, установленных федеральным законодателем [15; 16], а «исполнительные полномочия принадлежат субъектам Федерации и финансируются за счет их бюджетов»⁹.

В 2003 г. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ¹⁰ изменил процедуру разграничения полномочий РФ и ее субъектов. По мнению А. Н. Мочалова, «если раньше федеральный законодатель осуществлял преимущественно “рамочное” (пусть и неуклонно расширяющееся по объему) регулирование по предметам совместного ведения, оставляя детальное регулирование субъектам Федерации, то с этого момента федеральный законодатель четко очертил достаточно узкий круг вопросов, по которым могут законодательствовать субъекты» [17, с. 143], которые в основном связаны с возможностями региональных бюджетов.

Отсутствие единых и унифицированных пределов правового регулирования

⁹ Бережная Т. В. Формы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 10.

¹⁰ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005.

создавали трудности в практике реализации ст. 72 Конституции РФ. Подобные пределы представлены в Федеративном договоре, в Конституции РФ такие положения отсутствуют. Пределы правового регулирования определялись в Федеративном договоре в такой форме, как Основы законодательства. Этот список, по мнению И. А. Умновой, также дополняется федеральными законами, включающими «общие, базовые положения», общие принципы, а также кодексами [18, с. 22]. Возникает разумный вопрос о соотношении объемов правового регулирования федерального и регионального уровней. Некоторые регионы, как пишет И. А. Умнова, ограничивались закреплением в своем законодательстве исключительного положения о признании Основ законодательства в качестве источника федерального регулирования по вопросам совместного ведения [18, с. 23].

Н. М. Добрынин отмечает существенные проблемы в этой области. Во-первых, конкретно не определены границы правового регулирования по вопросам совместного ведения. Во-вторых, рамочные федеральные законы стали детализированными, что приводит к усилению федерального центра по вопросам совместного правового регулирования. В-третьих, признание Конституционным Судом РФ подзаконных нормативных правовых актов фактически способом разграничения компетенции [19, с. 3–4].

В. А. Черепанов отмечал общедозволительный тип правового регулирования федеративных отношений в РФ и выделял «основные принципы разделения государственной власти» [20, с. 20], среди которых присутствует «принцип рамочного законодательного регулирования по предметам совместного ведения» РФ и ее субъектов. Автор отмечал «принцип рамочного федерального правового регулирования», который существует в рамках ст. 72 Конституции РФ, предполагавший

издание Основ законодательства по предметам совместного ведения [20, с. 22].

Решение вопросов совместного ведения базируется на принципе единства государственной власти и принципа субсидиарности [21]. А. Е. Баньковский пишет, что федеральные органы государственной власти закрепляют «основы правового регулирования предметов совместного ведения в сочетании с верховенством федерального законодательства дает возможность обеспечить единство государственности власти, а право субъектов РФ детализировать и уточнять соответствующие законы с учетом региональной специфики» [22, с. 118].

Н. М. Добрынин отмечает, что «принцип субсидиарности следует учитывать прежде всего при подготовке правовых актов, призванных разграничить предметы ведения и полномочия между федеральными органами и органами государственной власти субъектов федерации. Применяться должны положения акта, уже пронизанного идеей субсидиарности» [23, с. 81].

Однако детальная конкретизация в федеральных законах, или, как пишет И. А. Умнова, «детализированное и казуистичное размежевание полномочий» [24, с. 47] по вопросам совместного ведения не позволяет в полной мере региональному законодателю осуществлять собственное правовое регулирование, что говорит об усилении централизации в государстве.

«Модель разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами», по мнению М. Н. Добрынина, «закреплена в Конституции РФ. Эта модель является гибкой, в определенном смысле даже универсальной, поскольку допускает возможность и централизации, и децентрализации власти, притом что основы конституционного строя, включая базовые принципы федеративных отношений, останутся, по меньшей мере формально, неизменными» [23, с. 86; 25, с. 78; 26, с. 18].

Таким образом, со временем модернизация нормативного правового регулирования путем применения различных средств правового регулирования становится закономерным процессом и, как следствие, позволяет говорить о становлении и развитии РПР в отечественном праве. При этом общее, что сохраняется в данных актах – это технико-юридические элементы, которые органично вписываются в развитие федеративных отношений на различных этапах. Универсальный механизм с помощью неопределенности как средства правового регулирования позволяет конкретизировать основные и базовые положения на иных уровнях правового регулирования, а именно уровнях субъектов федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЗНАЧЕНИЕ РАМОЧНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Представляется необходимым отметить значение рамочного правового регулирования, поскольку его элементы присутствуют не только в области разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов, но и в других отраслях отечественного права.

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления механизма рамочного правового регулирования, его характерные признаки можно встретить при анализе юридической техники современного законодательства.

Во-первых, расширение предмета правового регулирования создает неопределенность в содержании нормы права. С одной стороны, это может способствовать ошибочному правопримене-

нию, а с другой – открывает возможность для учета каких-либо особенностей в рамках собственного усмотрения правоприменительным органом.

Во-вторых, конкретизация способствует достижению одного из основных признаков закона – определенности. Необходимость конкретизации либо указывается в самом нормативном правовом акте, либо осуществляется правоприменительным органом в рамках своего усмотрения.

В-третьих, эффективность правового регулирования зависит от набора средств, способов и методов, которые выбирает законодатель. Однако законодатель не всегда может предугадать развитие тех или иных правоотношений, особенно, если правовое регулирование осуществляется впервые, возникают возможные проблемы правоприменительной практики и т. п., в силу чего он закрепляет в тексте нормативных правовых актов относительно-определенные нормы.

В-четвертых, форма государства имеет значение при осуществлении правотворчества. В федеративных государствах процесс правового регулирования носит сложный характер, в связи с чем особая ответственность лежит на плечах законодателя, поэтому исследование особенностей правового регулирования имеет важное значение.

Таким образом, считаем, что исследование теории рамочного правового регулирования актуально для развития и совершенствования механизмов как нормативного, так и индивидуального правового регулирования в деятельности органов государственной власти и иных субъектов гражданского оборота.

Список литературы

1. Veerman G. J. A Conceptual Framework for the Quality of Legislation. 2004. 7 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/254851486_A_Conceptual_Framework_for_the_Quality_of_Legislation/
2. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2019. 176 с.
3. Демин А. В. Относительно-определенные средства в системе налогово-правового регулирования: тенденции и перспективы // Финансовое право. 2012. № 1. С. 6–9.
4. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Правовая определенность и права человека : моногр. Саратов : Саратовский источник, 2021. 401 с.

5. Шевелев Д. Н., Мельник А. Г. Взаимодействие центра и регионов в период разработки федеративного договора 1992 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 1 (85). С. 95–104. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104>
6. Юсубов Э. С. Некоторые проблемы теории российского федерализма // Российский юридический журнал. 2009. № 4 (67). С. 117–123.
7. Невинский В. В. Избранные труды. М. : Норма, 2021. 600 с.
8. Крылов Б. С. Конституционные основы разграничения предметов ведения и полномочий // Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации : моногр. / А. И. Абрамова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Олита, 2003. С. 50–102.
9. Хабриева Т. Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 25–26 сент. 2008 г.) / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ В. М. Баранова, канд. юрид. наук, доц. Д. Г. Краснова. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России : Торгово-промышл. палата Нижегород. обл., 2009. С. 26–38.
10. Барциц И. Н. Договорное регулирование федеративных отношений // Законодательство. 2001. № 6. С. 40–49.
11. Чертков А. Н. Федеральные законы, определяющие основы правового регулирования в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов // Журнал российского права. 2002. № 10 (70). С. 103–112.
12. Безруков А. В., Кокотов А. Н. О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти российской федерации и органами государственной власти субъектов российской федерации. Федеральный закон от 24 июня 1999 года // Российский юридический журнал. 2000. № 2 (26). С. 31–38.
13. Нарутто С. В. Российский федерализм: научные воззрения Н. А. Михалёвой // Lex russica (Русский закон). 2017. № 1 (122). С. 11–23. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.011-023>
14. Кокотов А. Н. Разграничение и согласование полномочий РФ и субъектов РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2005. № 1. С. 20–21.
15. Поленина С. В. Конкретизация как метод законотворчества в Российской Федерации // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы междунар. симпозиума / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2008. С. 33–57.
16. Федорив М. Р. Конкретизация как метод в российском законотворчестве // Modern Science. 2019. № 4-2. С. 302–306.
17. Мочалов А. Н. Сравнительный федерализм России и Австралии : моногр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ин-та экономики, управления и права, 2012. 208 с.
18. Умнова И. А. Совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов как предмет конституционного регулирования // Журнал российского права. 1999. № 11 (36). С. 22–35.
19. Добрынин Н. М. Конституционная реформа в России: миф или очевидность // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9. С. 2–8.
20. Черепанов В. А. Федеративная реформа в России : моногр. М. : Социально-политическая мысль, 2007. 318 с.
21. Чертков А. Н. Законодательное регулирование в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. М. : Юстицинформ, 2005. 224 с.
22. Баньковский А. Е. Конституционные принципы единства и субсидиарности в организации государственной власти в Российской Федерации : моногр. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2016. 160 с.
23. Добрынин Н. М. О Конституционной модели разграничения предметов ведения и полномочий в российской федерации: опыт синтетического осмысления субсидиарности // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 77–89.
24. Умнова И. А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 45–55.
25. Добрынин Н. М. Российский федерализм и федерация: конъюнкция смыслов и реалий // Российский юридический журнал. 2020. № 2 (131). С. 71–79.
26. Добрынин Н. М. Конституционализм и федерализм в отечественной науке конституционного права: конъюнкция понятий и смыслов // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4 (148). С. 11–20.

References

1. Veerman G. J. *A Conceptual Framework for the Quality of Legislation*. 2004. 7 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/254851486_A_Conceptual_Framework_for_the_Quality_of_Legislation/

2. Vlasenko N. A. *The Problems of Legal Uncertainty*. Moscow: INFRA-M Publ.; 2019. 176 p. (In Russ.).
3. Demin A. V. The Relatively Certain Means in the System of Tax and Legal Regulation: Trends and Prospects. *Financial Law*. 2012;1:6-9. (In Russ.).
4. Velieva D. S., Presnyakov M. V. *Legal Certainty and Human Rights*. Saratov: Saratovskii istochnik Publ.; 2021. 401 p. (In Russ.).
5. Shevelev D. N., Melnik A. G. Interaction Between the Center and the Regions During the Development of the Treaty of Federation in 1992. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2021;23(1):95-104. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104> (In Russ.).
6. Yusubov E. S. Some Problems of the Theory of the Russian Federalism. *Russian Juridical Journal*. 2009;4:117-123. (In Russ.).
7. Nevinskii V. V. *Selected Works*. Moscow: Norma Publ.; 2021. 600 p. (In Russ.).
8. Krylov B. S. The Constitutional Bases for Delimitation of Subjects of Jurisdiction and Powers. In: Abramova A. I. *Correlation Between the Legislation of the Russian Federation and the Legislation of the Constituent Entities of the Russian Federation*. Moscow: Olita Publ.; 2003. P. 50–102. (In Russ.).
9. Khabrieva T. Ya. The Codification of Russian Legislation in a Federal State. In: Baranov V. M., Krasnov D. G. (Eds.). *Codification of Legislation: Theory, Practice, Technology*. Nizhny Novgorod: Nizhnyi Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ., Chamber of Commerce and Industry of the Nizhny Novgorod Region Publ.; 2009. P. 26–38. (In Russ.).
10. Bartsits I. N. The Contractual Regulation of Federal Relations. *Legislation*. 2001;6:40-49. (In Russ.).
11. Tchertkov A. N. Federal Laws Determining Basis of Legal Regulation in the Sphere of Compatible Authority of the Russian Federation and Its Subjects. *Journal of Russian Law*. 2002;10:103-112. (In Russ.).
12. Bezrukov A. V., Kokotov A. N. On the Principles and Procedure for Delimiting the Subjects of Jurisdiction and Powers Between the State Authorities of the Russian Federation and the State Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation. *Federal Law of June 24, 1999. Russian Juridical Journal*. 2000;2:31-38. (In Russ.).
13. Narutto S. V. Russian Federalizm: Scientific Views of Nadezhda A. Mikhaleva. *Lex Russica*. 2017;1:11-23. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.011-023> (In Russ.).
14. Kokotov A. N. The Delimitation and Harmonization of the Powers of the Russian Federation and Subjects of the Russian Federation. *Russian Law: Education, Practice, Researches*. 2005;1:20-21. (In Russ.).
15. Polenina S. V. Concretization as a Method of Lawmaking in the Russian Federation. In: Baranov V. M. (Ed.). *Concretization of Legislation as a Technical and Legal Method of Rule-Making, Interpretation, Law Enforcement Practice*. Nizhny Novgorod: Nizhnyi Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2008. P. 33–57. (In Russ.).
16. Fedoriv M. R. Concretization as a Method in Russian Lawmaking. *Modern Science*. 2019;4-2:302-306. (In Russ.).
17. Mochalov A. N. *Comparative Federalism of Russia and Australia*. Yekaterinburg: The Ural Institute of Economics, Management and Law Publ.; 2012. 208 p. (In Russ.).
18. Umnova I. A. Common Competence of the Russian Federation and Its Subjects as Regulated by the Constitution. *Journal of Russian Law*. 1999;11:22-35. (In Russ.).
19. Dobrynin N. M. Constitutional Reform in Russia: Myth or Fact. *Constitutional and Municipal Law*. 2006;9:2-8. (In Russ.).
20. Cherepanov V. A. *Federal Reform in Russia*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl' Publ.; 2007. 318 p. (In Russ.).
21. Chertkov A. N. *Legislative Regulation in the Sphere of Joint Jurisdiction of the Russian Federation and Its Subjects*. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2005. 224 p. (In Russ.).
22. Ban'kovskii A. E. *Constitutional Principles of Unity and Subsidiarity in the Organization of State Power in the Russian Federation*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2016. 160 p. (In Russ.).
23. Dobrynin N. M. On the Constitutional Model of Delimitation of Jurisdictions and Powers in Russia: an Experience in Synthetic Comprehension of Subsidiarity. *Russian Juridical Journal*. 2017;5:77-89. (In Russ.).
24. Umnova I. A. The Problems of Federal Degradation and Perspectives for the Optimization of the Contemporary Russian Model of the Division of Jurisdictions and Powers in the Context of the Subsidiarity Doctrine. *Comparative Constitutional Review*. 2012;2:45-55. (In Russ.).
25. Dobrynin N. M. Russian Federalism and Federation: a Conjunction of Meanings and Realities. *Russian Juridical Journal*. 2020;2:71-79. (In Russ.).
26. Dobrynin N. M. Phenomena of Constitutionalism and Federalism in the Framework of the Russian Constitutional Theory: the Conjunction of Terms and Meanings. *Law and State: The Theory and Practice*. 2017;4:11-20. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ксения Евгеньевна Довгань, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, Алтайский край, 656049, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4614-1936>; e-mail: dok.2122@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kseniya E. Dovgan, Associate Professor of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Proceedings at the Altai State University (61 Lenina pr., Barnaul, Altai Region, 656049, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4614-1936>; e-mail: dok.2122@bk.ru

Поступила | Received
06.09.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
20.09.2022

Принята к публикации | Accepted
10.10.2022

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО,
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО,
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**
**Civil Law, Business Law, Family Law,
International Private Law**

УДК 347.157.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-3-245-252

EDN: IPTYUF

Оригинальная научная статья

**К вопросу о гражданско-правовой ответственности
несовершеннолетних**

А. В. Афанасьевская

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Российская Федерация

✉ fy78@list.ru

Аннотация. С развитием государства и общества неминуемо изменяются правоотношения. Происходящие изменения касаются различных категорий населения. несовершеннолетние, используя информационные технологии и часто имея неограниченный доступ к Интернету, подвергаются особому риску. Это касается негативной информации, размещаемой в сети, нередко разрушающей моральные устои и наносящей значительный ущерб воспитанию, даже при надлежащем исполнении родителями своих обязанностей. Ситуация усугубляется тем, что повышается количество правонарушений и уголовных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, что часто происходит под воздействием группы или пропаганды пользователей Интернета. Уголовное и административное законодательство устанавливают определенный возраст, с которого лица могут быть привлечены к тому или иному виду ответственности. Гражданское законодательство также ограничивает возраст, с которого лицо в полном объеме может нести ответственность. За детей, не достигших такого возраста, ответственность несут родители, поскольку именно на них возложена обязанность воспитания. Автором рассматриваются виды гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних. Подвергается анализу правоприменительная практика по гражданским делам с участием несовершеннолетних. Дается анализ такому новому явлению, как буллинг, который в последнее время активно освещается в правовой литературе. Связано это прежде всего с тем, что несовершеннолетние в силу психической незрелости порой не осознают свое поведение в коллективе, результатом чего является агрессивное преследование. Лицам, подвергшимся буллингу, причиняются нравственные, а порой и физические страдания. Поскольку в гражданском законодательстве четкие указания относительно распределения ответственности между родителями ребенка отсутствуют, автором приводятся научные подходы, а также толкование рассматриваемых правоотношений в судебной практике. В заключение подводятся итоги исследования, делаются выводы о необходимости приведения в соответствие норм гражданского и семейного законодательства и закрепления единого порядка взыскания ущерба в случае причинения его несовершеннолетним.

Ключевые слова: несовершеннолетние; гражданско-правовая ответственность; родители; воспитание; виды ответственности; буллинг.

© Афанасьевская А. В., 2022

Для цитирования: Афанасьевская А. В. К вопросу о гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 245–252. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-245-252>. EDN: <https://elibrary.ru/iptyuf>

Original scientific article

On the Issue of Civil Liability of Minors

A. V. Afanasievskaya

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

✉ fty78@list.ru

Abstract. With the development of the state and society, changes in legal relations inevitably occur. The ongoing changes also apply to various categories of the population. Minors, often with unlimited access to the Internet using information technology, are at particular risk. This applies to negative information posted on the network, which often destroys moral principles and causes significant damage to education, even with the proper performance of their duties by parents. The situation is aggravated by the fact that the number of offenses and crimes committed by minors is increasing, which often occurs under the influence of a group or propaganda of Internet users. Both criminal and administrative legislation establish a certain age from which persons can be held liable for one or another type of responsibility. Civil law also limits the age at which a person can be fully liable. Responsibility for children under this age is borne by parents, since it is they who are entrusted with the duty of education. The Author examines the types of civil liability of minors. Law enforcement practice in civil cases involving minors is analyzed. An examination is given of such a new phenomenon as bullying, which has recently been actively covered in legal literature. This is primarily due to the fact that minors, due to mental immaturity, sometimes do not realize their behavior in a team, as a result, causing aggressive persecution of other minors. As a result, people who have been bullied inflict moral and sometimes physical suffering. Since there are no clear instructions in the civil legislation regarding the distribution of responsibility between the child's parents, the Author provides scientific views, as well as the interpretation of the legal relations in question in judicial practice. In conclusion, the results of the study are summarized, conclusions are drawn about the need to bring the norms of civil and family legislation into line and consolidate a unified procedure for recovering damages in case of causing it to minors.

Keywords: minors; civil liability; parents; upbringing; types of responsibility; bullying.

For citation: Afanasievskaya A. V. On the Issue of Civil Liability of Minors. *Siberian Law Review*. 2022;19(3):245-252. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-245-252>. EDN: <https://elibrary.ru/iptyuf> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Тот факт, что лицо не достигло совершеннолетия, не свидетельствует о невозможности привлечения его к ответственности, однако законом установлен ряд ограничений, приведены случаи, в которых ответственность несовершеннолетние не несут. После достижения четырнадцатилетнего возраста несовершеннолетние могут отвечать за большую часть своих деяний (в ряде

случаев законом установлены требования о более высокой возрастной планке). До возраста четырнадцати лет лицо не может быть привлечено ни к какому виду ответственности и все негативные последствия его деяний падают на его родителей.

В гражданском законодательстве имеются нормы, регулирующие привлечение к ответственности несовершеннолетних, причем виды ответственности могут

наступать и отдельно, и одновременно с другими¹. Новизна темы исследования обусловлена наличием пробелов в гражданском законодательстве, регулирующих возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними. Данный вопрос изучался многими авторами, среди которых можно отметить исследования С. В. Маркосян, Е. Л. Невзгодиной, А. М. Рабец, Е. В. Рузановой и многих других. Основной исследовательской проблемой является установление размера ответственности, которую должны нести родители несовершеннолетних в случае причинения их детьми вреда. Предполагается, что родители должны нести солидарную ответственность за причиненный их несовершеннолетними детьми вред, при этом не должен иметь значения факт их нахождения в брачных отношениях либо расторжения брака.

При проведении исследования использованы общенаучные методы: анализ, синтез, системный метод, дедукция, индукция; общие методы: обобщение, сравнение, описание; специальные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический.

Цель исследования: проведение комплексного анализа гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних. Задачи исследования: изучить гражданско-правовую ответственность несовершеннолетних, определить лиц, несущих ответственность за причиненный несовершеннолетними вред, размер возмещения причиненного вреда, а также условия наступления ответственности. Отдельно рассматривается возможность наступления гражданско-правовой ответственности за относительно недавно появившееся деяние – буллинг, ставшее особо распространенным среди несовершеннолетних.

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Один из наиболее часто встречающихся на практике видов ответственности – имущественная. Она предусмотрена в ст. 24 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в силу которой по своим обязательствам гражданин должен отвечать всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание. Несовершеннолетние не имеют собственного источника дохода, в редких случаях у них в собственности находится имущество, однако распоряжаются им до достижения детьми совершеннолетия родители. Поэтому и возмещение имущественного вреда возлагается на родителей или других лиц, выполняющих их функции. Исключения составляют ситуации, когда факты свидетельствуют об отсутствии их вины (п. 3 ст. 28, п. 1 ст. 1073 ГК РФ). Например, к объективным обстоятельствам исключения вины родителей либо одного из них могут относиться причины, препятствующие воспитанию ребенка, такие как препятствие в общении с ребенком со стороны иных лиц, пребывание на длительном лечении и ряд других.

Вред, причиненный малолетним, воспитывающимся за пределами семьи в соответствующей организации, подлежит возмещению такой организацией, за исключением случаев, когда вина малолетнего в причинении вреда не установлена. Аналогичные требования и условия распространяются на случаи временного нахождения малолетнего под присмотром организации или лица, исполняющего воспитательные обязанности в связи с заключением такого договора (ГК РФ, Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ)). В случае установления

¹ *Актуальные проблемы гражданского права* : учеб. пособие / под ред. Н. М. Коршунова, Ю. Н. Андреева, Н. Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010. С. 28.

факта ненадлежащего воспитания со стороны родителей, предшествующего противоправному поведению ребенка, в результате которого причинен вред в период нахождения под надзором организации, в силу п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» ответственность за причинение малолетним вреда должны нести как законные представители, так и организации или лица, осуществляющие над ним надзор на основании договора, по принципу долевой ответственности в зависимости от степени вины каждого².

С четырнадцати лет несовершеннолетние могут нести ответственность без привлечения к ней родителей. Это касается только осуществленных несовершеннолетними сделок, совершать которые они вправе по закону (п. 3 ст. 26, п. 1 ст. 1074 ГК РФ). В таких ситуациях, безусловно, встает вопрос о фактической возможности возмещения ущерба, поскольку у несовершеннолетнего в таком возрасте собственных средств и дохода еще может не быть. В таком случае применяется аналогичное малолетним правило, и ответственность полностью или в части, как и обязанность по ее возмещению, перекладывается на родителей. Исключения составляют случаи, когда существует возможность доказать наступление ущерба по какой-то другой причине, а также что не имеется прямой связи между действиями несовершеннолетнего и наступлением негативных последствий. Подобное правило касается лиц, достигших четырнадцати лет, а также не достигших совершеннолетия,

при условии их нахождения на воспитании в соответствующей организации (п. 2 ст. 1074 ГК РФ).

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В гражданском законодательстве при определении лица, которое обретает обязанность возместить причиненный несовершеннолетним ущерб, не придается значения тому, находятся ли родители виновного ребенка в брачных отношениях и в каких частях необходимо возмещать имущественный вред³. В части 3 ст. 45 СК РФ имеется четкое указание на необходимость обращения взыскания на общую собственность супругов, т. е. в рамках семейного законодательства возмещение причиненного ребенком вреда относится к ответственности, которую несут супруги. В гражданских же правоотношениях речь идет об ответственности именно родителей ребенка, которые могут находиться как в разводе, так и вовсе в незарегистрированных отношениях.

Можно заключить, что гражданская правовая ответственность семейным правом не регулируется, но данный институт напрямую связан с ней, поскольку именно в нем заключены основные нормы, регулирующие правоотношения между членами семьи, в том числе родителями и детьми.

Для выяснения вопроса ответственности родителей за причиненный ребенком вред, необходимо установить основания наступления такой ответственности и их характер, а также выработать практический подход к обращению взыскания на имущество [1–4].

² Рос. газ. 2010. 5 февр.

³ По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 февр. 2013 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8, ст. 868.

Логично, что раз воспитание детей возложено законом на родителей, то в случае совершения детьми деяний, влекущих причинение ущерба, по умолчанию делается вывод о том, что родители не в полной мере или недостаточно эффективно осуществляли свои обязанности. В данном случае закон не предусматривает воздействия на несовершеннолетних со стороны СМИ, сети Интернет, группы сверстников и других факторов, способных негативно отразиться на поведении и поступках несовершеннолетнего. Не учитывается и то, что в ряде случаев воспитанием ребенка могут заниматься другие родственники – бабушки, дедушки, дяди и тети, прочие родственники или близкие родителей. Определенное влияние на становление личности несовершеннолетнего оказывает его окружение, круг общения, детский сад или школа и прочие социальные объединения. Установление конкретного лица или группы лиц, оказавших негативное воздействие на ребенка, не представляется возможным. Именно поэтому закон возлагает ответственность за совершаемые им деяния на родителей. Деяния несовершеннолетних имеют свою специфику в соответствии с их возрастом.

В законе четкие указания относительно распределения ответственности между родителями ребенка отсутствуют. В судебной практике данный вопрос тоже вызывает разногласия⁴. Ряд судебных органов полагает, что родители ребенка несут солидарную ответственность⁵, другие – что долевую⁶. Сторонники солидарной

ответственности ссылаются на ст. 1080 ГК РФ, раскрывающую вопрос относительно ответственности лиц, вред которыми был причинен совместно, а также на наличие общего имущества, совместного бюджета.

В научной литературе мнения также расходятся. Например, Е. Л. Невзгодина связывает позицию о необходимости применения долевой ответственности с отсутствием в законе прямого указания на солидарную⁷.

Авторы, придерживающиеся позиции о необходимости солидарной ответственности, высказывают различные мнения. Наиболее часто в научной литературе встречается позиция, согласно которой предлагается привлекать родителей к субсидиарной ответственности солидарно, поскольку на них обоих возложена обязанность по воспитанию детей. В причинении последними вреда – вследствие недостаточного качественного исполнения родителями их обязанностей виноваты оба родителя.

При определении вины каждого из родителей следует исходить из того, в какой мере каждый из них исполнял свои обязанности в отношении воспитания ребенка, что возможно только между сторонами, поскольку иные лица не могут знать таких подробностей. Подобное установление размера ответственности представляется не совсем верным, поскольку неизвестно, что конкретно негативно повлияло на ребенка. Невозможно определить, навредило ли воспитание, данное в большей мере

⁴ *Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019)* : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 27 нояб. 2019 г. // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2020. № 4 ; *Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 окт. 2020 г. № 88-21507/2020*. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 дек. 2021 г. № 88-29233/2021* ; *Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 сент. 2020 г. по делу № 88-20096/2020*. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ *Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 янв. 2021 г. по делу № 88-2336/2021* ; *Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2022 г. № 88-10562/2022 по делу № 2-69/2021*. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ *Невзгодина Е. Л. Внедоговорные охранительные обязательства* : учеб. пособие / под ред. М. Ю. Федоровой. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. 565 с.

одним родителем либо частичное или полное отстранение от участия в воспитании другого родителя. Поэтому целесообразно все же привлекать родителей к ответственности в равной мере.

Ряд ученых при определении ответственности несовершеннолетних и возмещения ущерба с их родителей ссылается на ст. 45 СК РФ, отражающую солидарную ответственность супругов и порядок проведения взыскания с их имущества. Другие предлагают идею об исключении солидарной ответственности родителей, состоящих в браке, за ущерб, который причинили их дети и необходимости в таких ситуациях руководствоваться положениями ст. 38 Конституции РФ, согласно которой родители имеют равные права и обязанности в отношении своих детей⁸.

В научной литературе можно встретить и другую позицию. Например, А. М. Рабец отмечает, что родители должны привлекаться как к солидарной ответственности – если они состоят в браке и имеют общее имущество, совместно воспитывая ребенка, причинившего ущерб, так и к долевой – когда родители ребенка находятся в разводе [2].

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ, ВХОДЯЩИЕ В «БУЛЛИНГ»

Если с возмещением имущественного вреда ситуация относительно урегулирована законодателем, несмотря на явный пробел при решении вопроса о том, в каком соотношении и размере родителями должен возмещаться ущерб, то значительно хуже ситуация обстоит с недавно появившимся и охватившим массы явлением, получившим название «буллинг». Законодательного закрепления данного понятия не существует, однако такие действия можно охарактеризовать как поведение, направленное на ущемление интересов другого лица, носящее оскорбительный

характер, понижающее самооценку, распространение сведений, порочащих честь и достоинство, травля и т. п. В силу ч. 1 ст. 152 ГК РФ гражданин, в отношении которого были распространены сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, вправе требовать в суде опровержения таких сведений. А если такие сведения причинили гражданину нравственные или физические страдания, то суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации (ч. 1 ст. 151 ГК РФ). С учетом специфики субъектного состава данного правонарушения, если лицо подверглось буллингу и оно не достигло 14 летнего возраста, иск в суд могут предъявить законные представители несовершеннолетнего лица. Право на самостоятельное обращение в суд за защитой своих законных прав и интересов ребенок приобретает по достижении 14 лет. Буллинг имеет множество проявлений и, по мнению специалистов, полностью подпадает под состав преступления, предусмотренного ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), – хулиганства. Однако имеются и некоторые проблемы при квалификации данного деяния и привлечении к ответственности за его совершение. Например, по общему правилу уголовная ответственность по ст. 213 УК РФ наступает с достижением лицом возраста шестнадцати лет. По факту же буллинг может осуществляться несовершеннолетним намного раньше. Поведение, которое допускает лицо, совершающее буллинг, явно свидетельствует о недостатке воспитания, нарушении жизненных ориентиров и ценностей, пониженной самооценке и ряде других нарушений психологического и морального характера. Потерпевший (жертва буллинга) под воздействием агрессора также получает травмы психологического характера – неуверенность в себе, стыд и т. п.

⁸ Маркосян С. В. Несовершеннолетние субъекты деликтных обязательств в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.

То есть, последствия буллинга выражаются в нанесении морального вреда, который тоже надлежит компенсировать. Представляется логичным привлекать к возмещению морального вреда за подобные действия, совершаемые детьми, не достигшими возраста четырнадцати лет или от четырнадцати до восемнадцати лет, не имеющими дохода, родителей и других лиц, осуществляющих воспитательную деятельность на законных основаниях, компенсируя моральный вред, причиненный их детьми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Относительно вопроса о возмещении ущерба родителями представляется логичным обращать взыскание в долевом размере, поскольку каждый из родителей имеет индивидуальные права и обязанности в отношении своего ребенка, не прекращающиеся при официальном расторжении брака, каждый из родителей вносит свой вклад⁹. Об этом же свидетельствуют и нормы действующего законодательства.

Например, родительских прав может быть лишен только один родитель. С учетом того, что речь идет о возмещении вреда, причиненного их общим ребенком, есть смысл и в установлении солидарной ответственности. Основным доводом в пользу солидарной ответственности выступает невозможность фактически доказать степень участия родителей в воспитании ребенка и того, что именно привело к негативным последствиям, т. е. установления размера вины каждого из них. Если же возложить такую обязанность на потерпевшего, то это сделает взыскание и вовсе невозможным.

Исходя из этого, поскольку возмещение вреда относится к гражданско-правовой ответственности, а отношения родителей и детей – к семейным правоотношениям, необходимо привести в соответствие эти две нормы и закрепить единый порядок взыскания ущерба в случае причинения его несовершеннолетним. Либо данный вопрос необходимо решить путем принятия постановления с разъяснениями Пленумом ВС РФ.

Список литературы

1. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности (начало) // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 4. С. 212–241. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-4-212-241>
2. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности (продолжение) // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 5. С. 233–255. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-5-233-255>
3. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности (продолжение) // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 6. С. 154–193. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-154-193>
4. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности (окончание) // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22, № 1. С. 200–229. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-1-200-229>
5. Рабец А. М. Обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. М. : Фирма «Айс», 1998. 295 с.

References

1. Jourdain P. The Principles of Civil Liability (Beginning). *Civil Law Review*. 2021;21(4):212-241. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-4-212-241> (In Russ.).
2. Jourdain P. The Principles of Civil Liability (Continuation). *Civil Law Review*. 2021;21(5):233-255. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-5-233-255> (In Russ.).
3. Jourdain P. The Principles of Civil Liability (Continuation). *Civil Law Review*. 2021;21(6):154-193. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-154-193> (In Russ.).
4. Jourdain P. The Principles of Civil Liability (Finale). *Civil Law Review*. 2022;22(1):200-229. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-1-200-229> (In Russ.).
5. Rabets A. M. *Obligations to Compensate for Harm Caused to Life and Health*. Moscow: Firma «Ais» Publ.; 1998. 295 p. (In Russ.).

⁹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. М. : Юрайт-Издатель, 2006. 975 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Валерьевна Афанасьевская, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии (ул. Вольская, 1, Саратов, 410056, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0495-2343>; e-mail: fly78@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Afanasievskaya, Associate Professor of the Department of Civil Law at the Saratov State Law Academy (1 Volskaya st., Saratov, 410056, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0495-2343>; e-mail: fly78@list.ru

Поступила | Received
16.09.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
20.09.2022

Принята к публикации | Accepted
20.09.2022

УДК 347.65

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-3-253-266

EDN: IVSLFU

Оригинальная научная статья

Наследственная трансмиссия: проблемы правового регулирования

И. А. Корючина *Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация*✉ irinakoryuchina@gmail.com

Аннотация. Автором рассматривается наследственная трансмиссия как особое правовое явление, анализируются вопросы регулирующего ее законодательства и возможные пути их решения с учетом сложившейся судебной практики. Данная тема показала достаточно интересной, несмотря на ее кажущуюся невостребованность в судебной и нотариальной практике последних пяти лет, по причине трудности ее доказывания. Данная статья является результатом теоретического и практического анализа как всего института наследственной трансмиссии, так и его категорий (трансмиссар, трансмитент, процедурные механизмы), применяемых в делах о наследовании отдельных видов имущества. Исследуются правовые аспекты наследования трансмиссаром имущества как в брачно-семейных и кровно-родственных отношениях, так и в связанных с ними корпоративных и предпринимательских. Авторский анализ норм о наследовании сопровождается сопоставлением с аналогичными нормами зарубежного законодательства. На примере постановлений российских судебных органов раскрываются особенности реализации института наследственной трансмиссии в Российской Федерации и аналогичных институтов за рубежом. На основании комплексного подхода институт наследственной трансмиссии исследуется также в его взаимосвязи с различными институтами российского права и экономическим анализом процессов наследования. Полагаем, что вопросы наследования бизнеса, цифрового и бездокументарного активов имеют на данном этапе развития российского законодательства насущное практическое значение, поскольку, трансформируясь и усложняясь, часто именно эти отношения существенно влияют на субъектов возникших связей и их цели в плане реализации прав и обязанностей во многих сферах общественной жизни. Мы убеждены, что активное, непрерывное развитие корпоративных, семейных, банкротных отношений и отношений интеллектуальной собственности, с одной стороны, и совершенствование российского законодательства – с другой, придадут позитивную динамику институту наследственной трансмиссии, упростят возможности ее реализации и доказывания, сохранят значимость и суть наследственной трансмиссии как одного из важнейших институтов российского наследственного права.

Ключевые слова: наследственная трансмиссия; «нетипичное» призвание к наследованию; наследование цифрового актива; наследование ценных бумаг; трансмитент; трансмиссар; наследование семейного бизнеса.

Для цитирования: Корючина И. А. Наследственная трансмиссия: проблемы правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 253–266. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-253-266>. EDN: <https://elibrary.ru/ivslfu>

Original scientific article

Heritage Transmission: Issues of Legal Regulation

I. A. Koryuchina

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ irinakoryuchina@gmail.com

Abstract. The Author considers the hereditary transmission as a special legal phenomenon, analyzes problematic issues of the current legislation and possible ways to resolve them based on the established judicial practice. This topic seemed to the Author quite interesting, despite its obvious lack of demand in the judicial and notarial practice of the last five years. This scientific work is the result of theoretical and practical analysis, both of the entire institute of hereditary transmission, and of such categories (transmission, transmitter, procedural mechanisms) used in cases of inheritance of certain types of property. Important legal aspects of transmission inheritance of property are investigated both in marriage – family and blood – related relations, and in directly related to them, corporate and entrepreneurial. The Author's analysis of inheritance norms is accompanied by a comparison of them with similar norms of foreign legislation. On the example of more than twenty of the most significant court decisions of the Russian judicial authorities, the peculiarities of the system for implementing the institute of hereditary transmission in the Russian Federation and similar institutions in foreign legislation are revealed. Also, on the basis of an integrated approach, the institute of hereditary transmission is investigated in its relationship with various institutions of Russian law and economic analysis of inheritance processes. We believe that business inheritance and inheritance of other types of property, in particular, digital and non-documentary assets, at this stage of the development of Russian legislation is of urgent practical importance, since, transforming and complicating, it is often these relations that significantly affect the subjects of the relations that have arisen and their goals in terms of the implementation of rights and obligations in many areas of public life. We are convinced that the active, continuous development of corporate, family, bankruptcy and intellectual property relations on the one hand and the improvement of Russian legislation on the other will give positive dynamics to the institution of hereditary transmission, simplify the possibilities of its implementation and proof, preserve its significance and essence as one of the most important institutions of Russian hereditary law.

Keywords: hereditary transmission; “atypical” calling to inheritance; transmitter; digital asset inheritance; inheritance of securities; family business inheritance.

For citation: Koryuchina I. A. Heritage Transmission: Issues of Legal Regulation. *Siberian Law Review*. 2022;19(3):253-266. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-253-266>. EDN: <https://elibrary.ru/ivslfu> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Тема реализации наследственной трансмиссии актуальна, но сложна для изучения из-за небольшого объема судебной практики. Естественное и понятное желание оставить свое имущество конкретным людям – правило, которому подчинены действия законодателя и правоприменителя. Главная задача государства – неукоснительное соблюдение воли

наследодателя и наследника на передачу и принятие имущества в рамках закона.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) дает точное определение наследственной трансмиссии, но, несмотря на это, в практике ее применения выявляется ряд нерешенных вопросов.

Во-первых, правило о наследственной трансмиссии распространяется и на законных правопреемников, и на лиц,

© Koryuchina I. A., 2022

указанных в завещании наследодателя. Так, части неделимой завещанной вещи передаются каждому наследнику в натуре или в долях, соответствующих стоимости, а основания для недействительности такого завещания отпадают¹.

Во-вторых, указанное в завещании условие о невозможности исполнения наследственной трансмиссии будет считаться ничтожным, что очевидно противоречит воле наследодателя. Более того, наследственная трансмиссия включает *дозволительный* механизм равного и неравного раздела долей, в зависимости от наследования по закону или завещанию [1, с. 34].

Иными словами, установление в Законе ограничений – очереди, степени родства (по принципу парантелл²) – позволит избежать судебных издержек, сократит время признания в судебном порядке наследника достойным наследства либо его отстранения от принятия наследства.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ОЧЕРЕДНОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ И СЕПАРАЦИИ ИМУЩЕСТВА НАСЛЕДНИКА

Пример из судебной практики № 1. Житель города Омска Иван Иванов, сотрудник ООО «Полимерстрой», сгорел в пожаре 14 мая 2015 г., находясь на своем рабочем месте. После его смерти остались трехкомнатная квартира общей площадью 83 кв. м., автомобиль «Вольво» и денежный вклад в размере 900 тыс. руб. в банке ПАО «Абсолют Банк». Завещания Иван Иванов оставить не успел. После его смерти к наследованию по закону будут призываться его супруга Анна Иванова (45 лет), сын Петр (28 лет), дочь Лидия (24 года), инвалид детства, находившаяся

на полном иждивении отца и проживавшая с ними няня его детей, 65-летняя Пелагея Орехова, являвшаяся нетрудоспособной, но помогавшая ухаживать за детьми Петра Иванова (сыновьями Вячеславом и Святославом). Анна Иванова, тяжело пережившая скоростижную смерть мужа, скончалась от инсульта 11 июня того же года, так и не приняв наследства. После ее похорон 13 июня 2015 г. Петр Иванов попал в авиакатастрофу и, пролежав в коме два месяца, скончался, не успев принять наследство. Пелагея Орехова, составившая заявление о желании принять наследство, скончалась 20 июня 2015 г. от удара по голове тяжелым предметом. Преступник напал на нее по дороге домой из нотариальной конторы. Ее сорокалетний сын Василий Орехов, проживавший отдельно от нее со своей семьей, узнав о смерти матери, самостоятельно решил обратиться к нотариусу в целях принятия наследства.

Возникают вопросы о возможности реализации наследственной трансмиссии в отношении Пелагеи и Василия Ореховых по причине совместного проживания с наследодателем – Ивановым-старшим, а также о возможности призвания к наследству ее сына, – Василия Орехова, в случае ее скоростижной смерти.

Нотариус, безусловно, откажет в выдаче свидетельства о праве на наследство даже при наличии такого основания, как совместное проживание с наследодателем. Ссылаясь на ст. 1117 ГК РФ, нотариус укажет заявителю на отсутствие у Василия свойств и качеств, присущих конкретно взятой социально незащищенной категории наследников, не являющихся родственниками наследодателя, не проживавшими и не заботящимися о нем никогда ранее.

¹ О судебной практике по делам о наследовании : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24 дек. 2020 г.) (п. 52) // Рос. газ. 2012. 6 июня.

² *Гражданское уложение*. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии). Книга четвертая. Наследственное право / под ред. И. М. Тютрюмова. М., 2008. С. 213, 216.

Конфликт безоговорочно возник бы и в случае, если все вышеуказанные лица проживали бы совместно с наследодателем в жилом помещении, которое в последующем фигурировало бы в завещании как единственный объект наследования. В этом случае наличие у Пелагеи Ореховой таких качеств, как пожилой возраст, нахождение на иждивении наследодателя и годовой срок совместного проживания с ним, а также сходных свойств (качеств) и у ее сына Василия, привело бы к распределению наследственной массы, исчерпываемой трехкомнатной квартирой, между всеми наследниками и семьей Ореховых в том числе.

Пример из судебной практики № 2. Вернем в наследственную массу, помимо квартиры, автомобиль и вклад, а Василия Орехова представим трудоспособным совершеннолетним мужчиной. В этом случае решение вопроса о распределении денежных средств от продажи автомобиля «Вольво» был бы положительно решен только в пользу Пелагеи в случае своевременного ее вступления в наследственные права на квартиру и автомобиль. В этом случае вопрос о совместном проживании всех наследников, распределении денежных средств по вкладу и иные действия по отношению к наследственной массе были бы неправомерными со стороны ее сына.

Кроме того, в соответствии со ст. 1121 ГК РФ, если бы Ивановым-старшим было составлено завещание с подназначением наследника (одного – другому по нисходящей линии), права на принятие наследства в порядке наследственной трансмиссии у Ореховых не было бы.

Отметим, что право на вступление в наследство в порядке наследственной трансмиссии не исключает сепарации

имущества наследника и наследодателя. Василий после Пелагеи унаследует, но по обязательствам Пелагеи не отвечает, хотя кредиторы наследодателя вправе предъявить свои требования к вступившим в свои права наследникам в пределах установленных сроков исковой давности и только в сумме перешедшей к ним наследственной массы. Течение срока исковой давности по требованиям кредиторов, начавшееся до смерти наследодателя, продолжается после его смерти в общем порядке. Общий срок исковой давности составляет три года, т. е. открытие наследства не прерывает, не пресекает и не приостанавливает течение сроков, что, по нашему мнению, является нормативной недоработкой. Считаем необходимым дополнить положения Закона о несостоятельности³ сроком в два года и сделать его пресекательным для предъявления требований кредиторов в целях соблюдения баланса интересов сторон⁴.

Однако нельзя говорить о том, что отсутствие доказательств фактического принятия наследства у кредиторов автоматически освобождает наследника от долгов. Такое утверждение будет обоснованным только в случае наличия достоверной информации о непринятии наследства ни юридически, ни фактически [2, с. 31].

Пример из судебной практики № 3. Представим ситуацию, при которой после смерти Иванова его единственным наследником являлся бы его родной сын – 27-летний Петр Иванов, который умер от падения с высоты при исполнении должностных обязанностей стропальщика, спустя два месяца после смерти отца. Наследником Петра выступал его единственный сын – Семен, который скончался через месяц после его смерти. Супруга

³ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 30 дек. 2021 г., с изм. от 3 февр. 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190 ; 2022. № 7, ст. 1031.

⁴ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем. 4-е изд., перераб. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 888 с.

Петра и нетрудоспособная няня сына второго наследодателя Пелагея Орехова обратились в суд с требованием об установлении факта принятия наследства в порядке наследственной трансмиссии.

Решением суда первой инстанции требования в отношении заинтересованных лиц были удовлетворены. Однако суд надзорной инстанции решение суда отменил и направил дело на новое рассмотрение, поскольку судом не исследован вопрос о том, имеют ли родственник и не родственник право на наследство, открывшееся после смерти Ивана Иванова⁵. Суд совершенно обоснованно вынес решение о невозможности вступления в наследство лица, постороннего наследодателю, несмотря на то что трансмиссар не оформил своего права на наследство своевременно.

Пример из судебной практики № 4. А теперь представим ситуацию, когда Пелагея Орехова является матерью Ивана Иванова. Она обращается в суд с иском о признании права на имущество в порядке наследственной трансмиссии, претендуя на наследство своего внука, Семена Иванова, которое не было принято им по причине скоропостижной смерти. Через месяц после подачи искового заявления Орехова умирает, а ее правопреемником становится сын от первого брака – Василий Орехов. Решением суда требования Василия удовлетворяются, но суд кассационной инстанции находит такое решение незаконным и необоснованным, указывая на то, что первоначальный истец и трансмиссар – Пелагея Орехова – пропустил срок на принятие наследства от своего внука в порядке наследственной трансмиссии и в своем ис-

ском заявлении, направленном через четыре года после смерти внука, не просил суд его восстановить. Судом отклонен довод о том, что Пелагея Орехова фактически приняла наследство, представив заявление о принятии наследства ее сына нотариусу⁶.

Пример из судебной практики № 5. Рассмотрим еще одну ситуацию, при которой на день смерти Ивана Иванова его единственная дочь Лидия была признана пропавшей без вести. Детям Лидии, внукам Ивана, суд откажет в признании права собственности на наследство, поскольку не установлен факт смерти их деда ранее смерти их матери. Для таких родственников, к сожалению, будет недоступно ни призывание к наследованию по «особому» основанию, ни доверительное управление в силу последнего.

Пример из судебной практики № 6. Теперь представим ситуацию, при которой наследодатель Иван Иванов все же составил завещание, но осталось имущество, не учтенное в завещании. Если предположить, что у него на момент смерти был насцитурус, он может вступить в наследство в рамках наследственной трансмиссии, независимо от того, упоминалось ли его имя в завещании или нет. Полагаем, что такая повышенная защита прав и интересов одних родственников происходит за счет ущемления прав других, что явно противоречит общим принципам реализации наследственной трансмиссии.

Заметим, что освещенные нами проблемы не единственные, с которыми может столкнуться семья наследодателя. Обратимся к еще одной немаловажной правовой проблеме.

⁵ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ставровской Татьяны Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 26 мая 2011 г. № 686-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ *В удовлетворении* исковых требований о признании права на наследование в порядке наследственной трансмиссии отказано, поскольку материалами дела установлено, что истцами пропущен шестимесячный срок после открытия наследства, установленный ГК РФ для приобретения наследства : определение СК по гражданским делам Моск. гор. суда от 8 дек. 2010 г. № 33-35962. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

**НАСЛЕДСТВЕННАЯ ТРАНСМИССИЯ
В КОРПОРАТИВНОМ СПОРЕ:
ОСОБЕННОСТИ**

Наследование бизнеса является насущным практическим вопросом, поскольку корпорация, создаваясь учредителями и развиваясь «собственной жизнью», существенно влияет на субъектов возникших отношений, их цели в сфере реализации предпринимательской деятельности и их корпоративные и наследственные права [3, с. 25].

Такое особое дополнительное основание наследования при переходе по наследству бизнес-активов связано не только с переменной лиц, обладающих наследуемым активом, но и переходом субъективных прав и обязанностей от наследодателя к наследнику, что не приводит к прекращению такого отношения, ибо оно продолжает существовать с новым субъектным составом и набором особенностей.

Не стоит забывать, что наследование законодатель трактует как косвенный (дополнительный, вспомогательный) способ отчуждения доли (акции) в уставном капитале. Однако же в наших ситуациях сам уставный капитал и формирует всецело наследственную массу.

К сожалению, в ходе своего исследования, мы пришли к выводу, что российское законодательство в решении вопросов реализации универсального правопреемства в виде наследования долей в обществе с ограниченной ответственностью (*вопросы перехода такого имущества*) неоднозначно, противоречиво, что, по сути своей, само является основанием для нарушения прав наследников – трансмиссаров и наследодателей – бывших участников корпоративных отношений как случайно, так и преднамеренно.

Пример из судебной практики № 7. Предположим, что семья Ивановых – участники одного корпоративного коммерческого юридического лица. Одной из наиболее частых проблем реализации

прав наследников-трансмиссаров может стать такое достаточно распространенное явление, как новация, отступное или реализация предмета залога на торгах судебным приставом-исполнителем или специализированным агентом. Необходимо также учесть тот факт, что преимущественное право покупки доли никто не отменял, наследование по Закону или завещанию не может приостановить его реализации.

Помимо этого, предположим, что наследодатель (участник хозяйственного общества) получил большее количество долей или процентов по причине осуществления дополнительных (например, правовых, имущественных, инвестиционных, консультационных или трудовых) функций в обществе. Если распределение этих обязанностей между наследниками не определено изначально, то они либо могут их не исполнять, либо исполнять, либо конфликтовать из-за того, как и по какому принципу должно идти распределение функций между ними. Наследование долей предполагает распределение актива и пассива как долговых обязательств наследодателя, понесенных наследниками в равных либо неравных долях. И это справедливо. Однако аналогичного распределения функциональных обязанностей не происходит, что, по нашему мнению, не совсем верно, так как получение большего количества процентов или долей в уставном капитале было связано с этими функциями.

Сопоставляя правовые конструкции «наследование» и «договор купли – продажи», необходимо отметить, что последующее признание договора заключенным на крайне невыгодных условиях для сторон по ст. 475 ГК РФ может стать причиной его расторжения, что не характерно для разрешения вопросов наследования. Наследник часто не может знать заранее о том, что доля или акция стали неликвидными, что произошло снижение размера

уставного капитала или сокращение имущества самой корпорации и многое другое. Он, вступая в наследство, неожиданно становится заложником ситуации, при которой общество, возможно, уже соответствует критерию неоплатности и готовится к добровольной или принудительной ликвидации. При этом по одному и тому же основанию суды выносят противоречивые судебные акты⁷. Такие разночтения возникают по причине неурегулированности, отсутствия единообразия в гл. 9 ГК РФ и отдельных положениях корпоративного и банкротского законодательства. Такие законодательные недоработки не только не позволяют реализоваться наследственной трансмиссии, но и явно грубо нарушают права наследников.

Пример из судебной практики № 8. Теперь представим, что доля в уставном капитале наследодателем Иваном Ивановым была подарена иному лицу, Степану Григорьеву, и одновременно фигурировала в завещании, либо была подарена или реализована до момента исключения указанного участника (наследодателя Ивана Иванова) из общества. Такие обстоятельства в последующем породят вполне обоснованный иск о признании ранее заключенной сделки недействительной⁸. Хотя и здесь суды пока не смогли прийти к единому мнению. В одном случае суд настаивал на недействительности сделки дарения, которая была заключена «исключительно с целью сделать невозможным удовлетворение рассматриваемого иска об исключении ответчиков из числа участ-

ников Общества»⁹, а в другом – на доведении общества до несостоятельности заключением данного договора¹⁰.

Безусловно, мнимость договоров дарения, как правило, связывается судами и заинтересованными лицами (заявителями) с тем, что даритель продолжает реализовывать свои права по корпоративному контролю и управлению, что позднее, уже после его смерти, вызывает серьезные проблемы для одаряемого (наследника).

С одной стороны, в обязанности наследника-трансмиссара будет входить обязанность по оплате неоплаченной части доли в уставном капитале, если срок оплаты для него еще не истек. Однако, нет специальной нормы ни в ГК РФ, ни в нормах для обществ с ограниченной ответственностью, где бы устанавливались сроки погашения возникшей задолженности после перехода доли по наследству уже за рамками полугодового срока. Корпоративное законодательство не содержит ограничений и не прописывает условия продления срока оплаты пассива, однако же в рамках наследственной трансмиссии увеличение срока является основанием подтверждения уважительности возможности вступления в наследство при отсутствии прямого наследника по восходящей и нисходящей линиям. Судебная практика в свою очередь содержит интересный пример определения действительной стоимости такой доли и спора наследников бывшего участника и общества по данному основанию¹¹.

⁷ *Постановление* Восьмого арбитражного апелляционного суда от 7 июня 2013 г. по делу № А81-4943/2012; *Определение* Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 30 окт. 2013 г. № ВАС-14602/13 по делу № А70-11153/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 10 сент. 2013 г. № 3330/13 по делу № А41-41903/10 // *Вестн. Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации*. 2013. № 12.

⁹ *Постановление* Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 нояб. 2013 г. по делу № А56-14842/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10 апр. 2015 г. № Ф03-821/2015 по делу № А73-174/2014; *Определение* Судебной коллегии по экономическим спорам Верхов. Суда Рос. Федерации от 8 окт. 2014 г. по делу № 306-ЭС14-14, А06-2044/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 22 марта 2011 г. № 15184/10 по делу № А12-25685/2009 // *Вестн. Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации*. 2011. № 6.

В ранее действующей ст. 26 Федерального закона № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹² сроки предъявления требований по выплате действительной (рыночной) стоимости ограничивались годом, независимо от того, обращался ли сам бывший участник либо его наследники. К сожалению, действующая редакция Закона вообще не содержит таких положений, хотя считаем необходимым не только дополнить указанную статью положениями о сроках предъявления требований к обществу по выплате стоимости доли в уставном капитале, но и увеличить указанный годичный срок до трех лет, с учетом возможных иных уважительных причин, одной из которых, на наш взгляд, может являться реализуемая наследственная трансмиссия. Мы полагаем, что ограничение срока вступления в наследство по уставу ввиду отсутствия указаний в законе станет явным грубым нарушением наследственных и корпоративных прав трансмитента и представляющего его права трансмиссара.

Возможно также возникновение ситуации, при которой наследник-трансмиссар обратится в суд с требованием о признании общего собрания о ликвидации общества после смерти одного из участника недействительным¹³. Безусловно, общество в лице представителя – председательствующего (руководителя) на общем собрании – будет ссылаться на отсутствие в Законе оснований для удовлетворения заявленных требований по причине отсутствия в момент проведения собрания статуса наследника по прямой или косвенной нисходящей линии. Такую позицию поддержит и суд, отказывая в заявленных требованиях. Мы считаем данную позицию необоснованной, ибо факт личного

(совместного, семейного) участия напрямую зависит от обстоятельств и сроков вступления в корпоративные права по управлению обществом. Игнорируя уважительность пропуска срока голосования по вопросу ликвидации общества, ссылаясь на уставные положения, иные участники общества нарушают права наследника. Именно поэтому в Законе необходимо отразить включение в наследственную массу часть доли в уставном капитале, равную ее оплаченной наследодателем части с возможностью выдела при вступлении в наследство по закону супружеской доли и доли для наследников-трансмиссаров.

Не менее важной проблемой реализации прав наследников по наследственной трансмиссии в корпоративных отношениях, мы полагаем, является учреждение доверительного управления.

Во-первых, есть ученые, которые высказываются относительно подробной регламентации ст. 64 Основ Законодательства о нотариате [4, с. 89], а именно: нотариус заключает договор доверительного управления со специализированной организацией, получив письменное одобрение потенциальных наследников, и расторгает его только в случае выражения одним или несколькими наследниками желания авансировать управление за свой счет. Мы согласны с данной позицией автора, однако хотели бы заметить, что это может вызвать для наследника или наследников в последующем ряд негативных последствий. Возмездно оказанные услуги будут выполнены исполнителем (нотариусом, душеприказчиком, рукоприкладчиком) в полном объеме, однако при отсутствии необходимых денежных средств в числе наследуемого имущества расходы, связанные с управлением долями в уставном

¹² Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 29 апр. 2008 г.) // Рос. газ. 1998. 17 февр. (Утратил силу 1 июля 2009 г.).

¹³ Постановление Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 3 авг. 2016 г. по делу № А56-4757/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qpcpBZM9v5JC/>

капитале хозяйственного общества станет убыточной для наследника в случае неожиданной утраты им стабильного источника дохода. Во-вторых, принятие ряда управленческих решений без учета мнения потенциальных наследников, без своевременно назначенного доверительного управляющего весьма затруднительно¹⁴.

Пример из судебной практики № 9. Иван Иванов был директором корпорации и при жизни не успел завещать контрольный пакет членам семьи или иным близким ему людям. Иного имущества у Иванова не было. После смерти Ивана Иванова открылось наследство, равное 50 % долей в уставном капитале ООО «Общество с ограниченной ответственностью». К нотариусу обратилась Лидия Иванова в целях заключения договора доверительного управления и назначения управляющим своего брата Петра, владеющего 50 % в уставном капитале этого же общества. Петр в соответствии с нормами российского законодательства должен был действовать в интересах иных наследников и выгодоприобретателей: матери Анны, сестры Лидии, няни Пелагеи, но, злоупотребив своими правами, он фактически изменил порядок голосования, наделив себя дополнительным набором прав и исключив из числа участников остальных родственников, став единственным выгодоприобретателем. Распределение актива произошло так, что все члены семьи были ущемлены в правах. Итогом неправомερных действий доверительного управляющего стало не только диспропорциональное распределение долей между участниками, но и их необоснованное исключение, что в свою очередь привело к резкому ухудшению финансового положения всей семьи. Искажение основ законодательства о доверительном управлении цифровым активом, электронными деньгами и иным имуществом

стало основанием для смещения с поста исполняющего обязанности не только в период вступления в права наследования, но и после такового, перераспределение актива внутри корпорации вообще. Исковые требования вылились в возмещение причиненных убытков и упущенную выгоду (в случае роста действительной стоимости доли каждого из участников). Что не могло не отразиться на распределении наследственной массы, защите прав, возникновении гражданской и административной (так как в указанный период исполнения обязанностей руководителя Петр Иванов был лицом, контролирующим деятельность хозяйственного общества) ответственности при реализации ряда обязанностей управляющим, членом семьи и одновременно наследником. Цепочка взаимосвязанных сделок, заключенных таким доверительным управляющим Петром Ивановым могла не только принципиально повлиять на права наследников первой очереди, но и негативно сказаться на правах наследников-трансмиссаров ввиду уменьшения действительной стоимости имущества.

Пример из судебной практики № 10. Еще одной довольно распространенной ситуацией может быть случай, при котором Иванов-старший является генеральным директором общества, а в день проведения собрания по вопросу его переизбрания он погибает от огнестрельного ранения. Если в этих отношениях нет наследника, доверительного управляющего, это приведет к нарушению прав заинтересованных лиц. Если представить ситуацию, в которой его сын, Иванов-младший, погибает, так и не вступив в наследство, а назначенный доверительный управляющий не занимается охраной имущества и поиском трансмиссара, то доля в размере пятидесяти процентов от уставного капитала перейдет обществу и будет

¹⁴ *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 27 марта 2012 г. № 12653/11 по делу № А36-3192/2010 // Вестн. Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. 2012. № 7.

распределена между его участниками до момента предъявления новым наследником требований в суд.

Вопрос о том, имеет ли право доверительный управляющий выражать волю потенциального наследника-трансмиссара в судебной практике, однозначного ответа пока тоже не находит. Правовая норма сконструирована так, что, с одной стороны, никто, кроме участника общества, не имеет права принимать участия в управлении им, а потому и будущий наследник – тоже, с другой стороны, решение вопросов о судьбе имущества, причитающегося такому наследнику, об изменении его стоимости, о возможности его отчуждения объективно не может проходить без активного вмешательства управляющего. Законом четко очерчены границы невмешательства доверительного управляющего в дела корпорации, нет аналогии, допустим, с голосованием владельцев обыкновенных и привилегированных акций, да и к обществу с ограниченной ответственностью такие категории не применимы. Как защитить права наследника и наследодателя от других учредителей и от неправомерных действий со стороны доверительного управляющего, – науке пока неизвестно.

Доверительное управление порой может быть сопряжено не только с активной защитой прав наследника, но и с нарушениями. Судебная практика знает примеры бездействий со стороны доверительного управляющего, которые достаточно сложно доказать¹⁵.

Представим себе ситуацию, при которой доверительным управляющим все-таки найден трансмиссар Ивана Иванова, но вот действительная стоимость доли в уставном капитале существенно снижена. По сути, никого, кроме назначенного

по договору доверительного управляющего, винить нельзя. Недобросовестность в действиях доверительного управляющего могла проявиться в двух разных ситуациях.

Пример из судебной практики № 11. Предположим, что выгодоприобретателем по договору выступает один человек, а денежные средства поступали на депонированный счет управляющего по причине счетной ошибки. Бывают ситуации, когда явных и грубых нарушений в действиях управляющего не зафиксировано, но снижение стоимости доли все равно произошло. Такая ситуация может произойти, например, при заключении договора аренды нежилого помещения по невыгодной цене, без получения письменного одобрения со стороны участников общества, хотя и с позитивной целью – увеличить действительную стоимость доли наследника¹⁶. При предъявлении таких требований в суд на любое заинтересованное лицо, в том числе на наследников, сколько бы их ни было, будет возлагаться бремя доказывания причинно-следственной связи недобросовестности управляющего по взаимосвязанным сделкам и временного неблагоприятного имущественного положения заявителя, равно как и возможного преднамеренного доведения до банкротства самого общества. В указанных случаях доверительный управляющий может отвечать и как лицо, имеющее специальный правовой статус, и как физическое лицо. Необходимо точно определить круг прав и обязанностей доверительного управляющего в договоре, чтобы снизить или полностью предотвратить потенциальные риски для бизнеса.

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ТРАНСМИССИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Семья наследодателя может также столкнуться с такой проблемой как

¹⁵ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 16 дек. 1997 г. № 5843/97 по делу № 51-226. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Решение Арбитражного суда Калининградской области от 31 янв. 2012 г. № А21-3897/2011. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

невозможность реализации наследственной трансмиссии в наследовании отдельных (неординарных) видов имущества, таких как криптовалюта, виртуальные игровые объекты, аккаунты в социальных сетях и иное.

Пример из судебной практики № 12. Представим ситуацию, при которой Иван Иванов подал заявление о признании его банкротом. Имуществом Иванова являлись бездокументарные ценные бумаги и криптокошельки. Впоследствии он умирает, не оставив завещания. Наследником становится его пасынок Сергей, который, вступая в наследство, приобретает права и обязанности по активам и пассивам наследодателя-трансмитента.

Суд отклонил заявление трансмиссара о передаче финансовому управляющему информации о сайте доступа, идентифицирующем номере кошелька и его пароле в присутствии нотариуса в целях пополнения конкурсной массы. Итогом рассматриваемого дела становится удовлетворение требований заинтересованного лица с подтверждением судом того факта, что непоименованный в Законе актив может быть вполне правомерно отнесен судом к категории «иное имущество»¹⁷.

К сожалению, хотелось бы отметить, что лицензионные соглашения, как правило, содержат запрет на возможность передачи прав на виртуальное имущество, равно как и на иные цифровые активы, что исключает возможность возникновения прав на их реализацию, обмен, дарение в качестве имущества. Например, средства, хранящиеся в кошельке Blizzard не имеют денежной стоимости и не подлежат передаче (в том числе

и в порядке наследования) другому лицу (раздел Е (2А) пп. i-viii)¹⁸. Надо сказать, что по данному вопросу позиция компаний – разработчиков интернет-сервисов вполне однозначна и, как нам кажется, весьма обоснована.

Добавим, что те же долговые обязательства трансмитента могли быть погашены и виртуальными учетными единицами, которые, как мы считаем, могли стать частью наследственной и конкурсной масс. Данное мнение подкреплено позицией Верховного Суда Российской Федерации: «На основании изложенного суд сделал вывод, что титульный знак WMZ является условной виртуальной учетной единицей, которую можно использовать только в рамках системы “WebMoney Transfer”. Данный знак не может являться предметом гражданских правоотношений, регулируемых российским законодательством, в том числе связанных с оплатой и передачей имущественных прав»¹⁹.

Желание наследников всех без исключения очередей во что то ни стало заполучить цифровой актив наследодателя нам вполне понятно. Логика проста: практически все указанные нематериальные объекты виртуального пространства могут быть конвертированы, преобразованы в материальные.

Не стоит забывать, что цифровизация всех сфер общественной жизни диктует или обуславливает возникновение новых объектов гражданского права. Однако одного внесения точечного дополнения в Закон о банкротстве, а именно принципиально новых положений о цифровых активах, как нам кажется, будет недостаточно.

¹⁷ *Определение* Арбитражного суда города Москвы от 5 марта 2018 г. по делу А40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/>; *Постановление* Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09-АП-16416/2018 по делу А40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

¹⁸ *Лицензионное соглашение с конечным пользователем для EMEA BLIZZARD®*. URL: <https://www.blizzard.com/ru-ru/legal/08b946df-660a-40e4-a072-1fbde65173b1/licenzionnoe-soglashenie-s-konechnym-polzovatelem-dlya-emea-blizzard>

¹⁹ *Решение* Курчатковского районного суда города Челябинска от 10 авг. 2021 г. по делу № 2-3802/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Стоит отметить, что необходимо закрепить и в ГК РФ, и в специальном законе²⁰ набор тех специфических прав, которые могут быть установлены для них.

Мы находим логичным мнение ученых, что аккаунты наследодателя можно называть мультимедийными продуктами при соответствии их признакам ст.ст. 2 и 1263 ГК РФ одновременно (оригинальность продукта, позволяющего стать источником дохода наследника). Этой же позиции придерживается и Федеральная нотариальная палата в отношении токенов, активов на блокчейне, писем и сообщений в мессенджерах, электронных писем в почтовых сервисах как охраняемых объектах авторского права (произведения) при решении вопросов наследования их как цифровых активов²¹. Безусловно, в нашей стране пока не идет речь о цифровых завещаниях и закрытых завещаниях, в которых будет содержаться информация о способах доступа к тем или иным цифровым активам. Другое дело – возможность предоставления доступа по завещанию и закону к тому или иному активу, а совершенно иное – наследование в целях извлечения прибыли. На данном этапе развития семейного и наследственного права положения закона будут сталкиваться с проблемами нарушения прав пользования (так называемой политикой конфиденциальности) для разных интернет-источников, что незаконно по отношению к наследникам.

Не стоит забывать, что признание всех без исключения цифровых активов иными видами имущества приведет к необходимости разработки системы мер по защите нарушенных прав наследников. Должен ли разработчик того или иного интернет-продукта (сайта, платформы) следить

за режимом использования конкретно взятого ресурса наследодателем или наследником или ему совершенно неважно, определено ли это положение завещанием или по закону? Имеет ли право сама компания-разработчик насильственно ограничить наследника в правах по использованию всей размещенной в аккаунте информации, узнав о получении таким наследником или наследниками стабильного дохода от его использования, и можно ли назвать такое использование несанкционированным? Является ли это и многое другое (размещение информации иной тематики, разработка новых проектов и размещение информации о них на данной странице в социальных сетях, опубликование откровенных фотографий, не имеющих никакого отношения к наследодателю) основанием для предъявления требований о нарушении прав наследодателя по аналогии с завещательным отказом или возложением, и если да, то кто должен это отслеживать и может ли этим заниматься сама компания?

Помимо перечисленных объектов, необходимо вспомнить такие, как бонусы, рекламные продукты, большие данные и др. Возникает вопрос о том, могут ли они подлежать такой же охране при наличии законом установленной объектоспособности, так как судебной практики по разрешению данного вопроса нами не найдено.

Еще одной проблемой, заслуживающей нашего пристального внимания, является проблема идентификации цифрового актива в условиях полной анонимности его обладателя. Ведь невозможность подтвердить принадлежность конкретно взятого актива данному наследодателю сводит его шансы на наследование актива к нулю.

²⁰ *Об информации*, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.

²¹ *Московские* нотариусы разобрались как передать по наследству цифровые активы // Офиц. сайт Федер. нотариал. палаты. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/cifrovye-aktivy-kak-peredat-po-nasledstvu-akkaunt-v-socseti-kriptovalyutu-tokeny-ili-igrokov-kompyuternoj-igry>

Хранение такого актива в банковской ячейке или на депонированном специализированном счете приводит к дополнительным расходам со стороны наследника, если информация о доступе к нему будет предоставлена конкретному наследнику в закрытом завещании. Нарушение прав наследников в этой части может быть таким же, как при получении бездокументарных ценных бумаг с инвестиционных счетов: обоснованное соглашением с Банком, удержание части цифровых средств, равных их эквиваленту в валюте обращения конкретно взятой страны, отказ в доступе к счетам, необоснованный отказ в выдаче средств и др.²²

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к рассматриваемым проблемам реализации наследственной трансмиссии и ее значению как особого правового явления в постоянно усложняющихся общественных отношениях, считаем необходимым изложить статью 1156 ГК РФ в новой редакции.

Во-первых, исключить из пункта 2 абзац 1 статьи 1156 ГК РФ, изложив данную норму в следующей редакции: «Если оставшаяся после смерти на-

следника часть срока, установленного для принятия наследства, составляет менее трех месяцев, она удлинится до трех месяцев».

Во-вторых, дополнить пункт 2 абзац 3 статьи 1156 ГК РФ, изложив его в следующей редакции: «По истечении срока, установленного для принятия наследства, наследники умершего наследника *не* могут быть признаны судом принявшими наследство в соответствии со статьей 1155 настоящего Кодекса».

В-третьих, дополнить пункт 3 статьи 1156 ГК РФ, изложив его в следующей редакции: «Право наследника принять часть наследства в качестве обязательной доли (статья 1149) не переходит к его наследникам *и не может распространиться на наследников далее второй очереди наследования*».

Конечно, нами не ставится вопрос о полном исключении института наследственной трансмиссии из текста части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации, однако мы видим необходимость подробной детальной переработки указанной статьи, что приведет к снижению вероятности «случайного стороннего наследования».

Список литературы

1. Смирнов С. А. Механизм фактического принятия наследства и его развитие в современной судебной практике // *Наследственное право*. 2015. № 1. С. 31–35.
2. Смирнов С. А. Опасность «лежачего наследства»: на примере судебного казуса // *Нотариус*. 2018. № 2. С. 29–32.
3. Глазов Д. В. Наследование корпорации: права и обязанности наследников // *Нотариальный вестник*. 2021. № 4. С. 24–31. DOI: https://doi.org/10.53578/1819-6624_2021_4_24
4. Максуров А. А. Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ : моногр. М. : Юстицинформ, 2021. 176 с.

Referenses

1. Smirnov S. A. Mechanism of Actual Acceptance of Inheritance and Its Development in the Modern Judicial Practice. *Inheritance Law*. 2015;1:31-35. (In Russ.).
2. Smirnov S. A. Danger of the Hereditas lacens: on an Example of a Judicial Case. *Notary*. 2018;2:29-32. (In Russ.).
3. Glazov D. V. Corporate Inheritance: the Rights and Obligations of Heirs. *Notary Bulletin*. 2021;4:24-31. DOI: https://doi.org/10.53578/1819-6624_2021_4_24 (In Russ.).
4. Maksurov A. A. *Actual Problems of Alienation of Stocks and Shares in the Authorized Capital of Business Entities*. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2021. 176 p. (In Russ.).

²² *Официальный сайт* ПАО «Сбербанк». URL: [https://www.sberbank.ru/ru/person/investments/ios/Раздел «Инвестиции: правила и новые возможности. Условия открытия инвестиционных счетов»](https://www.sberbank.ru/ru/person/investments/ios/Раздел%20«Инвестиции»: правила и новые возможности. Условия открытия инвестиционных счетов»)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Андреевна Корючина, старший преподаватель кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9200-1822>; e-mail: irinakoryuchina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Koryuchina, Senior Lecturer of the Department of Civil Law at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Science; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9200-1822>; e-mail: irinakoryuchina@gmail.com

Поступила | Received
28.06.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
07.07.2022

Принята к публикации | Accepted
13.07.2022

УДК 347.124:615

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-3-267-280

EDN: IWGNAS

Оригинальная научная статья

Принудительное лицензирование на фармацевтическом рынке: история и практика

К. Ю. Сасыкин *Фармацевтическая компания «Пульт», Санкт-Петербург, Российская Федерация*✉ k.sasykin@bk.ru

Аннотация. В фармацевтической индустрии на разработку нового изобретения (лекарственного средства), приобретение патента и введение в гражданский оборот со стороны разработчиков расходуются значительные материальные и временные ресурсы. В связи с этим лекарственные средства привлекательны для фальсификации, предпринимаются попытки воспроизвести имитацию оригинальных лекарственных средств, что требует уделения особого внимания защите прав патентообладателей. Получение патента на изобретение, с одной стороны, предоставляет исключительное право его обладателю, являясь своеобразной благодарностью государства за обеспечение инновационного прогресса, с другой стороны, несет значительные угрозы, обусловленные возможной недобросовестностью патентообладателей, что, по мнению автора, с учетом последних вызовов времени, требует не меньшего внимания в части обеспечения защитных механизмов от злоупотреблений. Поскольку доступность лекарственных средств – одна из основных задач национального здравоохранения, то автором поднята актуальная проблема применения в отечественном праве одного из таких механизмов, а именно механизма выдачи принудительных лицензий на лекарственные средства как изобретения (принудительное лицензирование). В статье содержится краткий исторический очерк зарубежного применения подобных институтов, анализируется отечественное регулирование и практика правоприменения, на основе чего выдвигаются тезисы о необходимости дополнительного правового регулирования.

Ключевые слова: патентное право; принудительная лицензия; изобретение; промышленная собственность; результат интеллектуальной деятельности; фармацевтическая деятельность; лекарственное средство; лекарственный препарат; судебная практика.

Для цитирования: Сасыкин К. Ю. Принудительное лицензирование на фармацевтическом рынке: история и практика // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 267–280. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-267-280>. EDN: <https://elibrary.ru/iwgnas>

Original scientific article

Compulsory Licensing in the Pharmaceutical Market: History and Practice

K. Yu. Sasykin *Pharmaceutical company «Pulse», St. Petersburg, Russian Federation*✉ k.sasykin@bk.ru

Abstract. In the pharmaceutical industry, the development of a new invention – a drug, the acquisition of a patent and the introduction into civil circulation by the developers spend significant resources in material and time. In this regard, drugs are attractive for falsification, and attempts are also being made to reproduce the imitation of original drugs, which requires special attention to the protection

of the rights of patent holders. Obtaining a patent for an invention provides an exclusive right to its owner, being a kind of state gratitude for ensuring innovative progress, and, on the other hand, carries significant threats due to the possible dishonesty of patent owners, which, according to the Author, taking into account the latest challenges of the time, requires no less attention in terms of providing protective mechanisms against abuse. Since the availability of medicines is one of the main tasks of national health care, the Author raised the actual problem of applying one of these mechanisms in domestic law, namely the mechanism for issuing compulsory licenses for medicines as inventions (compulsory licensing). The article contains a brief historical outline of the foreign application of such institutions, analyzes domestic regulation and law enforcement practice, on the basis of which theses are put forward on the need for additional legal regulation.

Keywords: patent law; compulsory license; invention; industrial property; the result of intellectual activity; pharmaceutical activity; medicine; medicinal product; arbitrage practice.

For citation: Sasykin K. Yu. Compulsory Licensing in the Pharmaceutical Market: History and Practice. *Siberian Law Review*. 2022;19(3):267-280. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-267-280>. EDN: <https://elibrary.ru/iwgnas> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Международные нормативно-правовые акты, участником которых является Российская Федерация (например: Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.¹, Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г.²), обязывают участников распространять в отношении лекарственных средств собственные национальные правовые режимы патентирования продуктов и процессов.

Долгое время до принятия названного выше Соглашения по ТРИПС патентование товаров первой необходимости, таких как лекарственные средства и пищевые продукты, считалось противоречащим общественным интересам. Например, к моменту создания Всемирной торговой организации 49 из 98 участников Парижской конвенции по охране промышленной собственности исключали из перечня подлежащих патентной защите фармацевтические продукты, 10 – фармацевтические технологические процессы, 22 – химиче-

ские технологические процессы. Патенты на фармацевтическую продукцию не выдавались во Франции (до 1960 г.), Швейцарии (до 1977 г.), Италии (до 1978 г.), Швеции (до 1978 г.), Испании (до 1992 г.) [1, с. 25; 2, с. 120].

Пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г., охватывающая планету новыми волнами уже третий год, вновь подняла не столько проблему создания лекарственных средств против этого заболевания (в том числе поскольку они были прежде всего созданы российскими производителями), сколько вопрос о возможных рисках злоупотреблений патентообладателями в вопросах свободного распространения этих средств всем нуждающимся. В частности, 21 апреля 2020 г. ООН была единогласно принята Резолюция «Международное сотрудничество в целях обеспечения глобального доступа к лекарствам, вакцинам и медицинскому оборудованию для противодействия COVID-19»³, в которой говорилось о необходимости обеспечить всеобщую доступность на тот

¹ Конвенция по охране промышленной собственности : закл. в Париже 20 марта 1883 г. (ред. от 2 окт. 1979 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) : закл. в г. Марракеше 15 апр. 1994 г. (с изм. от 6 дек. 2005 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Международное сотрудничество в целях обеспечения глобального доступа к лекарствам, вакцинам и медицинскому оборудованию для противодействия COVID-19 : резолюция (принята Генер. Ассамблеей ООН 20 апр. 2020 г.). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/274>

момент еще не разработанной вакцины против заболевания.

Десятки благотворительных организаций и фондов, занимающихся вопросами помощи заболевшим COVID-19, ВИЧ-инфекцией, гепатитом С, туберкулезом и другими общественно-опасными заболеваниями (преимущественно, из России, Украины, Казахстана) подписали открытое обращение к правительствам стран Восточной Европы и Центральной Азии⁴, в котором указали, что некоторые из разработанных потенциально эффективных вакцин от COVID-19 уже на момент обращения находятся под патентной защитой США вплоть до 2031 г., что требует проведения оценки действующего законодательства и при необходимости срочного внесения изменений, наделяющих правительство и/или уполномоченные им органы правом принимать решения об использовании изобретений в интересах общественного здоровья и национальной безопасности без согласия патентообладателя с выплатой соразмерного вознаграждения.

При этом ситуация с доступностью лекарственных средств от COVID-19 не являлась уникальной, поскольку аналогичные проблемы в условиях санкционного давления возникают и возникали прежде в отношении средств, применяемых для лечения ВИЧ-инфекции, гепатита С, туберкулеза, онкологических и иных смертельно опасных болезней.

Например, в научной литературе упоминается обострение проблемы, произошедшее еще в 2001 г. на фоне возражений патентообладателей из США в разгар эпидемии СПИДА. Производители возражали против практики принудительного лицензирования в отношении запатентованных

ими лекарственных средств в странах Южной Африки и Бразилии. Всемирной торговой организацией в Дохе в ноябре того же года была принята Декларация о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении, в которой подчеркивалось что Соглашение ТРИПС не создает и не должно создавать препятствий участникам для принятия мер, направленных на защиту общественного здравоохранения [3, с. 135].

Вспомнить стоит и ситуацию, когда компания Turing Pharmaceuticals из США в 2015 г. приобрела патентные права за 50 млн долл. США в отношении лекарственного средства «дараприм», применяемого в целях лечения токсоплазмоза у пациентов со слабой иммунной системой (инфицированные ВИЧ, онкобольные и пр.), а после приобретения произвела повышение стоимости препарата с 13,5 до 750 долл. США⁵. Очевидным последствием этого стала его (оригинала) недоступность для большинства нуждающихся в лечении, и невозможность производства аналогов ввиду патентной защиты.

Таким образом, конфликт частных и общественных интересов в сфере фармацевтики является актуальным, аккумулирующим, с одной стороны, значительный интерес государств и общества в реальной доступности лекарственных средств, а, с другой (противоположной) стороны, коммерческие интересы патентообладателей на получение прибыли от создания новых лекарственных средств и их продвижения на рынках. В этом смысле одной из принципиальных задач для права является поиск баланса между указанными интересами.

В действующем отечественном и зарубежном законодательстве в качестве

⁴ *Открытое письмо: использование патентов правительством на фоне эпидемии COVID-19* // Официальный сайт Международной коалиции по готовности к лечению в регионе Вост. Европы и Центр. Азии (ITPC ECEA). URL: <https://itpc-eeca.org/2020/04/14/otkrytoe-pismo-ispolzovanie-patentov-pravitelstvom-na-fone-epidemii-covid-19>

⁵ *Харпер М.* Феномен Шкрели: как стать главным злодеем Америки // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/potrebitelskii-rynok/314735-fenomen-shkreli-kak-stat-glavnym-zlodeem-ameriki>

одного из механизмов сдержек и противовесов выступает механизм принудительного лицензирования, позволяющий фактически копировать лекарственные средства без согласия патентообладателя.

Рассуждая о сути принудительного лицензирования, следует отметить позицию М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, которые принудительную лицензию предлагают выделять среди лицензионных договоров в отношении результатов интеллектуальной деятельности в качестве самостоятельного вида договора, по основанию заключения, которым является судебное решение [4, с. 301]. Такой же позиции придерживается и Е. В. Ерохина [5, с. 46].

С данной точкой зрения сложно не согласиться. Институт принудительного лицензирования основан на положениях названных выше Парижской конвенции по охране промышленной собственности (п. А(2) ст. 5), Соглашения о ТРИПС (ст.ст. 30, 31 и 40), из совокупного толкования которых, действительно, следует, что выдача принудительной лицензии на результат интеллектуальной деятельности — одно из оснований ограничения исключительных прав, нормативно устанавливаемое каждым государством самостоятельно для целей предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключительного права, предоставляемого патентом (например, в случае неиспользования изобретения).

История и практика зарубежного применения механизма принудительной лицензии

Преимущества института принудительного лицензирования неоднократно применялись в отдельных юрисдикциях. Так, в Канаде в период с 1969 по 1992 гг. было предоставлено 613 лицензий на импорт и производство лекарственных препаратов [6, с. 60], что якобы позволило

обеспечить доступность лекарственных средств путем снижения уровня розничных цен на лекарства.

В частности, как пишет доктор юридических наук и профессор Института государства и права РАН Л. В. Санникова [3, с. 136], изменения в канадском патентном законодательстве в 1969 г. означали, что любое лицо вправе подать заявку на принудительную лицензию на импорт лекарств или массовых активных ингредиентов изготовленных с использованием запатентованных процессов. Канадская политика привела к значительному увеличению доли дженериковых компаний на фармацевтическом рынке и существенному снижению цен на лекарства.

Л. В. Санникова же отмечает и опыт Италии, Германии, Франции, где неоднократно принимались решения о выдаче принудительных лицензий.

Например, указывается, что в Италии в 2005 г. выдана лицензия против немецкой компании Merck на некоторые антибиотики из-за злоупотребления компанией своим доминирующим положением; 2006 г. — против британской компании Glaxo за отказ в выдаче лицензии на препарат от головной боли (мигрени); 2008 г. — снова против Merck за отказ в предоставлении лицензий на производство и продажу активного ингредиента «финастерид», используемого для целей лечения гипертрофии предстательной железы, а также от выпадения волос у мужчин.

Во Франции в 2004 г. использовано принудительное лицензирование в отношении патентов на диагностические тесты на рак груди и яичников в ответ на озабоченность общественности по поводу чрезмерно высоких цен и ограничительных условий лицензирования [3, с. 136].

В ФРГ местный Федеральный патентный суд в 2016 г. удовлетворил требование Merck о выдаче принудительной лицензии японской компании

Shionogi & Company Ltd, обладающей европейским патентом на ингибитор интегразы, который используется для лечения ВИЧ. Как указал Постоянный комитет по патентному праву Всемирной организации интеллектуальной собственности в своем справочном документе к тридцатой сессии, состоявшейся в июне 2019 г., это дело стало первым делом, в котором затем Федеральный суд поддержал решение патентного суда о выдаче принудительной лицензии⁶.

Опыт выдачи принудительной лицензии в Малайзии также позволил обеспечить производство необходимого эффективного противовирусного лекарственного средства, а в Индии – средства для лечения рака почек на поздних стадиях развития болезни [7, с. 63]. Е. А. Салицкая пишет, что принудительное лицензирование в Индии применялось в 2012 г. в отношении немецкой компании Bayer, имеющей право производства противоопухолевого препарата «Нексавар». Заявителю индийской Natco Pharma была предоставлена лицензия на данный препарат, а попытки немецкого производителя оспорить решение не увенчались успехом ни в первой, ни в апелляционной инстанциях, ни в Верховном Суде Индии [8, с. 446].

Однако данная практика в мире является скудной, что также отмечают ученые [9, с. 328]. Хаотичное применение норм о принудительном лицензировании или угроза использования принудительных лицензий создавали бы предпосылки для использования их в большей степени в качестве меры протекционистского характера, направленной на развитие местных (дженериковых) производителей, и лишь только затем для снижения розничной стоимости лекарств.

Как пишет Д. С. Колесников, использование принудительных лицензий в от-

ношении патентов на лекарственные средства, хотя и позволяет временно улучшить ценовую доступность лекарственных средств, однако в долгосрочной перспективе приводит к недоступности современных лекарств, которые не будут зарегистрированы на определенном рынке или вовсе не будут разработаны, что может оказаться опасным для здоровья пациентов [10, с. 51].

Обоснованно отмечает Э. В. Дубовская, что применение механизма выдачи принудительной лицензии неизбежно приводит к тому, что меньшее число крупнейших фармацевтических компаний имеет интерес в создании и разработке новейших эффективных лекарственных средств, ввиду боязни столкновения финансовых ожиданий и необходимости выдачи лицензии [11, с. 61]. О подобных последствиях пишет и Б. А. Шахназаров [12, с. 141]. А. С. Ворожевич указывает, что ограничение патентных прав в Индии (в описанном выше случае с препаратом «Нексавар») повлекло за собой больше вреда, чем могло пациентам. Индийский фармацевтический рынок понес существенные потери репутационного характера, страна лишилась инвестиций более чем на 10 млрд долл. США [13, с. 52].

Представляется, что любые мероприятия по обеспечению всеобщего доступа к лекарственным средствам должны в первую очередь основываться на рыночных инструментах (например, инвестициях в разработку новых более эффективных лекарственных средств, финансировании благотворительных программ, организаций и фондов, увеличении прозрачности и доступности государственных закупок, снижении налогов и пошлин на ввозимые зарубежные препараты и т. п.) и лишь в крайнем случае находить выражение в выдаче принудительных лицензий.

⁶ Проект Справочного документа об исключениях для целей выдачи принудительных лицензий (подготовлен Секретариатом Постоянного комитета по патентному праву Всемирной организации интеллектуальной собственности). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp_30/scp_30_3.pdf

**Краткий очерк
законодательного регулирования
механизма принудительного
лицензирования в РФ:
разграничение со смежными
механизмами**

В этом смысле важно отметить, что практика выдачи принудительных лицензий в России практически не формируется: всего в России выявлено 2 случая выдачи принудительной лицензии, и оба случая касаются только в части выдачи лицензий в интересах обладателей патентов на зависимый лекарственный препарат.

Действительно, в соответствии со ст. 1239 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) суд может по требованию заинтересованного лица принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в решении суда условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия). При этом, кодекс прямо указывает, что предоставление лицензии возможно только в случаях, предусмотренных данным кодексом.

В целом на сегодняшний день ГК РФ подходит к выдаче принудительных лицензий обоснованно аккуратно, определяет лишь два случая его возможного применения – в ст. 1362 кодекса предусмотрена возможность выдачи принудительной лицензии на изобретение, полезную модель или промышленный образец. В статье 1423 кодекса определена возможность выдачи принудительной лицензии на селекционное достижение.

Важно сразу же подчеркнуть, что ГК РФ, помимо механизма принудительной лицензии, знает и иные сходные способы легального ограничения прав патентообладателя, не связанные с лицензией.

Прежде всего речь идет об ограничении прав патентообладателя на основании ст. 1360 ГК РФ, а именно – в

случаях использования изобретения полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности. Решение о таком использовании принимается правительством, согласия патентообладателя вовсе не требуется, он лишь в кратчайшие сроки уведомляется о факте ограничения, а использование охраняемого объекта происходит на возмездной основе с выплатой ему соразмерной компенсации.

Иной порядок ограничения исключительности прав патентообладателей определен нормой п. 3 ст. 1359 ГК РФ, предусматривающей возможность использования охраняемого объекта при чрезвычайных обстоятельствах стихийных бедствиях, катастрофах, авариях.

Основным отличием выдачи принудительной лицензии, предусмотренной ст. 1362 ГК РФ, от вышеуказанных процедур использования изобретения без согласия правообладателя является то, что решение о выдаче лицензии – это рыночный механизм, а не административный. Решение принимает арбитражный суд, а не орган исполнительной власти в условиях состязательного процесса между правообладателем и лицом, заинтересованным в использовании охраняемого изобретения, и исключительно на основании обращения последнего.

Действительно, для выдачи принудительной лицензии на лекарственное средство как изобретение в силу п. 1 ст. 1362 ГК РФ по общему правилу необходимо соблюдение ряда обязательных условий.

Во-первых, данный объект обязан соответствовать определению изобретения и условиям патентоспособности, данным в ст. 1350 ГК РФ, в том числе оно должно являться новым, иметь изобретательский уровень и быть промышленно применимо.

Во-вторых, данный объект должен недостаточно использоваться разработчиком или же не использоваться вовсе. При этом

законом установлен определенный срок, в течение которого такой объект не был использован – 4 года.

В-третьих, экономическая модель спроса и предложения должна действовать не в полном объеме, т. е. такой результат интеллектуальной деятельности должен недостаточно использоваться или не использоваться вовсе, что должно привести к недостаточному предложению соответствующих товаров.

В-четвертых, патентообладатель обязан доказать, что неиспользование или недостаточное использование им соответствующего изобретения обусловлено уважительными причинами.

В-пятых, лицо, желающее и готовое использовать изобретение, должно обратиться к патентообладателю и получить отказ от заключения с этим лицом лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике.

Применительно к выдаче принудительных лицензий на зависимое изобретение, т. е. которое используется в другом изобретении, то порядок согласно п. 2 ст. 1362 ГК РФ еще более строгий.

Важно, во-первых, доказать отсутствие у обратившегося патентообладателя возможности использовать изобретение, на которое он имеет исключительное право, не нарушая при этом прав обладателя другого патента на изобретение.

Во-вторых, очевидно, что необходимо доказать факт отказа обладателя другого патента от заключения лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике.

В-третьих, зависимое изобретение должно являться важным техническим достижением и иметь существенные экономические преимущества перед изобретением или полезной моделью обладателя первого патента.

Если данные условия будут соблюдены в совокупности, то предполагаемый пользователь патента имеет основания

для обращения в суд о выдаче принудительной лицензии на лекарственное средство как результат интеллектуальной деятельности.

ПРОБЛЕМАТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫДАЧИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ЛИЦЕНЗИЙ В РФ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Анализ вышеуказанных положений ст. 1362 ГК РФ позволяет сформулировать вывод, что на сегодняшний день нормы носят излишне оценочный, неопределенный характер.

Например, относительно устанавливаемой в п. 1 рассматриваемой статьи необходимости обращения заинтересованного лица к патентообладателю и получения отказа от заключения лицензионного договора, законодательно не определена форма или допустимый срок для ответа патентообладателя на такое обращение и не сформулировано, что именно является установившейся практикой для условий лицензионных договоров. Обязано ли заинтересованное лицо направить и предложить заключить свой проект лицензионного договора или достаточно самого предложения к заключению? От всех ли условий обязан отказаться патентообладатель или же достаточно несогласия патентообладателя хотя бы с одним из предложенных условий? Как поступить, если патентообладателю поступило несколько предложений?

Кроме того, учитывая, что проблема касается предоставления лицензии на использование изобретения, которое заведомо в силу своего определения является новым, имеющим изобретательский уровень, ссылка закона на установившуюся прежде практику вызывает обоснованные вопросы и требует разъяснений.

Тем не менее более проблематичен п. 2 статьи, которым допущена неясность в предмете доказывания «важного

технического достижения», «экономических преимуществ», о чем упоминают некоторые авторы (М. М. Пучинина, Л. В. Санникова, С. И. Крупко и др. [3, с. 137; 14, с. 118; 15, с. 50]).

В частности, отсутствует ясное понимание, на основании каких именно критериев изобретение однозначно должно определяться в качестве важного технического достижения или чем должны быть установлены существенные экономические преимущества перед изобретением или полезной моделью обладателя первого патента.

В разрезе поставленных проблематик актуален, например, вопрос о том, представляет ли использование запатентованного изобретения по неизвестному ранее назначению важное техническое достижение? А может ли такое использование уже само по себе иметь существенные экономические преимущества по сравнению с использованием первым правообладателем?

В попытке ответить на вопрос, что является важным техническим достижением по смыслу п. 2 ст. 1362 ГК РФ, обоснованы два логичных подхода.

1. Уже одно лишь событие наличия патента подтверждает важность соответствующего технического достижения ввиду того, что для целей получения патента в обязательном порядке оценивается патентоспособность изобретения, определенная ст. 1350 ГК РФ. Тем самым, патентообладатель как бы уже подтвердил важность изобретения как технического достижения и его экономическое значение в результате проводимой регистратором экспертизы новизны и изобретательского уровня.

2. Для признания объекта важным техническим достижением недостаточно

одной лишь патентоспособности. Из формулировки следует выделить два признака: 1) «техническое достижение», которым в действительности *a priori* является изобретение в силу условий патентоспособности согласно ст. 1350 ГК РФ; 2) «важное», заключающееся в том, что тем самым подчеркивается некоторая его исключительность по сравнению с иными изобретениями, т. е. лицензия не может предоставляться любому зависимому изобретению.

Частично последний подход уже нашел поддержку в отечественной практике арбитражных судов.

Стоит для начала сказать, что практика правоприменения норм ст. 1362 ГК РФ – единичная. Первый выявленный в практике случай – в 2011 г. в рамках судебного дела № А40-83104/2011. Фармацевтическая компания Дебиофарм как владелец патента на лекарственный препарат инициировала спор против компании Тева о нарушении своих патентных прав. Тева в свою очередь заявила патентообладателю встречный иск о выдаче принудительной лицензии, при этом, однако, оспаривая данный патент по условию «промышленная применимость» в рамках параллельного судебного разбирательства [16, с. 12]. Однако дело так и не было рассмотрено по существу⁷, в связи с чем какие-либо выводы привести невозможно.

Первое дело по существу было рассмотрено лишь, в 2018 г. в деле по иску другой отечественной компании Натива (дело № А40-71471/2017). В деле впервые был применен п. 2 ст. 1362 ГК РФ⁸. Арбитражным судом г. Москвы в рамках данного дела была предоставлена принудительная лицензия американской компании Celgene, являющейся частью

⁷ Решение Арбитражного суда города Москвы от 10 сент. 2015 г. по делу № А40-83104/11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Решение Арбитражного суда города Москвы от 8 июня 2018 г. по делу № А40-71471/17; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 дек. 2018 г. № С01-1064/2018 по делу № А40-71471/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

корпорации Bristol Myers Squibb, которая специализируется на производстве иммунологических препаратов и препаратов против рака, на лекарственное средство с международным непатентованным наименованием «леналидомид». Несмотря на то что впоследствии Палата по патентным спорам РФ аннулировала ранее выданную принудительную лицензию, а в декабре 2018 г. компании заключили мировое соглашение, согласно которому Натива больше не претендовала на выдачу принудительной лицензии от компании Celgene, дело интересно именно тем, что в нем было исследовано «важное техническое достижение» и определен критерий «существенные экономические преимущества».

Позиция компании Celgene как ответчика сводилась к тому, что зависимый препарат, права на который принадлежат компании Натива, является зарегистрированным воспроизведенным лекарственным средством к препарату компании Celgene (т. е. дженериком), что само по себе уже свидетельствует о том, что он не может являться важным техническим достижением, а значит не подлежит выдаче и принудительная лицензия на него. Однако, суды учли выводы экспертизы, установившей в целях определения важности технического изобретения увеличение технологичности зависимого лекарственного средства по сравнению с запатентованным изобретением и другие его характеристики.

Однако уже в другом выявленном деле о выдаче принудительной лицензии суды пошли по другому пути.

Так, в 2019 г. по иску Нативы уже в рамках дела № А40-166505/2017 Арбитражным судом г. Москвы была предоставлена принудительная лицен-

зия американских компаний Sugen LLC и Pharmacia & Upjohn Company LLC, входящих в группу компаний Pfizer, на использование на территории Российской Федерации изобретения, охраняемого евразийским патентом, а именно – вещества «сунитиниб»⁹.

Американские компании первыми обратились с иском к Нативе, требуя прекратить нарушения принадлежащего им евразийского патента, в том числе запретить изготовление, предложение о продаже, продажу, иное введение в гражданский оборот и хранение для этих целей лекарственного средства под любым торговым названием, содержащим вещество «сунитиниб», в том числе в лекарственном препарате под торговым наименованием «Сунитиб-натив»

Как полагали зарубежные истцы, изобретение Нативы по принадлежащему ему патенту РФ не представляет собой важного технического достижения и не имеет существенных экономических преимуществ перед изобретением по евразийскому патенту американских компаний, в связи с чем такое изобретение по патенту РФ не соответствует ни одному из критериев, установленных п. 2 ст. 1362 ГК РФ. Компании заявили, что Натива не использует изобретение по своему патенту в лекарственном препарате «Сунитиниб-натив», а использует только их изобретение по евразийскому патенту.

В свою очередь Натива обратилась с встречным иском заявлением о признании изобретения истцов, охраняемого евразийским патентом, и своего изобретения, охраняемого патентом РФ, зависимыми; об обязанности указанных американских компаний предоставить принудительную простую (неисключительную) лицензию на использование на территории

⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 декабря 2018 г. № С01-1064/2018 по делу № А40-71471/2017 ; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 янв. 2019 г. по делу № А40-166505/17-17-15-1481 ; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 окт. 2019 г. № С01-906/2019 по делу № А40-166505/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Российской Федерации изобретения, охраняемого евразийским патентом, на определенных условиях; об обязанности американских компаний зарегистрировать соответствующий договор принудительной простой (неисключительной) лицензии.

В рамках дела суды (как и в первом деле), прибегнув к судебной экспертизе, согласились с тем, что изобретение Нативы, охраняемое патентом РФ, является зависимым по отношению к изобретению американских компаний, охраняемому евразийским патентом. При этом проигнорировали выводы одного из экспертов, который выразил отрицательное мнение относительно того, является ли изобретение Нативы важным техническим достижением, поскольку в изобретениях заявлено одно и то же действующее вещество, обосновав важность и экономическое преимущество именно ссылкой на наличие патента и общественную значимость препарата.

В частности, суды отметили, что изобретение Нативы и изобретение, исключительным правом на которое обладают американские компании, используется при изготовлении лекарственных препаратов для лечения тяжелых, в том числе, онкологических заболеваний. Разнообразие, которое позволит применить индивидуальный подход к лечению того или иного заболевания у людей, доступность лекарственных средств, а главное, эффективность ввиду важности технического решения, могут способствовать продлению, а также спасению жизни человека, что социально значимо для общества и государства. Судами была дана оценка тому, что американские компании, отказываясь предоставлять лицензию без каких-либо обоснований, препятствуют и запрещают использовать изобретение по патенту РФ.

Таким образом, в названном деле допущена явная юридико-техническая ошибка. Содержание категории «важное техническое достижение» и «существенные экономические преимущества» фактически подменено другой, абстрактной категорией общественного интереса.

Интересно в связи с этим мнение, высказанное доцентом кафедры интеллектуальных прав МГЮА С. В. Михайловым, который также указывает, что выяснение места и функций названных категорий в правовом институте (формально-юридический метод) принудительного лицензирования по зависимому изобретению приводит нас к выводу, что данные категории («важное техническое достижение» и «существенные экономические преимущества») не могут толковаться с позиции общественных интересов. Автор, в том числе, приводит ссылки на немецкую доктрину о соотношении в законодательстве ФРГ условий принудительного лицензирования и принудительного лицензирования по зависимому патенту (пп. 1 и 2 пар. 24 Закона ФРГ о патентах) [17, с. 76].

Не менее значимо, что в рамках данного дела все судебные акты о выдаче принудительной лицензии были отменены в этом (2022) году по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку решением Роспатента от 25 июня 2021 г. патент РФ на изобретение компании Натива был признан недействительным полностью и было отменено решение о его выдаче в связи с несоответствием условиям патентоспособности¹⁰.

Стоит подчеркнуть, что в обоих случаях судами определялась важность зависимого изобретения, однако оценка производилась с различных точек зрения — как через призму его технологических характеристик, так и с позиции социального значения.

¹⁰ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15 марта 2022 г. по делу № А40-166505/17-1 7-15-1481. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, стоит сказать, что, несмотря на наличие в законодательной базе целого ряда статей об ограничении прав патентообладателей, включая ст. 1362 ГК РФ о принудительной лицензии, практика в России фактически не формируется.

На сегодняшний день еще не было прецедентов окончательно выданной принудительной лицензии по ст. 1362 ГК РФ без последующего ее прекращения, чему, безусловно, стоит дать положительную оценку. Продвижение доступности лекарственных средств (как и иных товаров) для потребителей должно осуществляться более рыночными механизмами, о которых указано выше.

Во-вторых, судебная практика в РФ носит переменчивый характер, а значит имеется целесообразность дополнительной законодательной регламентации соответствующих положений ГК РФ, включая ст. 1362, о чем косвенно пишут и другие исследователи [например, 18, с. 113; 19, с. 109; 20, с. 73; 21, с. 114].

Так, применительно к ст. 1362 ГК РФ представляется, что подход к регулированию должен быть взвешенным, в целях исключения перспективы злоупотреблений со стороны отечественных дженериковых компаний. В частности, следует найти дополнительное урегулирование процессуальным основаниям для обращения в суд за выдачей принудительной лицензии в порядке п. 1 ст. 1362 ГК РФ, включая детальную регламентацию досудебного порядка разрешения спора с патентообладателем. Под отказом от заключения лицензионного договора должно пониматься полное и безусловное уклонение патентообладателя в конкретный устанавливаемый законом срок от согласия с предложенными ему претендующим заявителем существенными условиями такого догово-

ра (предмет и способы использования). При этом отсылка закона в данном пункте на «условия, соответствующие установившейся практике» является для этой категории правоотношений неудачной, подлежит исключению, поскольку в данном случае занятие патентообладателями переговорных позиций по коммерческим условиям лицензионных договоров относительно использования новых технических достижений должно оцениваться судами не на основе ранее существовавшей практики (в том числе учитывая вероятность ее отсутствия), а на основе общих принципов разумности и добросовестности, закрепленных гражданским законодательством. Патентообладатель не может быть лишен права на отказ от заключения лицензионного договора, если из его действий не следует явного злоупотребления, направленного на недобросовестную конкуренцию (например, если патентообладатель отказывается от лицензионного договора на предложенных условиях, однако заключает лицензионный договор с иным лицом, предложившим более выгодные условия).

Применительно к п. 2 ст. 1362 ГК РФ ссылка на «соответствующие установившейся практике условия» допустима, однако более важно, и в этом, безусловно, стоит согласиться с позициями В. С. Михайлова [17, с. 85], Б. Ю. Лалаева [22, с. 207], что для целей разумной защиты интересов патентообладателей как обладателей первого («мешающего») патента от злоупотреблений при истребовании принудительной лицензии нормативно следует установить более высокий стандарт доказывания «важности» технического достижения изобретения, правом на которое обладает соответствующее лицо, заявляющее о выдаче принудительной лицензии, а также его экономических преимуществ.

Список литературы

1. Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Расширение доступа к лекарственным средствам в рамках обеспечения права каждого человека на пользование результатами научного прогресса и их практическое применение // Евразийский юридический журнал. 2017. № 5 (108). С. 23–28.
2. Право граждан на лекарственное обеспечение : моногр. / Н. В. Путило, Н. С. Волкова, Ф. В. Цомартова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Путило. М. : Контракт, 2017. 214 с.
3. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Защита прав патентообладателей при коллизии патентов на лекарственные препараты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 43. С. 121–145. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-43-121-145>
4. Миронова А. И. Понятие принудительная лицензия и лицензирование в российском законодательстве // Инновации. Наука. Образование. 2021. Т. 1, № 44. С. 297–302.
5. Ерохина Е. В. Институт принудительного лицензирования по законодательству РФ // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3 (139). С. 45–48.
6. Лосев С. Принудительные лицензии и доступ к лекарственным препаратам // Наука и инновации. 2020. № 8 (210). С. 58–64.
7. Щедрина Н. Д. Назначение принудительной лицензии в гражданском праве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 5 (84). С. 62–64.
8. Салищкая Е. А. Принудительное лицензирование лекарственных средств как механизм обеспечения баланса публичных и частных интересов // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 5. С. 442. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869587316050182>
9. Миронова А. И. Принудительная лицензия в законодательстве и судебной практике // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 9А. С. 326–331. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2021.54.14.041>
10. Колесников Д. С., Угрюмов В. М. Опасные последствия принудительного лицензирования патентов в области фармацевтики // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 9. С. 39–51.
11. Дубовская Э. В. Механизм принудительного лицензирования лекарственных средств в ВТО: правовая природа, практика применения и уроки для Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2015. № 2 (81). С. 56–62.
12. Шахназаров Б. А. Интеллектуальная собственность как правовой механизм, сопровождающий борьбу с пандемией в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 8 (165). С. 134–147. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.165.8.134-147>
13. Ворожечин А. С. Риски и возможные последствия ограничений патентных прав в фармацевтуре // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 6 (34). С. 42–53. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.34.6.042-053>
14. Пучинина М. М. Условие предоставления принудительной лицензии для использования зависимого изобретения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 11 (132). С. 117–132. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.132.11.117-132>
15. Крупко С. И. Материально-правовые критерии «важное техническое достижение» и «существенное экономическое преимущество» в аспекте применения нормы п. 2 ст. 1362 ГК РФ // Хозяйство и право. 2020. № 5 (520). С. 33–51.
16. Завьялова М. Принудительное лицензирование как механизм-исключение в фармацевтическом секторе // Ремедиум. 2016. № 12. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.21518/1561-5936-2016-12-6-14>
17. Михайлов С. В. Практика принудительного лицензирования в фармацевтике // Хозяйство и право. 2020. № 10 (525). С. 71–85.
18. Паземова Е. И. Особенности реализации механизма принудительного лицензирования и иных механизмов ограничения прав правообладателей в сфере охраны лекарственных средств // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 5 (138). С. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.103-115>
19. Дехтярь И. Н. Проблемные вопросы принудительного лицензирования фармацевтических препаратов в связи с нарушением антимонопольного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 101–110. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-2-101-110>
20. Чурилов А. Отказ от заключения лицензионного договора как злоупотребление доминирующим положением: российский и зарубежные подходы // Хозяйство и право. 2018. № 11 (502). С. 63–75.
21. Матвеев А. Г. Патентно-правовая охрана лекарственных средств в контексте права человека на охрану здоровья // Современный мир, актуальные вопросы биоэтики, молекулярной и персонализированной медицины : сб. материалов междунар. евро-азиат. конгресса по вопросам биоэтики, молекуляр. и персонализир. медицины Biomed-inn-2019 (Пермь, 5–8 нояб. 2019 г.) / под ред. И. П. Корякиной, Ю. В. Каракуловой, В. Ю. Мишланова, Е. Г. Фурмана. Пермь : Перм. нац. исследоват. политехн. ун-т, 2019. С. 109–116.
22. Лалаев Б. Ю., Саченко А. Л. Правовая охрана лекарственных средств. Проблемные вопросы // Инновации в здоровье нации : сб. материалов VI всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (СПб., 14–15 нояб. 2018 г.). СПб. : С.-Петербург. гос. хим.-фармацевт. ун-т, 2018. С. 205–208.

References

1. Abashidze A. Kh., Malichenko V. S. Expanding Access to Medicines in Frame of the Right to Enjoy the Benefits of Scientific Progress and Its Applications. *Eurasian Law Journal*. 2017;5:23-28. (In Russ.).
2. Putilo N. V., Volkova N. S., Tsomartova F. V. *The Right of Citizens to Drug Provision*. Moscow: Kontrakt Publ.; 2017. 214 p. (In Russ.).
3. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Protection of Patent Holders' Rights Under a Conflict of Drug Patents. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*. 2019;43:121-145. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-43-121-145> (In Russ.).
4. Mironova A. I. The Concept of Compulsory License and Licensing in Russian Legislation. *Innovations. The Science. Education*. 2021;1(44):297-302. (In Russ.).
5. Erokhina E. V. Institute of Compulsory Licensing According to the Legislation of the Russian Federation. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2012;3:45-48. (In Russ.).
6. Losev S. Compulsory Licenses and Access to Medicines. *Science and Innovations*. 2020;8:58-64. (In Russ.).
7. Shchedrina N. D. The Purpose of Compulsory License in Civil Law. *Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*. 2017;5:62-64. (In Russ.).
8. Salitskaya E. A. Compulsory Licensing of Medicines as a Mechanism for Balancing Public and Private Interests. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*. 2016;86(5):442. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869587316050182> (In Russ.).
9. Mironova A. I. Compulsory License in Legislation and Judicial Practice. *Matters of Russian and International Law*. 2021;11(9A):326-331. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2021.54.14.041> (In Russ.).
10. Kolesnikov D. S., Ugryumov V. M. Dangerous Consequences of Compulsory Licensing of Patents in the Pharmaceutical Sector. *Patents & Licenses. Intellectual Rights*. 2015;9:39-51. (In Russ.).
11. Dubovskaya E. V. Compulsory Licensing in WTO: Legal Aspects, Implementation and Potential Lessons for the Russian Federation. *Eurasian Law Journal*. 2015;2:56-62. (In Russ.).
12. Shakhmazarov B. A. Intellectual Property as a Legal Mechanism Accompanying the Fight Against the Pandemic in the Context of the Spread of Coronavirus Infection (Covid-19). *Lex Russica*. 2020;73(8):134-147. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.165.8.134-147> (In Russ.).
13. Vorozhevich A. S. The Risks and Possible Consequences of the Limitations of Patent Rights in the Pharmaceutical Sector. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2017;6:42-53. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.34.6.042-053> (In Russ.).
14. Puchinina M. M. Conditions for Granting Compulsory License for Dependent Invention Use. *Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(11):117-132. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.132.11.117-132> (In Russ.).
15. Krupko S. Substantive-Legal Criteria "Important Technical Achievement" and "Significant Economic Advantage" in Terms of Application of the Norm of Paragraph 2 of Art. 1362 of the Civil Code of the Russian Federation. *Economy and Law*. 2020;5:33-51. (In Russ.).
16. Zavyalova M. Compulsory Licensing as Mechanism Exclusion in the Pharmaceutical Sector. *Remedium*. 2016;12:6-14. DOI: <https://doi.org/10.21518/1561-5936-2016-12-6-14> (In Russ.).
17. Mikhailov S. V. The Practice of Compulsory Licensing in the Pharmaceutical Industry. *Economy and Law*. 2020;10:71-85. (In Russ.).
18. Pazemova E. I. Features of Compulsory Licensing Implementation and Implementation of Other Mechanisms for Restricting Rights of Copyright Holders in the Field of Medicines'. *Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(5):103-115. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.103-115> (In Russ.).
19. Dekhtyar I. N. Problems of Compulsory Licensing of Pharmaceuticals in Connection with Violations of Antitrust Law. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2022;2:101-110. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-2-101-110> (In Russ.).
20. Churilov A. Refusal to Conclude a License Agreement as an Abuse of Dominance: Russian and Foreign Approaches. *Economy and Law*. 2018;11:63-75. (In Russ.).
21. Matveev A. G. The Patent Law Protection of the Medicinal Products in the Context of the Human Right to Health. In: Koryukina I. P., Karakulova Yu. V., Mishlanov V. Yu., Furman E. G. (Eds.). *Modern World, Topical Issues of Bioethics, Molecular and Personalized Medicine*. Perm: Perm National Research Polytechnic University Publ.; 2019. P. 109–116. (In Russ.).
22. Lalaev B. Yu., Sachenko A. L. Legal Protection of Medicines. Problematic Questions. In: *National Healthcare Innovations*. St. Petersburg: Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University Publ.; 2018. P. 205–208. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Юрьевич Сасыкин, юрист фармацевтической компании «Пульт» (Волхонское шоссе, 2а, Санкт-Петербург, 198323, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8973-8567>; e-mail: k.sasykin@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin Yu. Sasykin, Lawyer of the pharmaceutical company «Pulse» (2a Volokhonskoe shosse, St. Petersburg, 198323, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8973-8567>; e-mail: k.sasykin@bk.ru.

Поступила | Received
21.07.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
08.08.2022

Принята к публикации | Accepted
22.08.2022

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, НАЛОГОВОЕ ПРАВО, БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Financial Law, Tax Law, Budget Law

УДК 347.73

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-3-281-293

EDN: IZMPRV

Оригинальная научная статья

Правовое регулирование предоставления межбюджетных субсидий

В. Б. Башуров

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ bashurov_v@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования выступают нормы бюджетного законодательства Российской Федерации, направленные на регулирование отношений, связанных с предоставлением межбюджетных субсидий. Цель проведенного исследования – рассмотрение понятия «субсидия», выделение основных признаков, присущих данной правовой категории, осуществление на их основе анализа межбюджетных субсидий, выявление проблем правовой реализации данных межбюджетных трансфертов, выработка предложений по их законодательному разрешению, представление авторского определения понятия «межбюджетные субсидии». Методологической основой исследования служит совокупность научных методов: формально-юридический, структурно-функциональный, сравнения, поиска и анализа научного и нормативного материала. В качестве научной базы проведенного исследования выступили работы ученых в области финансового и бюджетного права. Применительно к межбюджетным субсидиям особое значение имеет содержание данного понятия, определение признаков рассматриваемой денежной выплаты, отличающих ее от иных межбюджетных трансфертов. Кроме того, в исследовании межбюджетных субсидий особое научное и практическое значение имеют вопросы их возмездности и безвозмездности, добровольности и принудительности предоставления, в том числе возможности существования субсидий в качестве трансформированных фискально-налоговых платежей. На основе признаков, присущих субсидиям, в статье представлены аргументы о безвозмездности межбюджетных субсидий, сформулированы предложения по упразднению субсидий, предоставляемых бюджету субъекта Российской Федерации из местного бюджета как несоответствующих требованиям субсидирования и выступающих инструментом принудительного изъятия бюджетных средств. Несмотря на наличие практики нормативного правового регулирования отношений по предоставлению межбюджетных субсидий на условиях стопроцентного софинансирования, в статье обосновывается вывод о недопустимости такого подхода. На основе сравнительного анализа межбюджетных субсидий и иных межбюджетных трансфертов в исследовании делается вывод о необходимости внесения в законодательство изменений, предусматривающих исключение тождественности целей предоставления данных трансфертов и нормативного казуса о стопроцентном софинансировании иных межбюджетных трансфертов. По результатам проведенного исследования в статье представлено авторское определение межбюджетных субсидий.

Ключевые слова: межбюджетные трансферты; субсидии; расходные обязательства; софинансирование; иные межбюджетные трансферты; полномочия.

Для цитирования: Башуров В. Б. Правовое регулирование предоставления межбюджетных субсидий // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 281–293. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-281-293>. EDN: <https://elibrary.ru/izmprv>

Original scientific article

Legal Regulation of the Provision of Inter-Budgetary Subsidies

V. B. Bashurov

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ bashurov_v@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the norms of the budget legislation of the Russian Federation aimed at regulating relations related to the provision of inter-budget subsidies. The purpose of the study is to consider the concept of “subsidy”, to determine the main features inherent in this legal category, to analyze inter-budgetary subsidies on their basis, to identify problems in the legal implementation of these inter-budgetary transfers, to develop proposals for their legislative resolution, to present the Author's definition of the concept of “inter-budgetary subsidies”. The methodological basis of the study is a set of scientific methods: formal-legal, structural-functional, comparison, search and analysis of scientific and regulatory material. The scientific basis of the study was the work of scientists in the field of financial and budgetary law. With regard to inter-budgetary subsidies, the content of this concept, the definition of the signs of the cash payment in question, which distinguish it from other inter-budgetary transfers, is of particular importance. In addition, in the study of inter-budgetary subsidies, the issues of their compensatory and gratuitous nature, the voluntariness and coercion of the provision of inter-budgetary subsidies, including the possibility of the existence of subsidies as transformed fiscal and tax payments, are of particular scientific and practical importance. On the basis of the features inherent in subsidies, the article presents arguments about the gratuitousness of inter-budgetary subsidies, formulates proposals for the abolition of subsidies provided to the budget of a constituent entity of the Russian Federation from the local budget as inconsistent with the requirements of subsidizing and acting as a tool for forced withdrawal of budgetary funds. Also, despite the existence of the practice of normative legal regulation of relations on the provision of intergovernmental subsidies on the terms of 100 percent co-financing, the article substantiates the conclusion that such an approach is inadmissible. Based on a comparative analysis of inter-budgetary subsidies and other inter-budgetary transfers, the study makes an introduction to the need to amend the legislation to eliminate the identity of the purposes of providing these transfers and the regulatory case of 100 percent co-financing of other inter-budgetary transfers. Based on the results of the study, the article presents the Author's definition of inter-budgetary subsidies.

Keywords: inter-budget transfers; subsidies; expenditure obligations; co-financing; other inter-budget transfers; powers.

For citation: Bashurov V. B. Legal Regulation of the Provision of Inter-Budgetary Subsidies. *Siberian Law Review*. 2022;19(3):281-293. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-281-293>. EDN: <https://elibrary.ru/izmprv> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Субсидии, предоставляемые одним бюджетом бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету (далее – межбюджетные субсидии), выступают действенным механизмом проведения экономических реформ в субъектах Рос-

сийской Федерации и муниципальных образований. Однако современное состояние бюджетной сферы и бюджетного процесса обуславливают необходимость повышения уровня предсказуемости предоставления межбюджетных трансфертов, их эффективности, создания условий, обеспечивающих

© Bashurov V. B., 2022

абсолютную прозрачность в отношении между публично-правовыми образованиями, в том числе посредством совершенствования нормативной правовой базы предоставления межбюджетных субсидий¹.

Это влечет необходимость всестороннего научного осмысления и исследования межбюджетных субсидий как правовой категории, определения присущих им признаков, позволяющих отграничить данный источник формирования дохода бюджета от иных форм межбюджетных трансфертов, выявления проблем и особенностей правового регулирования межбюджетных отношений.

Понятие «субсидия»² законодательно используется не только для предоставления соответствующего межбюджетного трансферта, но и для финансирования деятельности отдельных организаций³, предоставления социальных выплат (жилищных субсидий) на приобретение или строительство жилых помещений⁴, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг⁵ или в качестве безвозмездных пожертвований⁶. Отсутствие

в законодательстве единого определения рассматриваемого термина обуславливает необходимость исследования содержательного значения субсидий, выделения присущих им признаков и анализа на их основе межбюджетных субсидий.

Методологической основой настоящего исследования выступает комплекс научных методов, в том числе формально-юридический метод, используемый для определения и уяснения смысла норм бюджетного законодательства Российской Федерации, структурно-функциональный метод, применяемый для характеристики процессов предоставления межбюджетных трансфертов, определения их специфики. Для сопоставления межбюджетных трансфертов используется метод сравнения, а также метод поиска и анализа научного и нормативного материала. В качестве научной базы проведенного исследования выступили работы ученых в области финансового и бюджетного права: Н. А. Шевелевой, Ю. К. Цареградской, Е. Л. Васяниной и др.

¹ Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 31 янв. 2019 г. № 117-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Ранее, до принятия Федерального закона от 26 апреля 2007 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» в ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации содержалось определение понятия «субсидия», которое рассматривалось как бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы Российской Федерации, физическому или юридическому лицу на условиях долевого финансирования целевых расходов.

³ В соответствии с положениями Бюджетного кодекса Российской Федерации субсидии предоставляются юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам – производителям товаров, работ и услуг (ст. 78), некоммерческих организаций, не являющихся казенными учреждениями (ст. 781), государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний (ст. 783), осуществления капитальных вложений в объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности и приобретение объектов недвижимого имущества в государственную (муниципальную) собственность (ст. 782), в целях финансового обеспечения исполнения государственного (муниципального) социального заказа на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере (ст. 784).

⁴ О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из закрытых населенных пунктов в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях : федер. закон от 17 июля 2011 г. № 211-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) ; О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей : федер. закон от 25 окт. 2002 г. № 125-ФЗ (ред. от 20 июля 2020 г.) ; О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ ; О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 25 июля 2022 г.) ; О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (ред. от 11 июня 2022 г.) ; О Следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 1 апр. 2022 г.) ; и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

⁵ В соответствии с положениями Жилищного кодекса Российской Федерации (ст. 159).

⁶ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. Верхов. Советом Рос. Федерации 9 окт. 1992 г. № 3612-1 (ред. от 30 апр. 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Основные положения исследования, выводы и предложения автора могут стать основой для дальнейших научных дискуссий, затрагивающих вопросы межбюджетных отношений.

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СУБСИДИЯ»

В переводе с латинского, термин “subsidium” означает помощь, поддержка⁷. В толковых словарях слово «субсидия» рассматривается как денежная помощь⁸, сумма денежных средств, выделенных конкретному субъекту хозяйствования для организации или поддержания какой-либо деятельности, доходы от которой временно не покрывают нормативную величину расходов⁹, безвозмездная выплата правительством денег или безвозмездная поставка товаров или услуг¹⁰, сумма, выделяемая на финансирование определенных мероприятий и предполагающая доленое участие в этом нижестоящих бюджетов¹¹, «затраты, осуществляемые в пользу юридического и физического лица в целях сокращения или компенсации его расходов, либо стимулирования определенного мероприятия»¹².

В методической и иной научной литературе субсидия рассматривается как «финансовое содействие, осуществляемое субсидирующим органом, дающее получателю субсидии дополнительные преимущества (выгоды)»¹³, «разновидность государственной социальной помощи, заключающейся в выплате пособий в денежной или натуральной форме, предоставляемых государством

за счет средств государственного или местного бюджетов, а также специальных фондов физическим лицам» [1, с. 13], «финансовая поддержка, помощь, предоставляемая бюджету другого уровня бюджетной системы Российской Федерации, физическому или юридическому лицу без каких-либо конкретных условий и независимо от финансового состояния субъектов, которым она предоставляется»¹⁴, «средства, предоставляемые бюджету на условиях долевого финансирования целевых расходов» [2, с. 27], «инструмент, в обязательном порядке предполагающий участие двух и более уровней власти (управления) в осуществлении определенных расходов» [3, с. 34].

Представленные определения понятия «субсидия» обуславливают необходимость установления и раскрытия содержания признаков рассматриваемого термина в целях формирования дефиниции «межбюджетные субсидии» как правовой категории.

ПРИЗНАКИ СУБСИДИИ

Анализ определений понятия «субсидия», как представляется, позволяет выделить следующие его признаки:

1) финансовая помощь: направлена на оказание содействия, поддержки получателю субсидии;

2) безвозмездность и безвозвратность денежной выплаты: наличие встречного требования о возврате денежных средств, предоставленных во временное пользование, и уплаты соответствующих процентов¹⁵, превращает правовую

⁷ Словарь иностранных слов. М., 1983. С. 478.

⁸ Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 675.

⁹ Энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru>

¹⁰ Финансовый словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/30059

¹¹ Энциклопедия юриста. URL: <https://info.wikireading.ru/66658>

¹² Бернар И., Колли Ж.-К. Толковый экономический и финансовый словарь. М., 1994. С. 574.

¹³ Методические рекомендации по подготовке заявления о применении компенсационной меры (рекомендованы Евразийской экономической комиссией) // Офиц. сайт Евраз. эконом. комиссии. URL: <http://www.tsouz.ru>

¹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 865.

¹⁵ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27 нояб. 2018 г. № Ф06-40242/2018 по делу № А06-3260/2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 окт. 2016 г. № Ф09-9051/16 по делу № А60-55750/2015; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 марта 2014 г. по делу № А06-2348/2013; и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

конструкцию субсидирования в классический возмездный механизм займа или кредита. При этом безвозвратность субсидии непосредственно связывается с достижением определенного результата, выступающего самостоятельным признаком субсидии¹⁶;

3) долевое финансирование (софинансирование): носит не основной, а вспомогательный характер, предоставляется дополнительно к имеющимся объемам финансовых средств;

4) добровольность предоставления: не является обязательным механизмом финансирования, ее реализация осуществляется при наличии финансовых возможностей предоставляющего ее субъекта, является правом, а не обязанностью последнего;

5) временный (срочный) характер выплаты: перечисление субсидии, как правило, осуществляется в виде разового платежа;

6) целевое финансирование: направлено на достижение получателем субсидии определенной цели (результата).

Перечисленные признаки понятия «субсидия», на наш взгляд, должны быть присущи и межбюджетным субсидиям.

МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ СУБСИДИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Обращаясь к анализу межбюджетных субсидий, предоставляемых в соответствии со ст.ст. 132, 138¹, 138³, 139, 142², 142³ Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ), следует отметить, что общим для них является только признак безвозмездности. Иные из вышеперечисленных признаков субсидии свойственны только отдельным межбюджетным субсидиям.

Признак безвозмездности является ключевым, законодательно закрепленным не только в отношении межбюджетных субсидий, но и для межбюджетных трансфертов в целом (подп. 2 п. 4 ст. 20, п. 4 ст. 41 БК РФ).

Однако в научной литературе высказывается мнение о том, что не все межбюджетные трансферты носят безвозмездный характер. В частности, А. А. Тимерханова и Ю. К. Цареградская относят субсидии, предоставляемые в соответствии со ст. 138¹ БК РФ из бюджета субъекта Российской Федерации федеральному бюджету (далее – отрицательные субсидии), к возмездным субсидиям [4, с. 47–48]. Данные субсидии, предоставляемые субъектами Российской Федерации¹⁷ в случаях,

¹⁶ Неиспользованные остатки субсидий, а также средства субсидии, использованные не по целевому назначению, иные неиспользованные средства субсидии (ошибочно зачисленные в доход бюджета, ввиду неправильного расчета доли софинансирования и т. д.) обладают признаком возвратности, так как не связаны с конкретно достигнутой целью (результатом) предоставленной субсидии.

¹⁷ См., напр.: *О Порядке формирования и использования бюджетных ассигнований целевого дорожного фонда Кабардино-Балкарской Республики* : постановление Правительства Кабардино-Балкар. Респ. от 13 дек. 2016 г. № 217-ПП (ред. от 18 февр. 2020 г.) ; *Об утверждении государственной программы Алтайского края «Развитие транспортной системы Алтайского края»* : постановление Правительства Алт. края от 5 авг. 2021 г. № 295 (ред. от 5 марта 2022 г.) ; *Об утверждении государственной программы Республики Карелия «Развитие транспортной системы»* : постановление Правительства Респ. Карелия от 20 июня 2014 г. № 197-П (ред. от 14 марта 2022 г.) ; *О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Современная транспортная система»* : постановление Правительства ХМАО – Югры от 31 окт. 2021 г. № 485-п (ред. от 26 марта 2022 г.) ; *Об утверждении Порядка предоставления в 2022–2024 годах субсидии федеральному бюджету из окружного бюджета на софинансирование исполнения расходных обязательств Российской Федерации в части содержания судовых ходов и инфраструктуры внутренних водных путей на внутренних водных путях федерального значения, расположенных в границах Ямало-Ненецкого автономного округа* : постановление Правительства ЯНАО от 25 янв. 2022 г. № 51-П ; *Об утверждении Порядка предоставления субсидии федеральному бюджету из областного бюджета Ленинградской области на софинансирование расходных обязательств Российской Федерации по материально-техническому обеспечению полиции Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области* : постановление Правительства Ленингр. обл. от 5 февр. 2018 г. № 25. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

установленных федеральными законами¹⁸, по мнению указанных авторов, «используются в интересах участника правоотношений, предоставившего субсидии (субъекта РФ)» [4, с. 47]. К возмездным субсидиям они также относят горизонтальные субсидии, предоставляемые бюджету одного публично-правового образования из бюджета другого публично-правового образования того же уровня бюджетной системы (ст.ст. 138³, 142³ БК РФ), «поскольку сторона, предоставившая субсидии, получает встречное предоставление от получателя» [4, с. 48].

По нашему мнению, предоставление отрицательных субсидий «для использования объектов федерального значения на территории субъекта РФ, а также осуществления полномочий Российской Федерации на территории и в интересах субъекта РФ» [4, с. 48] не свидетельствует о возмездности отношений по предоставлению данного вида субсидий. Строительство или реконструкция автомобильных дорог федерального значения с привлечением средств регионального бюджета (отрицательных субсидий) не порождает права собственности субъекта Российской Федерации на соответствующий участок дороги, как и материально-техническое обеспечение полиции за счет отрицательных субсидий не порождает права собственности субъекта Российской Федерации на приобретенное Министерством внутренних дел Российской Федерации имущество. В данном случае можно лишь говорить о наличии определенного кумулятивного эффекта отрицательной субсидии, а не о встречном предложении. За счет их привлечения, на-

пример, осуществляется опережающее строительство транспортной инфраструктуры, которое позволяет не только обеспечить необходимую безопасность дорожного движения, но и повысить скорость и надежность поставки товаров, снизить издержки на реализацию многих инициатив бизнеса, повысить уровень жизни миллионов граждан, придать в целом экономике соответствующего субъекта Российской Федерации дополнительный импульс к развитию.

Сходный практический эффект достигается и при предоставлении горизонтальной субсидии. Ее получатель в рамках законодательно закрепленных за ним полномочий осуществляет реализацию определенного инвестиционного проекта, проводит межрегиональное мероприятие или оказывает муниципальные услуги населению¹⁹. Предоставляющий горизонтальную субсидию субъект Российской Федерации оказывает лишь финансовую помощь получателю данных субсидий в реализации им своих законодательно закрепленных полномочий.

Следовательно, ни отрицательные, ни горизонтальные субсидии не содержат встречного требования, они нацелены на достижение получателем этих субсидий цели, конкретного результата, принадлежащего именно ему, а не предоставившему их публично-правовому образованию.

Безвозвратность межбюджетных субсидий заключается в том, что денежные средства, использованные для достижения определенной цели (результата) их предоставления, не подлежат возврату, за исключением остатков межбюджетных субсидий. Последние в большей степени являются денежными средствами, находящимися

¹⁸ Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 8 нояб. 2007 г. № 257-ФЗ (ред. от 15 апр. 2022 г.) ; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 14 марта 2022 г.) ; О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : федер. закон от 6 дек. 2021 г. № 390-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Методические рекомендации по предоставлению «горизонтальных» субсидий на муниципальном уровне : утв. Минфином России. URL: <https://minfin.gov.ru> ; Методические рекомендации применяются к правоотношениям, возникающим при составлении и исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации начиная с бюджетов на 2022 год (на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов) : письмо Минфина России от 17 дек. 2021 г. № 06-04-11/01/103482. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

во временном распоряжении, нежели субсидии, так как не приняли участия в достижении цели (результата) предоставления субсидии, по причине неэффективного использования данных денежных средств, образования экономии по результатам торгов и др.

Обращаясь к анализу каждого из видов межбюджетных субсидий, следует отметить, что такой признак субсидии, как финансовая помощь, не свойственен субсидиям, предоставляемым бюджету субъекта Российской Федерации из местного бюджета (далее – отрицательный трансферт).

Согласно ст. 142² БК РФ законом субъекта Российской Федерации может быть предусмотрено предоставление бюджету субъекта Российской Федерации субсидий из местного бюджета, в которых расчетные налоговые (неналоговые) доходы за отчетный финансовый год превышали уровень, установленный законом субъекта Российской Федерации. При этом порядок расчета и предоставления отрицательного трансферта устанавливается законом субъекта Российской Федерации. Объем данного трансферта утверждается законом субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации и в случае его неперечисления в бюджет субъекта Российской Федерации отрицательный трансферт взыскивается в принудительном порядке за счет отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов, налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, подлежащих зачислению в бюджет муниципального образования, местных налогов и сборов (п. 5 ст. 142² БК РФ).

Представленный механизм формирования доходной части бюджета субъекта Российской Федерации, несмотря на диспозитивность его реализации, носит явно

фискальный характер. Призванный «аккумулировать дополнительную часть средств, перечисляемых из бюджетов наиболее обеспеченных муниципальных образований в бюджеты субъектов Российской Федерации для их последующего перераспределения между дотационными муниципальными образованиями»²⁰, «учитывая значительные диспропорции в экономическом развитии различных территорий» [5, с. 22] «из-за перекосов налоговой системы» [6, с. 16], он, как объективно отмечает А. Н. Дроботов, не стимулирует муниципальные образования (выступающие как донорами, так и реципиентами) к увеличению доходной базы их территорий, снижает интерес муниципальных властей развивать собственную налоговую базу²¹. Отрицательный трансферт, по мнению Е. Л. Васяниной [7, с. 19], К. Ю. Чуловского [8, с. 43] и других авторов [9, с. 25] ограничивает финансовую самостоятельность и экономическую активность публично-правовых образований, тормозит их развитие.

Учитывая, что межбюджетные отношения должны выполнять не только выравнивающую, но и стимулирующую функцию «наращивания налогового потенциала, своевременного и полного сбора платежей в бюджет на подведомственной территории, а также рационального и эффективного их расходования» [10, с. 21], принудительное изъятие части финансовых средств бюджетов муниципальных образований посредством применения механизма отрицательных трансфертов не направлено на оказание содействия, поддержки его получателю и не может рассматриваться в качестве финансовой помощи. К тому же законодательно установленная обязанность муниципальных образований перечислить объем данного трансферта, предусмотренная законом

²⁰ К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 120-ФЗ “О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений” и Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»: поясн. записка. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Цит. по: Кириллова О. С. Совершенствование бюджетных отношений в контексте реформы местного самоуправления // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2006. № 10 (154). С. 27.

субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации, отсутствие цели (результата) его предоставления и, соответственно, условия о софинансировании, а также периодический, как правило, ежемесячный характер перечисления средств из бюджета муниципального образования²² позволяют отметить, что отрицательные трансферты, выступая политическим инструментом [11] принудительного изъятия, представляют собой трансформированный фискально-налоговый платеж. Это, несо-

мненно, не направлено на стимулирование экономического роста муниципальных образований. Обобщение законодательной практики субъектов Российской Федерации позволяет отметить, что в 46 регионах установлен порядок расчета и предоставления отрицательных трансфертов. Вместе с тем объемы данных трансфертов, перечисляемые в бюджет соответствующего субъекта Российской Федерации, установлены лишь в 6 субъектах Российской Федерации, представленных в таблице.

Таблица

Объемы отрицательных трансфертов, перечисляемых в бюджет соответствующего субъекта Российской Федерации из местных бюджетов (по состоянию на 1 августа 2022 г.)

Наименование субъекта Российской Федерации	Прогнозируемый общий объем доходов бюджета субъекта Российской Федерации на 2022 год (тыс. рублей)	Объем отрицательного трансферта	
		тыс. рублей	%
Республика Северная Осетия – Алания ²³	44 088 074,1	157,2	3,500
Республика Татарстан ²⁴	355 171 433,6	106 088,7	0,030
Республика Тыва ²⁵	52 622 762,5	36 280,9	0,070
Алтайский край ²⁶	152 965 455,6	9 933,7	0,006
Красноярский край ²⁷	310 532 757,9	662 386,8	0,200
Кемеровская область – Кузбасс ²⁸	265 206 870,5	9 620,0	0,004

²² Возможность предоставления отрицательных трансфертов предусмотрена, законодательными актами Республики Карелия, Республики Коми, Республики Адыгея, Республики Калмыкия, Республики Ингушетия, Республики Мордовия и др. (О межбюджетных отношениях в Республике Карелия : закон Респ. Карелия от 1 нояб. 2005 г. № 915-ЗРК (ред. от 25 февр. 2022 г.) ; О бюджетной системе и бюджетном процессе в Республике Коми : закон Респ. Коми от 1 окт. 2007 г. № 88-РЗ (ред. от 4 июля 2022 г.) ; О межбюджетных отношениях в Республике Адыгея : закон Респ. Адыгея от 23 дек. 2008 г. № 224 (ред. от 2 нояб. 2021 г., с изм. от 29 дек. 2021 г.) ; О межбюджетных отношениях в Республике Калмыкия : закон Респ. Калмыкия от 26 окт. 2020 г. № 123-VI-3 ; О межбюджетных отношениях в Республике Ингушетия : закон Респ. Ингушетия от 29 дек. 2017 г. № 68-РЗ (ред. от 6 марта 2019 г.) ; О межбюджетных отношениях в Республике Мордовия : закон Респ. Мордовия от 27 дек. 2019 г. № 94-З (ред. от 23 дек. 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³ О республиканском бюджете Республики Северная Осетия – Алания на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : закон Респ. Сев. Осетия – Алания от 24 дек. 2021 г. № 117-РЗ (ред. от 28 июля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ О бюджете Республики Татарстан на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : закон Респ. Татарстан от 25 нояб. 2021 г. № 86-ЗРТ (ред. от 14 июля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ О республиканском бюджете Республики Тыва на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : закон Респ. Тыва от 13 дек. 2021 г. № 787-ЗРТ (ред. от 28 июля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ О краевом бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : закон Алтайск. края от 30 нояб. 2021 г. № 105-ЗС (ред. от 1 июля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ О краевом бюджете на 2022 год и плановый период 2023–2024 годов : закон Красноярск. края от 9 дек. 2021 г. № 2-255 (ред. от 7 апр. 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Об областном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : закон Кемеров. области – Кузбасса от 15 дек. 2021 г. № 133-ОЗ (ред. от 4 июля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Представленные данные свидетельствуют о том, что отрицательные трансферты как форма межбюджетных трансфертов не являются распространенным способом регулирования межбюджетных отношений. Незначительная доля данных трансфертов в общем объеме доходной части соответствующего бюджета субъекта Российской Федерации не способна оказать какого-либо значительного влияния на социально-экономическое развитие региона, формирование его доходной базы, а значит, как финансово-правовой инструмент, не соответствующий, по нашему мнению, требованиям субсидирования, подлежит упразднению. Вопрос же неравномерности распределения доходных источников между муниципальными образованиями, как представляется, может быть разрешен посредством определенной децентрализации бюджетной системы [12], «расширения налоговой компетенции регионов и муниципалитетов» [13, с. 26]. Это позволит не только обеспечить баланс интересов каждой из сторон межбюджетных отношений, но и сохранить макроэкономическую стабильность [14; 15] регионов и муниципальных образований.

Признак долевого финансирования (софинансирования) свойственен всем межбюджетным субсидиям, за исключением, как выше указывалось, отрицательных трансфертов. Софинансирование – это «совместное финансирование того или иного объекта финансирования разными источниками денежных средств по согласованным правилам и пропорциям»²⁹.

Субсидии как механизм долевого финансирования рассматривается и в отдельных законодательных актах федерального уровня³⁰. Как механизм финансирования части от чего-нибудь целого³¹ – доля, субсидия не может предоставляться на условиях стопроцентного финансирования. Устанавливаемый в соответствии с п. 6¹ ст. 132, п. 3 ст. 139 БК РФ предельный уровень софинансирования подразумевает определение максимального объема финансового участия публично-правового образования, который не должен быть равен 100 %³².

Однако, несмотря на значение рассмотренного нами понятия «софинансирование», ему, например, при предоставлении иных межбюджетных трансфертов, придается иной законодательный смысл, допускающий «софинансирование, в том числе в полном объеме», т. е. в размере стопроцентного софинансирования (ст.ст. 132¹, 139¹ БК РФ).

В нарушение действующего в доктрине правила, предусматривающего, что одно и то же понятие, используемое разными правовыми нормами, должно иметь одинаковое значение, законодатель создал «правовую иллюзию» [16, р. 56–57], исказив суть и лексический смысл термина «софинансирование», придав тем самым ему более широкое правовое значение.

Это привело к тому, что ряд подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих предоставление межбюджетных субсидий, по аналогии с иными межбюджетными трансфертами,

²⁹ *Словарь* Лопатникова. Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь. URL: <http://lopatinikov.pro/slovar/s/sofinansirovanie>

³⁰ *Об общих* принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 21 дек. 2021 г., с изм. от 14 июля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 806.

³² *О предельном* уровне софинансирования субсидий из бюджета субъекта РФ и предоставлении субсидий на выравнивание обеспеченности муниципальных образований без установления целей их использования : письмо Минфина России от 10 янв. 2020 г. № 06-04-11/01/264. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предусматривают предельную долю софинансирования в размере 100 %³³.

В целях исключения законодательного казуса и приведения к единой терминологии положений бюджетного законодательства Российской Федерации необходимо внесение изменений в ст.ст. 132¹, 139¹ БК РФ, предусматривающие предоставление иных межбюджетных трансфертов на условиях «софинансирования или полного финансирования» расходных обязательств публично-правовых образований.

Одним из признаков субсидии является добровольность ее предоставления, предусматривающая наличие права, а не обязанности у предоставляющего ее субъекта и наличия у последнего необходимых для этого финансовых средств. Данное право в межбюджетных отношениях реализуется не только в соответствии с административным актом уполномоченного органа власти, определяющим порядок предоставления межбюджетной субсидии, но и заключенным между сторонами соглашением (за исключением отрицательных трансфертов).

Временный (срочный) характер предоставления субсидии обуславливается не только необходимостью исключения трансформации права в обязанность предоставляющей ее стороны, но и достижением получателем субсидии определенной цели (результата).

Предоставление межбюджетных субсидий (за исключением отрицательных

трансфертов) связывается с обеспечением исполнения:

1) расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам ведения субъектов Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст.ст. 132, 138³ БК РФ);

2) расходных обязательств по выполнению полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения (ст.ст. 132, 138³, 139, 142³ БК РФ);

3) расходных обязательств Российской Федерации, возникающих при выполнении полномочий, отнесенных к компетенции органов государственной власти Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами (ст. 138¹ БК РФ)

Вместе с тем аналогичные цели финансирования (за исключением последнего из представленных выше направлений) законодательно определены и в отношении иных межбюджетных трансфертов (п. 1 ст. 132¹, п. 1 ст. 139¹ БК РФ).

В связи с этим представляется недостаточно ясным, чем межбюджетные субсидии отличаются от иных межбюджетных трансфертов.

Как полагаем, каждый из межбюджетных трансфертов должен иметь отличительную особенность, позволяющую отграничить ее от других межбюджетных

³³ Об утверждении Правил предоставления субсидий из бюджета Республики Башкортостан бюджетам муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан на проведение мероприятий по организации бесплатного горячего питания обучающихся, получающих начальное общее образование в муниципальных образовательных организациях Республики Башкортостан : постановление Правительства Респ. Башкортостан от 13 авг. 2020 г. № 501 (ред. от 27 июня 2022 г.) ; *О порядке* определения и установления предельного уровня софинансирования Саратовской областью (в процентах) объема расходного обязательства муниципального образования Саратовской области : постановление Правительства Саратов. обл. от 22 нояб. 2019 г. № 820-П (ред. от 24 нояб. 2021 г.) ; *Об утверждении* государственной программы Республики Карелия «Обеспечение доступным и комфортным жильем и жилищно-коммунальными услугами» : постановление Правительства Респ. Карелия от 26 нояб. 2014 г. № 351-П (ред. от 27 июля 2022 г.) ; *Об установлении* предельного уровня софинансирования расходного обязательства муниципального образования Республики Крым при предоставлении субсидий из бюджета Республики Крым в 2022 году и плановом периоде 2023 и 2024 годов и признании утратившим силу постановления Совета министров Республики Крым от 14 декабря 2020 года № 784 : постановление Совета министров Респ. Крым от 19 нояб. 2021 г. № 694 (ред. от 5 марта 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

трансфертов, ключевой из которых должна выступать именно цель его предоставления.

Тождественность целей двух межбюджетных трансфертов при прочих равных условиях порождает на практике вопрос о том, межбюджетная субсидия или иной межбюджетный трансферт должны быть представлены в конкретном случае. Ответ на него, считаем, зависит от выбранной процедуры предоставления соответствующего трансферта. Так, для предоставления межбюджетных субсидий необходимы правила, устанавливающие общие требования к их формированию, предоставлению и распределению³⁴, на основе которых принимается нормативный правовой акт, регулирующий порядок предоставления и распределения каждой межбюджетной субсидии (п. 3 ст. 132, п. 3 ст. 139 БК РФ). Также требуется утверждение предельного уровня софинансирования расходного обязательства субъекта Российской Федерации из федерального бюджета³⁵ и субъектом Российской Федерации (в процентах) – объема расходного обязательства муниципального образования (п. 6¹ ст. 132, п. 3 ст. 139 БК РФ). Указанные требования не предусмотрены в отношении иных межбюджетных субсидий.

Следовательно, предоставление межбюджетной субсидии или иного межбюджетного трансферта связывается с необходимостью соблюдения вышеуказанных правил, в том числе определения доли

софинансирования в рамках установленного предельного уровня или с его превышением.

Такой законодательный подход к правовому регулированию межбюджетных отношений нельзя признать правильным, так как не процедурные, а материальные нормы должны определять суть и смысл соответствующего вида субсидии. Любая классификация, в том числе межбюджетных трансфертов, должна «исходить из единого критерия, ибо только в этом случае в поле зрения оказываются однопорядковые явления» [17, с. 145]. Разрешение вышеуказанного вопроса по остаточному принципу – все, что не подходит под требования предоставления субвенций, дотаций и межбюджетных субсидий или выходит за установленные рамки их выплаты, предоставляется в качестве иных межбюджетных трансфертов, представляется не верным. Возможным вариантом разграничения целей предоставления рассматриваемых межбюджетных трансфертов являлось бы закрепление за ними финансирования тех расходных обязательств, которые связаны с выполнением полномочий соответствующими публично-правовыми образованиями, урегулированных федеральными законами и (или) законами субъекта Российской Федерации, а за иными межбюджетными субсидиями – финансирование расходных обязательств, связанных с выполнением полномочий данных субъектов,

³⁴ *О формировании, предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации* : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 сент. 2014 г. № 999 (ред. от 26 июля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ *Об утверждении предельного уровня софинансирования расходного обязательства субъекта Российской Федерации, г. Байконура и федеральной территории «Сириус» из федерального бюджета по субъектам Российской Федерации и г. Байконуру на 2020–2024 годы в отношении субсидий, предоставляемых в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, г. Байконура и федеральной территории «Сириус», возникших при реализации региональных проектов, направленных на реализацию федеральных проектов, входящих в состав соответствующего национального проекта, определенного Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204, а также в целях реализации государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» в части ведомственной целевой программы «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации»* : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 18 окт. 2019 г. № 2468-р (ред. от 2 сент. 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не урегулированных федеральными законами и (или) законами субъекта Российской Федерации (с исключением п. 2 ч. 1 ст. 139¹ БК РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальнейшее развитие межбюджетных отношений требует четкого определения целевого предназначения каждой межбюджетной субсидии, ее соответствия

конкретным признакам и предлагаемому определению: «*Межбюджетная субсидия – это финансовая помощь, предоставляемая в соответствии с заключенным сторонами соглашением на безвозмездной, безвозвратной основе в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов, входящих в единую систему публичной власти*».

Список литературы

1. Морозова И. С. Проблемы оптимизации процесса «монетизации» натуральных преимуществ в Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 8 (104). С 10–16.
2. Пешин Н. Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М. : Статут, 2007. 461 с.
3. Истомина Н. А. Субсидии как форма межбюджетных трансфертов: сущность, виды и влияние на социально-экономическое развитие территорий // Финансы и кредит. 2013. № 16 (544). С. 33–38.
4. Тимерханова А. А., Цареградская Ю. К. Правовое регулирование межбюджетных субсидий как доходов бюджета // Финансовое право. 2021. № 10. С. 45–48. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-10-45-48>
5. Лавров А. М. Основные принципы межбюджетной реформы // Муниципальная власть. 2004. № 1. С. 22.
6. Шевелева Н. А. Бюджетная система России: опыт и перспективы правового регулирования в период социально-экономических реформ. СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 278 с.
7. Васянина Е. Л. Некоторые проблемы регулирования межбюджетных отношений по законодательству Российской Федерации и в практике российских судов // Налоги. 2012. № 6. С. 12–17.
8. Чуловский К. Ю. Отрицательные трансферты из местных бюджетов в системе межбюджетных отношений // Право и политика. 2007. № 9. С. 42–46.
9. Кириллова О. С. Совершенствование бюджетных отношений в контексте реформы местного самоуправления // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2006. № 10 (154). С. 24–28.
10. Рыбакова Р. Ю. Теоретические основы построения межбюджетных отношений // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2007. № 9 (177). С. 16–21.
11. Oates W. E. An Essay on Fiscal Federalism // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37, № 3. P. 1120–1149. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.37.3.1120>
12. Weigast B. R. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development // Journal of Law, Economics & Organization. 1995. Vol. 11, № 1. P. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jleo.a036861>
13. Баклаева Н. М. Проблемы согласования экономических интересов субъектов межбюджетных отношений в условиях развития бюджетного федерализма в России // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2020. № 2 (482). С. 26–39.
14. Tanzi V. Fiscal Federalism and Decentralization: A Review of Some Efficiency and Macroeconomic Aspects // Annual World Bank Conference on Development Economics 1995. Washington : The World Bank, 1996. P. 295–316.
15. Fukasaku K., De Mello Jr. L. R. Fiscal Decentralisation and Macroeconomic Stability: The Experience of Large Developing and Transition Economies // Democracy, Decentralisation and Deficits in Latin America / ed. by K. Fukasaku, R. Hausmann. Paris : OECD, 1998. P. 121–148.
16. Vining J. From Newton's Sleep. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1995. 398 p.
17. Сорокин В. Д. Административно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика : моногр. / Н. В. Виртук, В. М. Горшенев, Т. Н. Добровольская ; под ред. В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло. М. : Юрид. лит., 1976. С. 145.

References

1. Morozova I. S. Issues of Finding an Appropriate Form for Monetization of Natural Privileges in the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2005;8:10-16. (In Russ.).
2. Peshin N. L. *State Power and Local Self-Government in Russia: Problems of Development of the Constitutional and Legal Model*. Moscow: Statut Publ.; 2007. 461 p. (In Russ.).

3. Istomina N. A. Subsidies as Form of Intergovernmental Transfers: Nature, Types and Impact on the Socio-Economic Development of the Regions. *Finance and Credit*. 2013;16:33-38. (In Russ.).
4. Timerkhanova A. A., Tsaregradskaya Yu. K. The Legal Regulation of Inter-Budget Subsidies as Budget Revenues. *Financial Law*. 2021;10:45-48. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-10-45-48> (In Russ.).
5. Lavrov A. M. The Basic Principles of Interbudgetary Reform. *Municipal Authority*. 2004;1:22. (In Russ.).
6. Sheveleva N. A. *The Budgetary System of Russia: Experience and Perspectives of Legal Regulation in the Period of Social and Economic Reforms*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. House; 2004. 278 p. (In Russ.).
7. Vasyanina E. L. Some Issues of Management of Interbudgetary Relations According to the RF Legislation and the Practice of the Russian Courts. *Taxes (Journal)*. 2012;6:12-17. (In Russ.).
8. Chulovsky K. Y. Negative Transfers from Local Budgets Within the System of Relations Between the Budgets. *Law and Politics*. 2007;9:42-46. (In Russ.).
9. Kirillova O. S. Improving Budgetary Relations in the Context of Local Self-Government Reform. *Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations*. 2006;10:24-28. (In Russ.).
10. Rybakova R. Yu. Theoretical Foundations for Building Interbudgetary Relations. *Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations*. 2007;9:16-21. (In Russ.).
11. Oates W. E. An Essay on Fiscal Federalism. *Journal of Economic Literature*. 1999;37(3):1120-1149. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.37.3.1120>
12. Weigast B. R. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development. *Journal of Law, Economics & Organization*. 1995;11(1):1-31. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxford-journals.jleo.a036861>
13. Baklaeva N. M. Problems of Coordinating the Economic Interests of the Persons of Interbudgetary Relations in the Context of the Development of Budgetary Federalism in Russia. *Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations*. 2020;2:26-39. (In Russ.).
14. Tanzi V. Fiscal Federalism and Decentralization: A Review of Some Efficiency and Macroeconomic Aspects. In: *Annual World Bank Conference on Development Economics 1995*. Washington: The World Bank; 1996. P. 295–316.
15. Fukasaku K., De Mello Jr. L. R. Fiscal Decentralisation and Macroeconomic Stability: The Experience of Large Developing and Transition Economies. In: Fukasaku K., Hausmann R. (Eds.). *Democracy, Decentralisation and Deficits in Latin America*. Paris: OECD; 1998. P. 121–148.
16. Vining J. *From Newton's Sleep*. Princeton, N. J.: Princeton University Press; 1995. 398 p.
17. Sorokin V. D. Administrative Procedural Form, Procedural Norms and Proceedings. In: Virtuk N. V., Gorshenev V. M., Dobrovol'skaya T. N. *Legal Procedural Form. Theory and Practice*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1976. P. 145. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Борисович Башуров, доцент кафедры конституционного и административного права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0758-6481>; e-mail: bashurov_v@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Bashurov, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0758-6481>; e-mail: bashurov_v@mail.ru

Поступила | Received
24.08.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
05.09.2022

Принята к публикации | Accepted
05.09.2022

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО Criminal Law And Criminology, Penitentiary Law

УДК 343.23

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-3-294-309

EDN: JBBQQE

Оригинальная научная статья

Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы правоприменения

Д. Ю. Краев

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ k.d1979@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу предусмотренной ч. 2 ст. 14 УК РФ малозначительности деяний. Исследуя соответствующие нормативные предписания, разъяснения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, научную литературу, автор приходит к следующим выводам. Не всегда наличие в деянии отягчающего обстоятельства исключает возможность применения к нему положений ч. 2 ст. 14 УК РФ. Конечно, наступление, например, тяжких последствий в результате совершения посягательства (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ) сводит к нулю вероятность признания его малозначительным, однако совершение действия (бездействия), в частности, в составе группы лиц (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ) уменьшает, но полностью не исключает такую возможность. Не предопределяет автоматически положительного решения вопроса о малозначительности и наличие в деянии смягчающего обстоятельства (например, совершения его по мотиву сострадания (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ)), но чем меньше в содеянном смягчающих обстоятельств, характеризующих совершенное действие (бездействие), и чем больше количество отягчающих обстоятельств, тем меньше вероятность применения к посягательству положений ч. 2 ст. 14 УК РФ (и наоборот). Возможно признание малозначительным нарушения (например, хищения), совершенного и в отношении особо уязвимых категорий потерпевших, таких как беременные женщины, престарелые граждане. Не исключается признание малозначительным действия (бездействия), формально содержащего признаки состава преступления любой категории (в основном, конечно, небольшой или средней тяжести), однако чем больше степень тяжести и чем «квалифицированнее» состав преступления, признаки которого содержит деяние, тем меньше вероятность применения к нему положений ч. 2 ст. 14 УК РФ. Добровольные явка с повинной, раскаяние в содеянном, возмещение лицом ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного посягательством, способствование раскрытию и расследованию происшедшего, признание нарушителем вины, примирение его с потерпевшим не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность деяния, поскольку в ч. 2 ст. 14 УК РФ речь идет о малозначительности совершенного действия (бездействия), а не о поведении виновного после совершения деяния.

Ключевые слова: малозначительность деяния; общественная опасность; часть 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации; обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание; позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

© Краев Д. Ю., 2022

Для цитирования: Краев Д. Ю. Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы правоприменения // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 294–309. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-294-309>. EDN: <https://elibrary.ru/jbbqqe>

Original scientific article

Insignificance of an Act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation): Issues of Law Enforcement

D. Yu. Kraev

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation

✉ k.d1979@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the stipulated part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation of insignificance of acts. Examining the relevant normative instructions, explanations of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, the scientific literature, the Author comes to the following conclusions. Not always the presence of an aggravating circumstance in an act excludes the possibility of applying to it the provisions of Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. Of course, the onset, for example, of grave consequences as a result of an offense (clause “b” part 1 of article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation), reduces to zero the likelihood of recognizing it as insignificant, however, the commission of an action (inaction), in particular, as part of group of persons (clause “c” part 1 of article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation) reduces, but does not completely exclude such a possibility. It does not automatically predetermine a positive solution to the issue of insignificance and the presence in the act of a mitigating circumstance, let's say, its commission on the motive of compassion (clause “h” part 1 of article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation), but the less extenuating circumstances in the deed, characterizing the committed action (inaction), and the greater the number of such aggravating circumstances, the less likely it is that the provisions of Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (and vice versa). It is possible to recognize as insignificant a violation (for example, theft) committed against “particularly vulnerable” categories of victims, for example, pregnant women, the elderly. It is not excluded that an action (inaction) that formally contains signs of a crime of any category (mostly, of course, of minor or moderate gravity) is considered insignificant, but the more “heavier” such a category is and the more “qualified” the corpus delicti, the signs of which contain act, the less likely it is that the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation will be applied to it. Voluntary surrender; remorse for what you have done; compensation by a person for damage or otherwise making amends for the damage caused by the encroachment; contributing to the disclosure and investigation of the incident; admission of guilt by the offender; his reconciliation with the victim are not circumstances characterizing the insignificance of the act, since in part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation we are talking about the insignificance of the committed action (inaction), and not about the behavior of the perpetrator after the commission of the act.

Keywords: the insignificance of the act; public danger; Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation; aggravating and mitigating circumstances; positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation.

For citation: Kraev D. Yu. Insignificance of an Act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation): Issues of Law Enforcement. *Siberian Law Review*. 2022;19(3):294-309. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-294-309>. EDN: <https://elibrary.ru/jbbqqe> (In Russ.).

© Kraev D. Yu., 2022

Внешне одинаковые действия могут быть преступными в одном случае и не являться преступлением – в другом.

Альфред Адлер «Наука жить»

ВВЕДЕНИЕ

Согласно ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» (общественная опасность – один из обязательных признаков преступления, которым, в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ, признается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»).

Правоприменитель нередко сталкивается с проблемой толкования понятия «малозначительности» деяния, в связи с чем Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ были даны соответствующие разъяснения.

РАЗЪЯСНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПОНЯТИЯ «МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ», ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 2 СТ. 14 УК РФ

Конституционный Суд РФ определил, что ч. 2 ст. 14 УК РФ «позволяет ограни-

чить преступления от иных правонарушений и направлена на реализацию принципа справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (часть первая статьи 6 УК РФ). Тем самым обеспечивается адекватная оценка правоприменителями степени общественной опасности деяния, зависящая от конкретных обстоятельств содеянного. В качестве таких обстоятельств могут учитываться размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличие в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ (пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»¹). Этим не исключается учет при оценке степени общественной опасности деяния значимости для потерпевшего

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» утратило силу в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», согласно которому «характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления» (п. 1) (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

того или иного блага, выступавшего в качестве объекта посягательства» (п. 2)².

В действующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ относительно «малозначительности» деяния имеются следующие указания.

1. Не может признаваться находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, причинившее вред другому лицу в связи с совершением последним действий, хотя формально и содержащих признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, но заведомо для лица, причинившего вред, в силу малозначительности не представлявших общественной опасности³.

Здесь обращается внимание на заведомость для причинителя вреда малозначительности содеянного потерпевшим, само же понятие «малозначительность» не раскрывается.

2. При правовой оценке действий, связанных с нарушением порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, необходимо принимать во внимание положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности⁴.

В данном постановлении, при цитировании положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, лишь отмечается возможность признания малозначительными действий, связанных с нарушением порядка осуществления предпринимательской и иной экономической

деятельности, толкование же понятия «малозначительность» отсутствует.

3. Если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ⁵.

Воспроизведенные здесь применительно к мошенничеству, присвоению и растрате положения ч. 2 ст. 14 УК РФ не добавляют ясности в понимание категории малозначительности деяния.

Однако в других постановлениях Пленума Верховного Суда РФ даются более подробные разъяснения о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) применительно к конкретным посягательствам:

4. При правовой оценке действий лица, совершившего хищение, следует учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ. При решении вопроса о том, является ли малозначительным деяние (например, кража, формально содержащая квалифицирующие признаки состава данного преступления), необходимо учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и др.⁶

4. При правовой оценке действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по соответствующим признакам, следует

² *Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 июля 2013 г. № 1162-О.* Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ *О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 сент. 2012 г. № 19 (п. 5). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2016 г. № 48 (п. 18.3). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48 (п. 33). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ *О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 дек. 2002 г. № 29 (п. 25.4). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

исходить из характера и степени общественной опасности содеянного и учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ. При решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, т. е. не представляющим общественной опасности, необходимо учитывать, в частности, размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию⁷.

5. При правовой оценке действий, заключающихся в организации незаконной миграции без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 322¹ УК РФ) либо в фиктивной регистрации (постановке на учет) по месту пребывания или месту жительства, необходимо принимать во внимание положения ч. 2 ст. 14 УК РФ. При решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, необходимо учитывать, в частности, мотив и цель, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), его отношения с лицом, в связи с которым были нарушены положения миграционного законодательства (например, при фиктивной регистрации близкого родственника по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ)⁸.

6. При правовой оценке действий лица, допустившего нарушения в сферах обращения официальных и иных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков, акцизных марок, специальных марок, знаков соответствия, государственного учета транспортных средств, необходимо исходить из всей совокупности фак-

тических обстоятельств конкретного дела, а также учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ. При решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, следует принимать во внимание, в частности, количественные и качественные характеристики предмета преступления, мотив и цель, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), обстоятельства, способствовавшие совершению деяния, и др.⁹

8. Если действия, связанные с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, совершенные лицом с применением самоходного транспортного плавающего средства либо в местах нереста или на миграционных путях к ним, или на особо охраняемых природных территориях, хотя формально и содержали признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 253 или ст. 256 УК РФ, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, когда не использовались способы массового истребления водных биологических ресурсов, суд вправе прекратить уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ. При этом основанием для признания действий подсудимого малозначительными могут служить, например, незначительное количество и стоимость выловленной рыбы, отсутствие вредных последствий для окружающей среды, а также используемый способ добычи, который не являлся опасным для биологических, в том числе и рыбных, ресурсов¹⁰.

9. При правовой оценке действий, предусмотренных чч. 1 или 4 ст. 222 УК РФ, следует исходить из положений ч. 2 ст. 14 УК РФ. При решении вопроса

⁷ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (п. 8.1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 (п. 18). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 17 дек. 2020 г. № 43 (п. 18). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258¹ УК РФ) : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 нояб. 2010 г. № 26 (п. 12). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

о том, является ли деяние малозначительным, необходимо учитывать, например, совокупность таких обстоятельств, как количественные характеристики (хранение нескольких патронов) и качественные показатели предмета, мотив и цель, которыми руководствовалось лицо, поведение, предшествующее совершению деяния и (или) в период совершения деяния¹¹.

В данных постановлениях (№ 4–9) Пленум Верховного Суда РФ указал на обстоятельства, которые необходимо учитывать при решении вопроса о малозначительности конкретных посягательств, причем не все из этих обстоятельств (например, мотив и цель незаконного хранения патронов (ст. 222 УК РФ) являются обязательными признаками соответствующих составов преступлений.

РАЗЪЯСНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПОНЯТИЯ «МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОНАРУШЕНИЯ», ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 2.9 КОАП РФ

Примечательно, что норма о «малозначительности» деяния имеется не толь-

ко в УК РФ. Так, согласно ст. 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) «при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием»¹².

Как указал Конституционный Суд РФ, использование в данном законоположении оценочного понятия малозначительности не свидетельствует о неопределенности его содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств дела делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций¹³.

В решениях по конкретным делам Верховный Суд РФ отмечал, что не могут быть признаны малозначительными

¹¹ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 (п. 22.1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² О практике применения ст. 2.9 КоАП РФ см., напр.: *Справка* по материалам проведенного в связи с подготовкой к предстоящему чемпионату мира по футболу FIFA 2018 года обобщения судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.31 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» (утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 6 июня 2018 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ *По делу* о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л. Н. Кондратьевой и А. Н. Мумолина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 февр. 2008 г. № 120-О-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильменейкина Павла Вениаминовича на нарушение его конституционных прав подпунктом «а» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 марта 2009 г. № 231-О-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 41.7 и подпунктом «в» пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июля 2012 г. № 1316-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демина Павла Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 февр. 2015 г. № 278-О ; и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

административные правонарушения, предусмотренные, в частности, ст. 14.28 КоАП РФ («Нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости») и ст. 19.29 КоАП РФ («Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего»), «ввиду особой значимости охраняемых законом общественных отношений, выступающих объектом посягательства»¹⁴.

К толкованию положений ст. 2.9 КоАП РФ обращались в своих постановлениях Пленум Верховного Суда РФ и Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ:

– обсуждая вопрос о малозначительности административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.17 или ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ, следует выяснять, в какой мере совершенные противоправные действия (бездействие) влияют на сохранение водных биоресурсов. В этих целях, в частности необходимо учитывать: предмет административного правонарушения, если таковой имеется (разрешен ли данный вид биоресурсов к добыче (вылову), запрещен либо ограничен на момент совершения административного правонарушения, а также количество незаконно добытых (выловленных) биоресурсов); примененные правонарушителем орудия, способы рыболовства (являлись ли они запрещенными либо неразрешенными или ограниченными к применению

в момент совершения административного правонарушения в данном месте либо данными лицами); место совершения административного правонарушения (относится ли оно к районам, где рыболовство запрещено либо ограничено, или отнесено к объектам общего пользования)¹⁵;

– малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. При этом необходимо иметь в виду, что с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений, они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения. К ним, в частности, относятся административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ. Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения. Они в силу чч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания¹⁶;

¹⁴ *Обзор судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях* (утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 30 ноября 2016 г.) (п. 8); *Обзор судебной практики разрешения дел по спорам, возникающим в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости* (утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 19 июля 2017 г.) (п. 16). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ *О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 нояб. 2010 г. № 27 (п. 14). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ *О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (п. 21). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– при привлечении к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, следует учитывать, что они не могут быть отнесены к малозначительным, а виновные в их совершении лица – освобождены от административной ответственности, поскольку управление водителем, находящимся в состоянии опьянения, транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности, существенно нарушает охраняемые общественные правоотношения независимо от поведения правонарушителя (например, наличия раскаяния, признания вины), размера вреда, наступления последствий и их тяжести. Кроме того, повторное совершение указанных административных правонарушений является уголовно наказуемым деянием¹⁷;

– при квалификации правонарушения в качестве малозначительного необходимо исходить из оценки конкретных обстоятельств его совершения. Малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, свидетельствующими о малозначительности правонарушения. Данные обстоятельства в силу чч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания. При ква-

лификации административного правонарушения в качестве малозначительного надлежит учитывать, что ст. 2.9 КоАП РФ не содержит оговорок о ее неприменении к каким-либо составам правонарушений, предусмотренным КоАП РФ. Возможность или невозможность квалификации деяния в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, исходя из сформулированной в КоАП РФ конструкции состава административного правонарушения, за совершение которого установлена ответственность. Так, не может быть отказано в квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного только на том основании, что в соответствующей статье Особенной части КоАП РФ ответственность определена за неисполнение какой-либо обязанности и не ставится в зависимость от наступления каких-либо последствий. Квалификация правонарушения как малозначительного может иметь место только в исключительных случаях и производится с учетом положений пункта 18 настоящего постановления применительно к обстоятельствам конкретного совершенного лицом деяния. При этом применение положений о малозначительности должно быть мотивировано¹⁸.

Конституционный Суд РФ также прямо указал, что «административное правонарушение не может быть признано малозначительным исходя из личности и имущественного положения привлекаемого к административной ответственности лица, добровольного устранения последствий правонарушения, возмещения причиненного ущерба»¹⁹, и применение

¹⁷ *О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных Главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 (п. 13). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ *О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях* : постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 (пп. 18–18.1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ *Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 янв. 2013 г. № 1-П ; Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 мая 2014 г. № 1013-О*. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ст. 2.9 КоАП РФ «не зависит от вида (состава) совершенного административного правонарушения»²⁰.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за январь–июль 2014 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 сентября 2014 г.) тоже разъясняется, что «статья 2.9 КоАП РФ является общей нормой, не содержащей каких-либо ограничений применительно к конкретным составам административных правонарушений. Следовательно, она может быть применена в отношении любого предусмотренного КоАП РФ состава административного правонарушения (как материального, так и формального), совершенного гражданами, должностными и юридическими лицами, а также лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица».

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РФ ПОЛОЖЕНИЙ Ч. 2 СТ. 14 УК РФ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

По уголовным делам Верховный Суд РФ также отмечал, что:

– «квалификация содеянного как малозначительного может иметь место только применительно к обстоятельствам конкретного совершенного лицом деяния. Возможность или невозможность расценивать деяние в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, исходя только из сформулированного в уголовном законе конструкции состава преступления, за совершение которого установлена ответственность»²¹;

– «Президиум Тверского областного суда фактически связал вопрос о мало-

значительности преступлений с отношением К. к предъявленному ей обвинению, указав, что виновной ни по одному из преступлений она себя не признала. То есть вопрос о правовой оценке содеянного К. суд связал с реализацией ею своего конституционного права на защиту, что недопустимо»²²;

– при разрешении вопроса о малозначительности деяния учитываются «реально наступившие вредные последствия, способ совершения, форма вины, мотив и цель»²³;

– «по смыслу закона малозначительным является деяние, хотя формально и содержащее признаки состава преступления, но с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, степени вины, пределов осуществления преступного намерения, способа, обстановки совершения содеянного, размера вреда и тяжести наступивших последствий не причинившее существенного вреда охраняемых уголовным законом социальным ценностям. Таким образом, малозначительность свидетельствует о том, что содеянное не причинило существенного вреда охраняемых уголовным законом интересам личности, общества, государства и не создало угрозу причинения такого вреда. При этом такие обстоятельства, как личность лица, совершившего деяние, добровольное устранение им последствий содеянного, возмещение причиненного ущерба и другие факты позитивного поведения, но не относящиеся непосредственно к содеянному, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность деяния. Они должны учитываться

²⁰ Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 25 февр. 2014 г. № 4-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Кассационное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 июня 2021 г. № 3-УДП21-16-К3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² Кассационное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 4 дек. 2014 г. № 35-УДп14-5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³ Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 3 авг. 2006 г. № 64-ДП06-11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

при индивидуализации уголовной ответственности и наказания»²⁴.

Конституционный Суд РФ в своих решениях отмечал, что не исключается признание малозначительными деяний, формально содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных, например, ст.ст. 222²⁵, 324²⁶ УК РФ, а также ч. 4 ст. 337 УК РФ «с учетом характера содеянного и степени вины» лица, проходящего военную службу в добровольном порядке после истечения срока контракта²⁷.

Изучение практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ показало, что Верховный Суд РФ признавал малозначительными деяния, формально содержащие признаки, в частности:

– кражи группой лиц по предварительному сговору флакона шампуня (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ)²⁸;

– мошенничества с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ), исходя из «реально наступивших вредных последствий – отсутствия существенного вреда, способа совершения деяния, мотива и цели»²⁹;

– мошенничества при получении выплат с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159² УК РФ) на сумму 10 066 рублей 24 копейки, а также присвоения и растраты с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ)³⁰ на сумму 1000 рублей³¹, 2060 рублей³² и 3019,1 рублей³³ соответственно, поскольку «сам по себе способ совершения деяния... – с использованием служебного положения... без учета конкретных обстоятельств дела не может быть признан обстоятельством, свидетельствующим о повышенной общественной опасности содеянного и препятствующим применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ»³⁴;

– заранее не обещанного приобретения 0,25 л самогона³⁵, заведомо добытого преступным путем (ч. 1 ст. 175 УК РФ);

– незаконного оборота драгоценных металлов (ч. 1 ст. 191 УК РФ) с учетом объема и стоимости (164 рубля) находившегося в контактах серебра, а также обстоятельств его приобретения Г. (путем сбора контактов на свалке в порту)³⁶;

– незаконного оборота 1 патрона (ч. 1 ст. 222 УК РФ)³⁷, в виду того, что: а) лицо

²⁴ Кассационное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2020 г. № 46-УД20-9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 7 июля 2016 г. № 1426-О ; *Определение* Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 февр. 2022 г. № 242-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 февр. 2020 г. № 10-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 7 дек. 2010 г. № 1622-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Кассационное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 20 июля 2004 г. № 6-004-26. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Кассационное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 4 дек. 2014 г. № 35-УДп14-5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Там же.

³¹ Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2018. № 4.

³² Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 апр. 2015 г. № 51-УД15-1 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2016. № 7.

³³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 марта 2022 г. № 53-УД22-3-К8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Кассационное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 20 авг. 2020 г. № 15-УДП20-7-К1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Надзорное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 18 янв. 2007 г. № 67-Д06-7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ См., напр.: *Обзор* надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2001 год // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2002. № 10.

³⁷ См., напр.: *Определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 февр. 2005 г. № 76-004-12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«никакого оружия не имело, не могло использовать данный патрон по назначению, приобрело его (нашло) случайно и при этом не придавало никакого значения его нахождению (хранению) в своей квартире»³⁸; б) «не зная об умысле К. С. на совершение убийства и полагая, что тот хочет напугать потерпевших и вернуть свой мотоцикл, К. А. получил от К. С. один патрон почти на месте происшествия, нес его несколько метров и держал при себе, прежде, чем патрон забрал К. С., несколько минут»³⁹; в) «согласно показаниям осужденного указанный патрон с налетом ржавчины вместе с другими армейскими принадлежностями: пилоткой и бляхой для ремня ему был подарен другом, который в рамках соответствующего клуба занимался перезахоронением воинов, погибших во время войны. Доказательств, опровергающих эти доводы или свидетельствующих о намерении осужденного использовать патрон не только как предмет, имеющий историческое значение, в деле не имеется»⁴⁰;

– незаконного приобретения в период службы в армии в качестве сувенира 2 патронов и их последующего хранения по месту жительства без их дальнейшего оборота: ношения, использования и применения для совершения разбойного нападения⁴¹;

– незаконного ношения и хранения оружия и боеприпасов (ч. 1 ст. 222 УК РФ),

«выразившегося в том, что похищенное ружье и патроны Ф. принес к себе домой, где они находились в течение нескольких часов... Кроме того, Ф. добровольно вернул оружие владельцу, то есть фактически сдал его»⁴²;

– незаконного хранения у себя дома пороха, являющегося взрывчатым веществом, в количестве 7,85 грамм (ч. 1 ст. 222 УК РФ)⁴³;

– незаконных приобретения и хранения охотничьего ружья и патронов к нему (ч. 1 ст. 222 УК РФ), поскольку «Е. не имел цели приобретения ружья и патронов для себя, а пытался предотвратить самоубийство В., который получил тяжелую травму позвоночника и высказывал мысли о самоубийстве, в связи с чем жена В. попросила Е. временно хранить ружье у него»⁴⁴;

– незаконного хранения в жилище 0,64 грамма героина на 22 ватных тампонах (ч. 1 ст. 228 УК РФ)⁴⁵;

– незаконного культивирования в крупном размере растений, содержащих наркотические средства (ч. 1 ст. 231 УК РФ), в том числе поскольку «указанное преступление, хоть и относится к преступлениям, направленным против здоровья населения, вместе с тем отнесено к категории небольшой тяжести; что инкриминируемые С. действия были направлены лишь на выращивание ростков мака, которые произросли самостоятельно, без посева с ее стороны, были совершены ею впервые, по просьбе

³⁸ Постановление Президиума Верхов. Суда Рос. Федерации от 13 июня 2007 г. № 243П07. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Постановление Президиума Верхов. Суда Рос. Федерации от 11 окт. 2000 г. № 649п2000. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰ Кассационное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 7 февр. 2017 г. № 5-УД17-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 31 марта 2008 г. № 13-008-9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴² Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 16 дек. 2002 г. № 14-Д02пр-32. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 февр. 2005 г. № 76-004-12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴ Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2000 год // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2001. № 9.

⁴⁵ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 сент. 2013 г. № 11-О13-21СП. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

близкого человека – матери мужа, для употребления семян мака в дальнейшем в кулинарных целях исключительно в кругу их семьи, при этом растения были выращены в небольшом количестве и С. не совершала каких-либо действий, направленных на их сокрытие (в том числе и от сотрудников полиции, которые подождали, когда мак созреет, и лишь после этого произвели его изъятие), что свидетельствовало бы об осознанности ею противоправности своих действий, при том, что какие-либо негативные последствия от указанного деяния ни для никого не наступили и не могли наступить»⁴⁶;

– незаконного вылова Г. 8 штук кеты на сумму 4 640 рублей «с целью употребления в пищу при крайне тяжелом материальном положении семьи в условиях отсутствия по району возможности получения разрешения на лицензированный лов кеты в 2004 году» (п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ)⁴⁷, а также незаконного вылова 6 штук кеты на сумму 3 480 рублей, учитывая, что совершенное И. деяние «не повлияло на экологическую стабильность нереста кеты (в указанном месте производится лов рыбы кеты рыболовным заводом в объеме свыше 887,18 тонны)» (п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ)⁴⁸;

– получения взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ), «исходя из размера полученного Г. вознаграждения в 1 000 рублей, добровольности его вручения Т., законного

и своевременного характера действий Г. по организации опознания угнанного автомобиля и передаче его собственнику»⁴⁹;

– побоев (ст. 116 УК РФ)⁵⁰, в том числе, потому что «во время конфликта с подростками М. находился под влиянием душевного волнения, которое было вызвано неправомерными действиями самих потерпевших»⁵¹;

– неуважения к суду, выразившегося в оскорблении участника судебного разбирательства (ч. 1 ст. 297 УК РФ) в силу того, что подсудимая «А. находилась под влиянием душевного волнения, вызванного, в том числе и конфликтными действиями потерпевшей»⁵²;

– фальсификации доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание (ч. 2 ст. 303 УК РФ), поскольку «изготовление Д. сфальсифицированного протокола не повлияло на результаты рассмотрения дела, не повлекло вынесение неправосудного приговора и не представляло угрозы принятия судом неправосудного решения и нарушения прав и свобод граждан», и «сам по себе факт того, что преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ является формальным составом преступления, не исключает возможности признания совершенного Д. деяния малозначительным»⁵³;

– вынесения судьей М. заведомо неправосудного определения (ч. 1 ст. 305 УК РФ), «которым не только не было

⁴⁶ *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 дек. 2021 г. № 31-УД21-23-К6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷ *Определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 3 авг. 2006 г. № 64-Дп06-13. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸ *Надзорное определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 8 авг. 2006 г. по делу № 64-Дп06-14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁹ См., напр.: *Надзорное определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 12 апр. 2007 г. по делу № 51-Д06-58. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰ *Кассационное определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 7 апр. 2005 г. № 47-005-16 ; *Определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 5 сент. 2013 г. № 208-Д13-3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹ *Обзор* кассационно-надзорной практики Военной коллегии Верхов. Суда Рос. Федерации по уголовным делам за 1998 год. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵² *Определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 5 апр. 2007 г. № 32-007-8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵³ *Кассационное определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 5 апр. 2006 г. № 50-006-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

вызвано каких-либо общественно опасных последствий, но это явилось фактически единственным способом пресечения ранее созданного М. общественно опасного деяния»; М. «не имел возможности другим путем пресечь им же созданное общественно опасное деяние, за которое он привлечен к уголовной ответственности» по ст. 286 УК РФ⁵⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не со всеми из данных решений (например, с аргументацией признания малозначительным мошенничества при получении выплат с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159² УК РФ) на сумму 10 066 рублей 24 копейки) можно однозначно согласиться, вместе с тем на основе анализа вышеприведенных позиций судов и научной литературы [6–9] приходим к следующим общим выводам о малозначительности указанных в ч. 2 ст. 14 УК РФ деяний (учитывая, разумеется, что многообразие особенностей последних обусловит немало исключений из общих правил).

Часть 2 ст. 14 не содержит оговорок о ее неприменении к каким-либо посягательствам, закрепленным УК РФ, поэтому малозначительное действие (бездействие) может формально содержать признаки деяния, предусмотренного не только основным (например, ч. 1 ст. 158 УК РФ), но и квалифицированным (в частности, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ) либо даже особо квалифицированным (допустим, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) составом преступления (как материальным, так и формальным (ч. 1 ст. 222 УК РФ и др.)). Следовательно, не исключается признание малозначитель-

ным действия (бездействия), формально содержащего признаки состава преступления любой категории⁵⁵ (в основном, конечно, небольшой или средней тяжести), однако чем «тяжелее» такая категория и чем «квалифицированнее» состав преступления, признаки которого содержит деяние, тем меньше вероятность применения к нему положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

С учетом специфики составов некоторых преступлений, в том числе особой значимости их объектов⁵⁶ (ст.ст. 105, 205, 277, 295, 317, 357, 361 УК РФ и т. п.), к посягательствам, содержащим их признаки, положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, как правило, не применяются (хотя исключения возможны: например, признание малозначительным приготовления к убийству, не причинившего существенного вреда и не создавшего угрозы причинения такого вреда объекту уголовно-правовой охраны).

Добровольные явка с повинной; раскаяние в содеянном; возмещение лицом ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного посягательством; способствование раскрытию и расследованию происшедшего; признание нарушителем вины; примирение его с потерпевшим не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность деяния⁵⁷, поскольку в ч. 2 ст. 14 УК РФ речь идет о малозначительности совершенного действия (бездействия), а не о поведении виновного после совершения деяния.

Малозначительным может быть признано посягательство (например, хищение), совершенное:

- как беременной женщиной, так и нет;
- как не достигшим 18 лет, так и совершеннолетним правонарушителем;

⁵⁴ *Определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 апр. 2010 г. № 30-О10-3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁵ Такой точки зрения придерживаются и другие исследователи [1, с. 140–146].

⁵⁶ Некоторые правоведы полагают, что «малозначительными могут быть признаны деяния, содержащие признаки состава преступления... вне зависимости от объекта посягательства» [1, с. 145], другие не разделяют такого мнения [2, с. 68].

⁵⁷ К сходным выводам приходят и иные ученые. См., напр.: *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014. С. 29–31.*

- как женатым, так и нет;
- как положительно характеризующимся по месту работы и (или) жительства лицом, так и отрицательно;
- как не имеющим, так и имеющим судимость;
- как впервые, так и повторно совершившим деяние, формально содержащее признаки состава преступления (причем не только с общим (как, допустим, кража), но и со специальным субъектом (например, предусмотренным ч. 1 ст. 160 УК РФ);
- как имеющим малолетних детей лицом, так и нет;
- как не являющимся, так и являющимся сотрудником правоохранительного органа;
- как «ограниченно» (ст. 22 УК РФ), так и «полностью» вменяемым нарушителем;
- как не находившимся во время совершения действия (бездействия) в состоянии опьянения, так и находившимся в указанном состоянии;
- как не являющимся, так и являющимся родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (-ей), лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (-ей), педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (-ей), иным лицом, осуществляющим трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, при совершении

ими посягательства, в том числе, в отношении несовершеннолетнего (-ей).

Возможно признание малозначительным нарушения (того же хищения), совершенного и в отношении «особо уязвимых» категорий потерпевших, например, беременных женщин, престарелых лиц.

Не всегда наличие в деянии отягчающего обстоятельства исключает возможность применения к нему положений ч. 2 ст. 14 УК РФ. Конечно, наступление, например, тяжких последствий в результате совершения посягательства (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ), сводит к нулю вероятность признания его малозначительным, однако совершение действия (бездействия), в частности, в составе группы лиц (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ), уменьшает, но полностью не исключает такую возможность. Не предопределяет автоматически положительного решения вопроса о малозначительности и наличие в деянии смягчающего обстоятельства, допустим, совершения его по мотиву сострадания (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), но чем меньше в содеянном смягчающих обстоятельств, характеризующих совершенное действие (бездействие), и чем больше количество подобных отягчающих обстоятельств, тем меньше вероятность применения к посягательству положений ч. 2 ст. 14 УК РФ (и наоборот).

При принятии решения о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) учитывается совокупность всех конкретных обстоятельств его совершения:

- объект посягательства (одно дело, когда лицо убило жертву, другое – лишь тайно похитило у нее имущество);
- количественные характеристики (допустим, нарушителем незаконно хранился всего 1 патрон) и качественные показатели предмета посягательства (стоимость похищенной вещи была невысокой и т. п.);
- форма (умышленная или же неосторожная) и вид вины, с которой совершено деяние (прямой это или косвенный

умысел; заранее он обдуманый либо же внезапно возникший и т. д.);

– цель, мотив посягательства (они могут быть и «положительными» как, например, мотив сострадания), эмоциональное состояние нарушителя в момент совершения деяния (допустим, его душевное волнение);

– степень реализации незаконного намерения (например, посягательство было неоконченным);

– характер и размер реально наступивших последствий (допустим, потерпевшему хищением был причинен небольшой материальный ущерб), а также тех последствий, которые могли наступить, если бы посягательство было доведено до конца (в случае его незавершенности), и насколько существенной была угроза охраняемым уголовным законом социальным ценностям;

– продолжительность фактического осуществления нарушения (например, незаконное хранение пистолета в течение всего нескольких минут);

– роль лица в посягательстве, совершенном совместно с другими лицами (она не была особо активной и т. д.);

– поведение потерпевшего, предшествующее посягательству и в период его осуществления (поводом для совершения деяния явилось аморальное и (или) проти-

воправное поведение потерпевшего; вред жертве был причинен по ее просьбе и др.), и обстановку содеянного в целом (стечение тяжелых жизненных обстоятельств и др.);

– время совершения деяния (например, незаконная добыча водных биоресурсов осуществлялась не в период нереста), его место (допустим, незаконная охота была совершена в не запрещенном месте), средства и орудия совершения посягательства (в частности, орудия лова при незаконной добыче водных биоресурсов были не запрещенными), способ совершения деяния (он не был общепасным и т. д.);

– другие обстоятельства, влияющие на характер и степень общественной опасности совершенного посягательства (в том числе, соответствующие смягчающие и отягчающие обстоятельства, указанные в ст.ст. 61, 63 УК РФ)⁵⁸.

Таким образом, при решении вопроса о возможности применения к посягательству положений ч. 2 ст. 14 УК РФ необходимо учитывать не только те обстоятельства, которым законодатель придал значение признаков состава преступления, но и те, которые находятся за его рамками (причем в большинстве случаев в основу вывода о малозначительности деяния положена совокупность обстоятельств, снижающих его общественную опасность)⁵⁹.

Список литературы

1. Корсун Д. Ю. Общая характеристика деяний, которые могут быть признаны малозначительными (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 140–146. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10090>

2. Лопашенко Н. А. О некоторых проблемах в понимании малозначительного деяния по Уголовному кодексу РФ // Уголовное право. 2019. № 5. С. 65–78.

⁵⁸ Некоторые из указанных обстоятельств, безусловно, «пересекаются», взаимно обуславливают, «дополняют» друг друга, вытекают одно из другого (дать их исчерпывающий перечень невозможно, поскольку каждое преступление имеет свои особенности, исходя из которых не любое из перечисленных обстоятельств учитывается по всем конкретным делам: к примеру, продолжительность фактического осуществления нарушения может кардинально повлиять на возможность применения ч. 2 ст. 14 УК РФ в случае незаконного хранения патронов в течение нескольких минут, а при совершении в тех же временных рамках кражи – нет). На многие из данных обстоятельств обращалось внимание не только высшими судами, но и научным сообществом [1, с. 140–146; 2, с. 65–78; 3, с. 39–48; 4, с. 42–46; 5, с. 83–96]. См. также: *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рапог ... С. 29–31.*

⁵⁹ Корсун Д. Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 10, 97.

3. Ображиев К. В. Малозначительные хищения чужого имущества стоимостью свыше 2500 рублей // Уголовное право. 2021. № 6 (130). С. 39–48.
4. Рагозина И. Г., Бражников В. В. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1 (30). С. 42–46. DOI: <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2016-1-42-46>
5. Шарапов Р. Д. Малозначительность хищений чужого имущества // Уголовное право. 2020. № 6 (124). С. 83–96. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2020_6_83
6. Борков В. Н. Признание деяния в силу малозначительности непроступным // Уголовное право. 2017. № 1. С. 17–25.
7. Винокуров В. Н. Признаки и пределы малозначительности деяния в уголовном праве // Современное право. 2017. № 6. С. 64–70.
8. Лобанова Л. В., Рожнов А. П. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. № 6 (980). С. 46–50.
9. Sekuloski B. International Criminal Law // European Scientific Journal. 2013. Vol. 9, no. 28. P. 144–166. DOI: <https://doi.org/10.19044/esj.2013.v9n28p%25p>

References

1. Korsun D. Yu. General Characteristics of the Actions Which Can Be Considered Insignificant (Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;2:140-146. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10090> (In Russ.).
2. Lopashenko N. A. About Some Problems in Understanding an Insignificant Act Under the Criminal Code of the Russian Federation. *Criminal Law*. 2019;5:65-78. (In Russ.).
3. Obrazhiev K. V. Insignificant Theft of Others' Property Worth Over 2,500 Rubles. *Criminal Law*. 2021;6:39-48. (In Russ.).
4. Ragozina I. G., Brazhnikov V. V. Qualification of Acts in the Context of Insignificance: Theoretical and Practical Issues. *Vestnik of the Omsk Law Academy*. 2016;1:42-46. DOI: <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2016-1-42-46> (In Russ.).
5. Sharapov R. D. Insignificance of Theft of Other People's Property. *Criminal Law*. 2020;6:83-96. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2020_6_83 (In Russ.).
6. Borkov V. N. An Act Considered Non-Criminal Due To Its Low Significance. *Criminal Law*. 2017;1:17-25. (In Russ.).
7. Vinokurov V. N. Features and Limits of Insignificance of the Offence in the Criminal Law. *Modern Law*. 2017;6:64-70. (In Russ.).
8. Lobanova L. V., Rozhnov A. P. A Misdemeanor: Abstractedness of Legislative Regulation and Difficulties in Law-Enforcement Implementation. *Zakonnost Journal*. 2016;6:46-50. (In Russ.).
9. Sekuloski B. International Criminal Law. *European Scientific Journal*. 2013;9(28):144-166. DOI: <https://doi.org/10.19044/esj.2013.v9n28p%25p>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Юрьевич Краев, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Литейный пр., 44, Санкт-Петербург, 191014, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7213-1817>; e-mail: k.d1979@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Denis Yu. Kraev, Associated Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (44 Liteiny pr., St. Petersburg, 191014, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7213-1817>; e-mail: k.d1979@yandex.ru

Поступила | Received
29.05.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
18.07.2022

Принята к публикации | Accepted
28.07.2022

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС Administrative Law, Administrative Process

УДК 342.9:343.625

DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-3-310-321

EDN: KOTGUI

Оригинальная научная статья

Насильственные действия как признак объективной стороны составов правонарушений, предусмотренных статьями 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьями 156 Уголовного кодекса Российской Федерации

А. В. Равнюшкин

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ ravnyushkin@mail.ru

Аннотация. Насильственные действия являются компонентом объективной стороны множества правонарушений. Они служат фактором, влияющим на квалификацию правонарушений, не получившим должной научной и законодательной оценки, что наглядно отражается в действующих конструкциях составов правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои» и ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». В первом случае имеется ряд дискуссионных вопросов, относящихся к определению объекта указанного административного правонарушения, объективной стороны, а также к личности несовершеннолетнего потерпевшего. Во втором случае, несмотря на свое юридическое значение (по последствиям) такой негативный фактор, как жестокое обращение с несовершеннолетними, не получил в российском законодательстве надлежащей понятийной разработки. Законодатель и Пленум Верховного Суда Российской Федерации относятся к нему как к оценочному понятию, что с точки зрения юридической техники верно, но с точки зрения правоприменения вызывает вопрос о том, какие признаки должны указывать на наличие данного обстоятельства? Цель исследования состоит в определении структурных частей насильственных действий, образующих объективную сторону рассматриваемых правонарушений. Достижение цели возможно посредством решения следующих задач: определить свойства насильственных действий, указывающих на жестокое обращение с несовершеннолетними при невыполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (на примере неоднократного совершения административного правонарушения по ст. 6.1.1 «Побои»); выработать юридическую оценку такого обстоятельства, как совершение насильственных действий при семейно-бытовых конфликтах (в частности, побоев) в присутствии несовершеннолетних; представить предложения для совершенствования российского законодательства по рассматриваемым вопросам. Методологическую основу исследования составили диалектический подход к научному познанию общественных отношений, в которых совершается насилие (побои) и жестокое отношение к несовершеннолетним; сравнительный анализ, синтез результатов, полученных в ходе исследования, позволившие обосновать необходимость разработки актов государственных органов. К числу специальных методов, примененных в исследовании, относятся метод исследования нормативных правовых актов и документов, эмпирический, метод обработки и анализа

© Равнюшкин А. В., 2022

данных, их обобщения. В качестве итога исследования для обсуждения предлагаются некоторые деяния, которые могут указывать на жестокое обращение с несовершеннолетними и либо являться его составной частью, либо служить для разграничения административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ от преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ. К насильственным действиям, характеризующим жестокое обращение с несовершеннолетним при неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, относятся те, которые выражают бессердечие, безжалостность, вызывают страдания у несовершеннолетнего посредством причинения телесных повреждений, нанесения побоев, совершение иных насильственных действий, угроз и т. д. Предлагается в ст. 6.1.1 КоАП РФ добавить часть 2 (квалифицированный состав), указав в ней те же действия, что и в ч. 1, но совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) в отношении совершеннолетнего в присутствии несовершеннолетнего, предусмотрев более строгое наказание.

Ключевые слова: семейное насилие; побои; несовершеннолетний потерпевший; жестокое обращение с несовершеннолетними; квалификация административных правонарушений и преступлений.

Для цитирования: Равнюшкин А. В. Насильственные действия как признак объективной стороны составов правонарушений, предусмотренных статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 310–321. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-310-321>. EDN: <https://elibrary.ru/kotgu1>

Original scientific article

Violent Acts as a Factor, Influencing the Qualification of Certain Offenses (Article 6.1.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences and Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation)

A. V. Ravnyushkin

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

✉ ravnyushkin@mail.ru

Abstract. Violent actions are a component of the objective side of many offenses. They serve as a factor influencing the qualification of offenses that have not received proper scientific and legislative assessment, which is clearly reflected in the current structures of offenses under Art. 6.1.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences “Battery” and Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation “Failure to fulfill the obligations of raising a minor.” In the first case, there are a number of debatable issues related to the definition of the object of the specified administrative offense, the objective side, as well as the personality of the minor victim. In the second case, despite its legal significance (in terms of consequences), such a negative factor as ill-treatment of minors did not receive proper conceptual development in Russian legislation. The legislator and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation treat it as an evaluative concept, which is true from the point of view of legal technique, but from the point of view of law enforcement, it raises the question of what signs should indicate the presence of this circumstance? The purpose of the study is to determine the structural parts of violent acts that form the objective side of the offenses under consideration. Achieving the goal is possible by solving the following tasks: to determine the properties of violent acts that indicate cruelty to minors in case of failure to fulfill the duties of raising minors (on the example of repeated administrative offenses under Art. 6.1.1 “Battery”); develop a legal assessment of such a circumstance as the commission of violent acts in family and domestic conflicts (in particular, beatings)

in the presence of minors; submit proposals for improving Russian legislation on the issues under consideration. The methodological basis of the study was a dialectical approach to the scientific knowledge of social relations in which violence (beatings) and cruel treatment of minors is committed; comparative analysis, synthesis of the results obtained in the course of the study, which made it possible to substantiate the need for the development of acts of state bodies. Among the special methods used in the study are the method of studying normative legal acts and documents, the empirical method, the method of processing and analyzing data, and their generalization. As a toga of the study, some acts are proposed for discussion that may indicate ill-treatment of minors and either be an integral part of it, or serve to distinguish between administrative offenses under Art. 6.1.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences from crimes under Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation. Violent actions that characterize the cruel treatment of a minor in case of failure to fulfill the duties of raising minors include those that express heartlessness, ruthlessness, cause suffering to a minor by inflicting bodily harm, beatings, committing other violent acts, threats, etc. It is proposed in Art. 6.1.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences to add a part 2 (qualified composition), indicating in it the same actions as in part 1, but committed against a minor and (or) against an adult in the presence of a minor, providing for a more severe punishment.

Keywords: family violence; beatings; minor victim; abuse of minors; qualification of administrative offenses and crimes.

For citation: Ravnyushkin A. V. Violent Acts as a Factor, Influencing the Qualification of Certain Offenses (Article 6.1.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences and Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Siberian Law Review*. 2022;19(3):310-321. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-310-321>. EDN: <https://elibrary.ru/kotgui> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Проблема семейного насилия актуальна во многих странах мира. Дети выступают либо жертвами такого насилия либо очевидцами насильственных действий в отношении других членов семьи. По данным МВД России в 2021 г. в отношении несовершеннолетних было совершено 30 001 насильственное преступление, из них в 7 594 случаях – членом семьи. В структуре насильственной преступности удельный вес насильственных посягательств в отношении несовершеннолетних со стороны члена семьи составил 25,3 %¹.

Справедливым является вывод ООН, что «ребенок, подвергшийся насилию, более склонен к жестокому обращению с другими людьми во взрослом возрасте, так что насилие передается из поколения в поколение. Поэтому крайне важно раз-

рвать этот цикл насилия и тем самым создать позитивные последствия для многих поколений»².

В большинстве государств мира права несовершеннолетних на защиту от насилия гарантируются на высоком законодательном уровне. В части 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации закреплено, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

Общезвестно, что одним из основных административных правовых средств противодействия семейному насилию является установленная административная ответственность за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) «Побои». При совершении

¹ Статистика ГИАЦ МВД России. Сводный отчет по России «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях» за 2021 г. (статистическая форма 455).

² Жестокое обращение с детьми // Глобальный веб-сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment>

побоев повторно лицо подвергается уголовной ответственности по ст. 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – в этом и заключается принцип административной преюдиции. Законодатель как бы предупреждает правонарушителя и предоставляет возможность задуматься, стоит ли совершать правонарушение [1, с. 118].

В научной среде активно обсуждаются как отдельные элементы состава обозначенного административного правонарушения, так и отдельные компоненты этих элементов.

Во-первых, указывается, что в научной традиции «понимание объекта противоправных посягательств лишь на здоровье следует признать узким, нуждающимся в расширительном толковании, так как лицо, умышленно наносящее побои, таким образом, посягает на личную неприкосновенность и человеческое достоинство, а не только собственно на здоровье потерпевшего» [2, с. 322].

Во-вторых, в связи с тем, что законодатель не раскрыл понятие «побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль», указав лишь на условие, что эти действия «не повлекли последствия, указанные в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации и не содержат уголовно наказуемого деяния», сложилось несколько мнений относительно содержания объективной стороны.

Одно из них заключается в том, что объективная сторона рассматриваемого административного правонарушения состоит в нанесении побоев, трактуемых как многократное (два и более раз) нанесение ударов. Однако для иных насильственных действий «многократность обычно не указывается в качестве условия наступления ответственности» [3, с. 323].

Вторая точка зрения на объективную сторону рассматриваемого состава правонарушения предполагает, что нанесение

одного или даже двух ударов не следует считать правонарушением в силу малозначительности. «Так, становится ясно, что нанесение одного удара, пощечины или совершение одного иного насильственного действия, причинившего только физическую боль, являются малозначительным деянием» [4, с. 149].

Неопределенность в строении объективной стороны рассматриваемого административного правонарушения порождает проблему разграничения его с преступлением, предусмотренным ст. 156 УК РФ, когда некоторые лица, включая родителей, жестоко обращаются с несовершеннолетними при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

В-третьих, как следствие этого, в науке отмечается, что «название статьи 6.1.1 КоАП РФ не соответствует признакам состава административного правонарушения, так как его объективная сторона более широко охватывает действия, причиняющие физическую боль. Это могут быть не только побои, а и другие действия» [5, с. 182].

Следует отметить, что содержание понятия «иные насильственные действия» ни в УК РФ, ни в КоАП РФ не раскрывается. К таким действиям в уголовно-правовой литературе относят причинение физической боли выкручиванием рук, сечением, щипанием, защемлением той или иной части тела потерпевшего при помощи каких-либо приспособлений, воздействие на потерпевшего огнем или с помощью иных природных биологических факторов, например, путем использования животных и насекомых, если все это сопряжено с причинением физической боли [6, с. 198].

Однако законодатель не делает различий в личности потерпевшего от насильственных действий: лицо равным образом наказывается за причинение побоев и иных насильственных действий в отношении

как совершеннолетнего, так и несовершеннолетнего. Думается, что следует согласиться с мнением Н. В. Поляковой, что «следует предусмотреть в части 2 ст. 6.1.1 КоАП РФ ответственность в отношении их родителей и иных законных представителей за побои или иные насильственные действия в отношении несовершеннолетних» [5, с. 183]. В среде специалистов уголовного права также высказывается мнение об установлении в ч. 2 ст. 116 УК РФ квалифицированного состава с учетом личности потерпевшего [7, с. 71].

Практически не изучен вопрос, связанный с правовой оценкой присутствия несовершеннолетних в случаях, когда при семейно-бытовых конфликтах применяется насилие в отношении совершеннолетнего члена семьи, в частности, при побоях.

Кроме того, полагаем, что при квалификации правонарушений, совершаемых с применением насилия, следует учитывать не только личность потерпевшего (несовершеннолетний возраст), но и сам характер совершаемых в их отношении насильственных действий, некоторые при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего могут указывать на жестокое обращение с несовершеннолетними и влиять на квалификацию правонарушений (ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 156 УК РФ).

СВОЙСТВА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

В целях определения тех деяний, которые могут указывать на жестокое обращение с несовершеннолетними и тем самым обращать на себя пристальное внимание уполномоченных должностных лиц полиции и других правоохранительных органов, предлагаем рассмотреть одно из судебных решений, размещенных на сайте sudact.ru.

Таковым является приговор № 1-244/2020 от 14 октября 2020 г. по делу № 1-244/2020 в отношении гражданки Но-

моконовой А. Н., признанной виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 117, ст. 156 УК РФ.

Преступления совершены при следующих обстоятельствах (курсив автора).

Гр. Номоконова А. Н., являясь матерью несовершеннолетней К., на почве возникших личных неприязненных отношений, будучи недовольной поведением несовершеннолетней, находясь по месту своего жительства, решила систематически, на протяжении длительного времени истязать проживающую с ней К., причиняя ей физические и психические страдания. Мать систематически наносила несовершеннолетней дочери побои и совершала иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, а именно: в период с конца июня 2018 г. по 23 марта 2020 г. совершила не менее 5 фактов нанесения побоев и не менее 2 фактов причинения иных насильственных действий, причиняющих физическую боль.

В июне 2018 г. в дневное время, находясь в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя умышленно совершила иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, а именно *схватила рукой за волосы К. и с силой потянула за них, причиняя физическую боль, после чего нанесла побои, ударив ладонью руки не менее 3 раз по голове К.*

В январе 2020 г. Номоконова А. Н., находясь в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, по месту своего жительства умышленно нанесла К. побои, а именно *ремнем с силой нанесла не менее 1 удара по рукам К., после чего ладонью руки нанесла не менее 3 ударов ей по голове, причинив физическую боль.*

В период с 23 февраля 2020 г. по 8 марта 2020 г. в дневное время Номоконова А. Н., находясь по месту своего жительства, умышленно нанесла К. побои, а именно *скалкой с силой нанесла не менее 1 удара по голени левой ноги, причинив ей физическую боль и ушиб мягких тканей*

передней поверхности верхней трети левой голени в виде кровоподтека.

12 марта 2020 г., находясь по месту своего жительства Номоконова А. Н. умышленно нанесла К. побои, а именно *скалкой с силой нанесла не менее 1 удара по ступне левой ноги*, причинив ей физическую боль и ушиб мягких тканей внутренней поверхности левой стопы в виде кровоподтека.

23 марта 2020 г., находясь по месту своего жительства Номоконова А. Н. умышленно причинила иные насильственные действия, причиняющие физическую боль и нанесла К. побои, а именно схватила рукой за волосы К. и с силой потянула за них, причиняя физическую боль, после чего *ладонью руки нанесла не менее 1 удара по лицу*, причинив ей физическую боль и гематому в области левого глаза³.

Как мы видим, виновная совершила несколько административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, на протяжении долгого времени, при этом способы совершения этих правонарушений различные: нанесение ударов ладонью руки, скалкой, хватание за волосы и др. Судом указанные действия были учтены при доказательстве совершения гр. Номоконова А. Н. преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ: ненадлежащее исполнение обязанности по воспитанию своей несовершеннолетней дочери К., сопровождавшееся жестоким обращением.

Полагаем, что с учетом личности несовершеннолетнего, его беспомощности, необходимо более конкретно определить, какие именно насильственные действия, которые ему причиняются, должны признаваться в качестве случаев жестоко-

го обращения с несовершеннолетним при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Относительно содержания понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним» нет однозначного ответа. Возникает вопрос, что в качестве случаев жестокого обращения с несовершеннолетними следует учитывать.

К сожалению, легальная дефиниция «жестокое обращение с детьми» отсутствует. Практики и суды на протяжении почти 20 лет руководствовались разъяснением, сформулированным в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 27 мая 1998 г. № 10, согласно которому жестокое обращение с несовершеннолетним может проявляться «не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ним либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей)»⁴.

Постановлением Пленума ВС РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 данный пункт был объявлен утратившим силу, однако «жестокое обращение с детьми» как негативный фактор остался основанием лишения судом родительских прав: «если они жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность» (подп. «г» п. 16)⁵. Исходя из данной нормы

³ Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края № 1-244/2020 от 14 окт. 2020 г. по делу № 1-244/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5PjjselJpUQw/>

⁴ О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1998. № 7.

⁵ О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 14 нояб. 2017 г. № 44 // Рос. газ. 2017. 20 нояб.

следует, что суд в качестве структурного элемента жестокого обращения с детьми указал осуществление физического или психического насилия над ними, при этом оставил открытым вопрос о наличии, сущности и характеристике иных элементов жестокого обращения с детьми.

Однако жестокое обращение с детьми в отечественной правовой системе является оценочным понятием и, как заявляется, оно не может быть формально определено и детализировано законом. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, использование в оспариваемом законоположении оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности его содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций⁶. Таково мнение и у специалистов по уголовному праву [8].

Например, А. И. Коробеев полагает, что понятием жестокого обращения охватываются «различные формы воздействия на потерпевшего, характеризующиеся

крайней степенью негуманности, бесцеремония, безжалостности. Будучи оценочной категорией, это понятие включает в себя довольно широкий спектр разнообразных действий...»⁷.

Профессор А. Э. Жалинский под жестоким обращением понимает «причинение несовершеннолетнему физических и психических страданий путем нанесения побоев, причинения телесных повреждений, лишения свободы, еды, одежды, угроз расправиться с ними и т. д.»⁸.

Справедливо также мнение, что «в России правовой преемственности по вопросам семейного насилия не существует» [9, с. 12].

Тем не менее, казалось бы, рассматриваемый негативный фактор должен быть интересен только специалистам отечественного уголовного права по той причине, что «жестокое обращение с несовершеннолетним» является обязательным компонентом объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». Однако ситуация с квалификацией некоторых противоправных действий изменилась в связи с некоторой декриминализацией побоев (2017 г.), повлиявшей

⁶ По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л. Н. Кондратьевой и А. Н. Мумолина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 февр. 2008 г. № 120-О-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильменейкина Павла Вениаминовича на нарушение его конституционных прав подпунктом «а» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 марта 2009 г. № 231-О-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 41.7 и подпунктом «в» пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июля 2012 г. № 1316-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мингазутдинова Ильдара Галимзяновича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 3 июля 2014 г. № 1486-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ *Полный курс уголовного права* : в 5 т. / А. И. Бойцов [и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. Т. II. Преступления против личности. С. 276.

⁸ *Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / под общ. ред. А. Э. Жилинского. 2-е изд., испр. и доп. М. : Эксмо, 2006. С. 452.

на состояние вопроса отграничения преступных деяний от административных правонарушений, сопряженных с применением насилия.

Доказательством того, что существуют проблемы с квалификацией преступлений и привлечением виновных к ответственности по ст. 156 УК РФ, является низкое количество их выявления и квалификации в данном качестве со стороны правоохранительных органов. Удельный вес несовершеннолетних, виктимизированных от всех насильственных преступлений со стороны членов семьи, в общей численности населения России в возрасте от 0 до 17 лет, в 2021 г. составил 0,25 %. Общее количество преступлений, совершенных по ст. 156 УК РФ в 2021 г., составило 1 899 человек⁹.

**СОВЕРШЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ ПРИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ
КОНФЛИКТАХ, В ЧАСТНОСТИ,
ПОБОВЕ (СТ. 6.1.1 КОАП РФ),
В ПРИСУТСТВИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Следует обратиться к вопросу правовой оценки совершения насильственных действий при семейно-бытовых конфликтах в отношении совершеннолетнего члена семьи, в частности, причинения побоев в присутствии несовершеннолетних.

Результаты проведенного автором социологического опроса участковых уполномоченных полиции, которые непосредственно прибывают на сообщения о правонарушениях, связанных с семейно-бытовыми конфликтами, показывают, что дети в большинстве случаев являются очевидцами насильственных действий одного родителя (члена семьи) в отношении другого: в 67 % случаев в семьях с детьми очевидцами таких деяний являются именно дети. При этом сотрудники полиции указали, что акты насилия оказывают опре-

деленное негативное воздействие на психическое состояние несовершеннолетних. В некоторых случаях дети пытаются защитить одного члена семьи, как правило, свою мать от насилия со стороны отца (отчима) (47 %, дети от 3 до 17 лет). Однако по действующему законодательству эти факты никак не отражаются при назначении наказания виновному за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ.

**Опыт отдельных штатов США:
присутствие ребенка при фактах
семейного насилия
(нанесении побоев) является
отягчающим обстоятельством**

Интересен зарубежный опыт регулирования вопросов противодействия семейному насилию. Тема международного правового механизма противодействия семейному насилию привлекает отечественных ученых [10]. Обратимся к опыту США, где в 13 штатах ужесточены наказания за нарушения закона о насилии в семье, совершенные в присутствии несовершеннолетнего. Разберем на конкретных примерах.

Законодательный орган штата Миннесота в разделе 2 [626.5552] «Ребенок, подвергшийся воздействию насилия в семье» статута штата Миннесота содержит несколько закреплённых случаев.

Считается, что ребенок подвергся насилию в семье, когда:

– родитель или другое лицо, ответственное за уход за ребенком, принимает насильственную форму поведения, которое неизбежно или серьезно угрожает физическому или психическому здоровью ребенка;

– родитель или другое лицо, ответственное за уход за ребенком, участвует в повторном домашнем насилии;

⁹ Статистика ГИАЦ МВД России. Сводный отчет по России «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях» за 2021 г. (статистическая форма 455).

– ребенок был свидетелем неоднократных случаев бытового насилия¹⁰.

Аналогичным образом данное обстоятельство расценивается и в законодательном акте штата Колорадо:

«е. Лицо, которое ранее было осуждено за нарушение этого раздела или правонарушение в любом другом штате, Соединенных Штатах или на любой территории, подпадающей под юрисдикцию Соединенных Штатов, которое представляло бы собой жестокое обращение с детьми, если оно было совершено в этом штате, и которое совершает жестокое обращение с детьми, как это предусмотрено в подпункте (V) или (VI) пункта (а) этого подраздела (7) или, как предусмотрено в подпункте (I) или (II) пункта (б) этого подраздела (7) совершает уголовное преступление 5-го класса, если проверяющий факт установит, что новое преступление связано с любым из следующих действий:

совершает уголовное преступление 5-го класса, если проверяющий факт установит, что новое преступление связано с любым из следующих действий:

III. Ответчик неоднократно угрожал причинением вреда или смертью ребенку или значимому лицу в жизни ребенка, какие угрозы были сделаны в присутствии ребенка;

IV. Обвиняемый совершил продолжающуюся серию актов насилия в семье, как этот термин определен в разделе 18-6-800.3, в присутствии ребенка (курсив мой. – А. Р.)»¹¹.

Обозначенное курсивом обстоятельство так или иначе закреплено в качестве

отягчающего размер наказания в большинстве штатов США.

Так, согласно разделу 18-904 «Наказание за нанесение побоев» законодательного акта штата Айдахо такое деяние «наказывается штрафом, не превышающим одной тысячи долларов (1000 долларов), или тюремным заключением в окружной тюрьме, не превышающим шести (6) месяцев, или и тем, и другим»¹².

А в другой норме этого акта законодатель усиливает наказание: «При этом максимальное наказание, предусмотренное настоящей статьей, удваивается, если акт бытового насилия или побоев, за который лицо осуждено или признает себя виновным, имел место в присутствии ребенка. Для целей этого раздела “в присутствии ребенка” означает физическое присутствие ребенка или знание того, что ребенок присутствует и может видеть или слышать акт домашнего насилия или избиения. Для целей настоящего раздела “ребенок” означает лицо, не достигшее шестнадцатилетнего (16) возраста»¹³.

Можно добавить, что вывод, представленный в американской научной литературе, ярко демонстрирует состояние исследуемой проблемы в американской обществу: «Быть свидетелем домашнего насилия – это обычное явление среди детей, но лишь недавно оно было признано особой формой жестокого обращения» [11, р. 161].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом всего вышесказанного в качестве выводов и рекомендаций следует определить, что такое негативное явление, как

¹⁰ 2000 Minnesota Statutes. Section 626.5552 Child exposed to domestic violence // Minnesota Legislature. URL: <https://www.revisor.mn.gov/statutes/2000/cite/626.5552>

¹¹ 2020 Colorado Revised Statutes Title 18 – Criminal Code Article 6. Offenses Involving the Family Relations Section 18-6-401. Child abuse – definition. E (IV) // Justia. URL: <https://law.justia.com/codes/colorado/2020/title-18/article-6/section-18-6-401>

¹² 2021 Idaho Code Title 18 – Crimes and Punishments Chapter 9 – Assault and Battery Section 18-904 – Battery – Punishment // Justia. URL: <https://law.justia.com/codes/idaho/2021/title-18/chapter-9/section-18-904/>

¹³ 2021 Idaho Code Title 18 – Crimes and Punishments Chapter 9 – Assault and Battery Section 18-918 – Domestic Violence. (4) // Justia. URL: <https://law.justia.com/codes/idaho/2021/title-18/chapter-9/section-18-918/>

жестокое обращение с несовершеннолетними, не получило в российской правовой системе надлежащей оценки и фиксации. Законодатель в определенной степени отстранился от реализации своей функции по формулированию обозначенного негативного явления в законодательстве, тем самым образовал правовой вакуум. Своим постановлением Пленум Верховного Суда Российской Федерации, по сути, охарактеризовал рассматриваемые факторы в качестве оценочных понятий, не имеющих возможности правового обозначения и конкретизации в законодательстве. Это ставит правоприменителя в лице правоохранительных органов и их должностных лиц в крайне сложное положение по причине неполной ясности и понимания того, какие признаки должны содержать деяния, чтобы их квалифицировать в качестве случаев жестокого обращения с детьми при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Предложены на обсуждение некоторые виды насильственных действий, которые помимо содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 111, 112, 115, 116, 116.1, 119, могут указывать на жестокое обращение с несовершеннолетними при неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего:

- а) жечь (поджигать), резать ребенка;
- б) ударять ребенка сжатым кулаком;
- в) наносить удары или совершать иные действия, которые приводят к любой неакцидентальной травме (*травма опорно-двигательного аппарата – пояснение автора*) ребенка в возрасте до 18 месяцев;
- г) осуществлять необоснованное вмешательство в дыхание ребенка;
- д) угрожать ребенку расправой оружием;
- е) наносить удар ребенка в возрасте до одного года по лицу или голове;
- ж) намеренно давать ребенку отравляющие вещества, алкоголь или опасные,

вредные или контролируемые вещества, которые не были предписаны ребенку практикующим врачом, в целях контроля или наказания ребенка, или другие вещества, которые существенно влияют на поведение ребенка, координацию движений или его суждение, или которые приводят к болезни или внутренней травме, или подвергают ребенка медицинским процедурам, которые не были бы необходимыми, если бы ребенок не был под воздействием этих веществ;

з) необоснованное физическое заключение или ограничение свободы, включая привязывание, посадка в клетку или заколачивание в цепи;

и) нанесение несовершеннолетнему ударов с помощью твердых предметов;

к) натравливание собак и иных опасных животных на несовершеннолетних.

Обозначенные насильственные действия с учетом личности несовершеннолетнего (возраст, беспомощность, неосознания и непонимания сущности совершаемых в отношении него действий, неспособность соответственно реагировать на них, предпринять действия, направленных на самозащиту, физическая неразвитость и т. п.) и свойств совершаемых противоправных насильственных действий могут причинить непоправимый вред психическому и физическому развитию еще недееспособной, несформировавшейся детской личности.

Названные действия могут лечь в основу актов прокуратуры или судов (Рекомендации прокуратуры или разъяснения суда о случаях жестокого обращения с несовершеннолетними).

Такие факты, как причинение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ), совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнему (родителю или иному законному представителю) в присутствии несовершеннолетнего, следует признать в качестве отягчающих административное наказание обстоятельств. Предлагается

предусмотреть квалифицированный состав: в ст. 6.1.1 КоАП РФ следует добавить часть вторую следующего содержания:

«Те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнему лицу в присутствии несовершеннолетнего –

влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до шестидесяти тысяч рублей, либо административный арест на срок от пятнадцати до тридцати суток, либо обязательные работы на срок от ста двадцати часов до двухсот сорока часов».

Думается, что сделанные выводы и представленное предложение позволят в определенной степени изменить

общественное сознание и правосознание, а также модель поведения лиц, намеривающихся совершить насильственные правонарушения (побои), осуществляемые в присутствии несовершеннолетних (и в целом), в сторону отказа от их совершения. Также названные насильственные действия, выражающие жестокое обращение с несовершеннолетними, позволят правоприменителю в определенной степени улучшить понимание сущности состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. Это может способствовать более действенной защите прав несовершеннолетних на надлежащее их воспитание и содержание, а виновных лиц подвергать справедливому наказанию.

Список литературы

1. Должникова Е. В., Савосина Н. В., Караваев Е. С. Особенности привлечения к административной ответственности за побои в семье // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 117–120. DOI: <https://doi.org/10.23672/b1453-6254-8597-k>
2. Шурухнова Д. Н., Капкова М. А. К вопросу об объекте состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ «Побои» // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 25 апр. 2019 г.) / под ред. Л. В. Павловой. Рязань : Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний, 2019. С. 320–323.
3. Юрова К. И., Диланчан Р. Р. Объективные признаки побоев и истязания // European Scientific Conference : сб. ст. победителей IV междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Пенза : Наука и просвещение, 2017. Ч. 1. С. 322–324.
4. Артюшина О. В. Квалификация побоев как насилия, не опасного для жизни или здоровья // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 141–152. DOI: [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).141-152](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).141-152)
5. Полякова Н. В. Особенности применения ст. 6.1.1 КоАП РФ в отношении несовершеннолетних и с их участием // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1 (3). С. 181–186.
6. Казакова В. А. Проблемы квалификации преступлений против здоровья : моногр. М. : РУСАЙНС, 2018. 436 с.
7. Багун Э. А. Побои в системе преступлений против здоровья: история, современность, перспективы уголовно-правового регулирования // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 4. С. 65–71.
8. Нагорная И. И. Жестокое обращение с ребенком как оценочное уголовно-правовое понятие // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 142–154. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.142.154>
9. Алексеева Л. С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение. М. : Нац. книж. центр : ИФ «Сентябрь», 2016. 160 с.
10. Бучакова М. А., Гайдуков А. А. Международно-правовой механизм противодействия насилию в семье // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 42–45.
11. Dodaj A. Children Witnessing Domestic Violence // Journal of Children's Services. 2020. Vol. 15, no. 3. P. 161–174. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/JCS-04-2019-0023>

References

1. Dolzhnikova E. V., Savosina N. V., Karavaev E. S. Features of Bringing To Administrative Responsibility For Beatings in the Family. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2020;9:117-120. DOI: <https://doi.org/10.23672/b1453-6254-8597-k> (In Russ.).

2. Shurukhnova D. N., Kapkova M. A. On the Issue of the Object of an Administrative Offense Under Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation “Beatings”. In: Pavlova L. V. (Ed.). *Administrative Activities of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation and Foreign Countries*. Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service Publ.; 2019. P. 320–323. (In Russ.).
3. Yurova K. I., Dylanchan R. R. Objective Evidence of Beatings and Torture. In: *European Scientific Conference. Ch. 1*. Penza: Nauka i prosveshchenie Publ.; 2017. P. 322–324. (In Russ.).
4. Artyushina O. V. Qualification of Beatings as Non-Live-Threatening and Non-Health-Threatening Violence. *Law Enforcement Review*. 2020;4(4):141-152. DOI: [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).141-152](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).141-152) (In Russ.).
5. Polyakova N. V. Peculiarities of Application of Art. 6.1.1 Code of Administrative Offences Against Minors and Their Participation. *Police and Society: Problems and Prospects of Interaction*. 2019;1:181-186. (In Russ.).
6. Kazakova V. A. *Problems of Qualification of Crimes Against Health*. Moscow: RUSAINS Publ.; 2018. 436 p. (In Russ.).
7. Bagun E. A. Beatings in the System of Crimes Against Health: History, Contemporary, Prospects of Criminal Regulation. *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy*. 2020;4:65-71. (In Russ.).
8. Nagornaya I. I. Child Abuse as Estimating Concept Of Criminal Law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2017;2:142-154. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.142.154> (In Russ.).
9. Alekseeva L. S. *Child Abuse: Its Consequences and Prevention*. Moscow: Natsional’nyi knizhnyi tsentr Publ., Sentyabr’ Publ.; 2016. 160 p. (In Russ.).
10. Buchakova M. A., Gaidukov A. A. International Legal Mechanism for Combating Domestic Violence. *Altai Law Journal*. 2021;1:42-45. (In Russ.).
11. Dodaj A. Children Witnessing Domestic Violence. *Journal of Children’s Services*. 2020;15(3):161-174. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/JCS-04-2019-0023>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Викторович Равнюшкин, заместитель начальника кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России (ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3604-5070>; e-mail: ravnyushkin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Ravnyushkin, Deputy Head of the Department of Administrative Law at the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (1 Pilot Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3604-5070>; e-mail: ravnyushkin@mail.ru

Поступила | Received
29.07.2022

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
21.08.2022

Принята к публикации | Accepted
22.08.2022

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 pt, сноска – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотацию рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все *научные* источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикация как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);

- не более 15 % источников – монографии;

- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;

- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;

- учебники, учебные пособия;

- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;

- правила, стандарты, патентные документы;

- словари, энциклопедии, другие справочники;

- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;

- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;

- для собственных названий издательств, например: Nauka, YurLitinform;

- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрострочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;

- полужирное начертание;

- наличие двух и более пробелов подряд;

- знаки табуляции;

- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;

- мягкий перенос;

- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author’s request enclosed may also be sent to the editorial office’s e-mail (наука@siblu.ru).

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal’s profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author’s discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author’s discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;
- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;
- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;
- text books, workbooks;
- statutes and regulatory acts, judicial acts;
- rules, standards, patents;
- dictionaries, encyclopedias, other reference books;
- reports, statements, protocols, statistics data;
- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (*in English*), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;
- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;
- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,
- bold font,
- two or more consecutive blank spaces,
- tabulation symbols,
- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,
- soft hyphens,
- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *О. В. Арефьева*

Редактор текстов на английском языке: *Д. Т. Караманукян*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-75350

Индекс в подписном каталоге «Почта России» – ПП812

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2022

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 15.12.2022

Подписано в печать 06.12.2022

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 8,94. Уч.-изд. л. 9,69.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Россия

Scientific journal "Siberian Law Review"

Editor *O. V. Aref'eva*

Text editor in English *D. T. Karamanukyan*

Desktop publishing and design *L. A. Zarubina*

Cover desing *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration certificate PI № FS 77-75350

Index in the subscription catalog "Russian Post" – PP812

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal "Siberian Law Review" reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal "Siberian Law Review", 2022

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 15.12.2022

Signed print 06.12.2022

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 8,94. Edit. pr. pg. 9,69

Printed in LLC "Printing Center "Tatyana"

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russia